

Шевкет Кешфидинов

ЛЮБОВЬ. НЕНАВИСТЬ. ДЕНЬГИ

Шевкет Кешфидинов

ЛЮБОВЬ.
НЕНАВИСТЬ.
ДЕНЬГИ

Симферополь
2013

УДК 82-3

К 37

Кешфидинов Ш.

К37 Любовь. Ненависть. Деньги. / Ш. Кешфидинов. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2013. – 140 с.
ISBN 978-617-648-179-9

Это история пересечения двух эпох. Современный американский город и деревня Михайловка в дореволюционной России.

Роман о сильных людях. О сильных чувствах. Об отчаянной борьбе за счастье. Окунувшись в перипетии судеб героев, становишься свидетелем роковых решений, гнусных предательств, красивой любви.

Неудачи переживают все. Многие мирятся с тем, что есть. И только по-настоящему мужественные, искренние, самоотверженные не сдаются и идут до конца. Вольному воля, спасенному рай. Чем закончится эта история, станет понятно лишь в самом конце.

Такова жизнь, которая зиждется на трех столпах: любви, ненависти, деньгах.

Для широкого круга читателей.

УДК 82-3

ISBN 978-617-648-179-9

© Кешфидинов Ш., 2013

© ИТ «АРИАЛ», 2013

*ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕЙ БАБУШКЕ,
КЕШФИДИНОВОЙ РЕФИКЕ*

ПРОЛОГ

Не видя никого вокруг, из больницы нетвердой походкой вышел мужчина. Лицо, лишенное красок, и ужас в глазах заставляли прохожих опасливо сворачивать с его пути. Он бродил по улицам, опустошенный и несчастный, и, наверное, не замечал, что плачет. Тяжело дыша, пытался развязать тугой узел галстука.

Поймал такси. Машина на предельной скорости неслась за город. Ему стало не намного, но легче. И пока автомобиль не скрылся за поворотом, он держался.

Наедине с собой в каждом переходящем в хрип крике — боль от его приговора.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Меня зовут Алекс Пауэлл. Мне 42. Я живу без намека на морщины, лишний вес и без признаков личной жизни. Есть только нелюбимая работа и маленькая прекрасная семья.

Мои мама и сестра обладают редким даром любить окружающий мир во всем его разнообразии. Они из тех, кто с годами становится сильнее. Я не такой, увы. Но делать вид у меня чаще всего получается.

Отец умер много лет назад. Он был стар телом, болен сердцем — и до конца молод душой. Столько лет прошло, а мне все еще тяжело вспоминать день, когда он ушел. Но я чувствую его незримое присутствие за плечами. Это помогает идти по жизни, не сильно сторбившись. Папа был писателем. Страницы его работ еще хранят такой родной, дороже всего на свете запах. Недавно мама предложила устроиться в кабинете отца. Я согласился и, ничего не меняя, жил там сочетанием чужих и личных переживаний.

Работаю я в филиале крупнейшего банка страны. Считаю и приумножаю чужие капиталы. Службу откровенно не люблю, но добросовестно выполняю.

Каждое мое утро начинается с сеансов аутотренинга. А когда собственных сил не хватает, что бывает довольно часто, на помощь приходит Джейн, сестра. Ей семнадцать. В этом году она заканчивает школу. Хочет продолжить обучение. Меня это радует, но ребром вопрос: «Где достать деньги на колледж?»

Сестра понимает наше нелегкое положение и второй год подрабатывает. Одежда, косметика, оплата уроков вокала — все за ее счет. Джейн спит и видит себя популярной певицей. У нее, по словам педагога, есть неплохой шанс на успех. И, если мы хотим, чтобы она действительно чего-то добилась на музыкальном поприще, нужны переезд, деньги, знакомства, а лучше все вместе.

– Алекс, доброе утро! Завтрак на столе! Вставай! – весело пропела сестра.

Всегда было интересно, откуда столько жизнерадостности, когда мне хочется застрелиться? Наверное, Джейн рождена такой и никакие испытания ее не изменят.

– Как я хочу спать...

– Много спать вредно. Жизнь проспийшь и не заметишь! – назидательно сказала мама.

В самом деле? Что ж, карнавал жизни и так прошел мимо, но мы все еще ждем потерявшихся клоунов.

Наспех позавтракав, вышел из дому.

Город еще спал. Вокруг никого, кроме таких же зевающих, хмурых, спешащих на работу людей, как я. Привычная безрадостная картина. И возвращаясь с работы, видишь то же самое. Отсюда и впечатление, что мой город вечно спит.

Новый охранник. Пришлось предъявить пропуск.

У кабинета, который я делил с двумя сотрудниками, меня уже ждала одна из помощников руководителя банка. Немолодая, непривлекательная, беспринципная карьеристка. Человек трезвого и корыстного ума. Ее боялись и ненавидели, но были вынуждены терпеть. Сердце тревожно забилось, мелко затряслись коленки. Я ничего не мог с этим поделать.

– Доброе утро, Николь.

Начальница не удостоила меня ответным приветствием и без слов вручила листок с поставленными на сегодня задачами. На пороге появились мои коллеги. Увидев жрицу финансов, как между собой сотрудники называли Николь, они оторопели, но не настолько, чтобы не успеть поклониться и пожелать ей хорошего дня.

Она ушла, взамен оставив чувство неловкости и стыда. Каждый из нас держался за свое место. Заискивания перед начальством были неременным условием работы, но когда при этом присутствовали твои сослуживцы...

Смущенные, мы сделали вид, что ничего не произошло, и принялись за работу. Тучная Лили с трудом протиснулась за стол. Кевин начал зло подтрунивать над ней. Та в долгу не осталась. День начался и шел так же, как и последние семь лет.

Сегодня мне надо проверить счета постоянных клиентов, связаться с руководством недавно открытого филиала, проследить за работой моих подопечных и еще ... а потом...

Время обеда. Но я не укладывался в график, поэтому продолжал работать, несмотря на то что устал, как после разгрузки вагонов. Да, было и такое в пору моей беззаботной молодости. В последнее время я недовольно замечал, как быстро устаю. Что было причиной? Наверное, годы работы без передышек.

– Алекс, дорогуша, что с тобой? Ты такой бледный...

Лили – заведующая отделом кадров. Она успевает заниматься не только непосредственно своими обязанностями, но и следить за самочувствием сотрудников. Последнее – ее инициатива.

– Просто много работы, – отмахнулся я.

– Золушка, а злая фея хоть вознаграждение пообещала?

Желчный юмор Кевина портил в целом неплохое впечатление об этом парне. Но сейчас он был прав. Столько лет добросовестной, но без рвения работы, и никаких заметных продвижений по карьерной лестнице. Видимо, слухи, что я не горю желанием быть начальником, дошли и до руководства банка. Разумеется, это влияло на их мнение. А мне-то всего лишь нужны деньги!

Вторая половина дня мало чем отличалась от первой. Никогда не делал вид, что работаю, – я действительно работал. Снова зазвенел телефон, раздался шум факса, стук по клавиатуре. Когда за окном ночь сменила день, список дел был выполнен. Можно без угрызений совести идти домой.

Улица пустынна, но мне к отсутствию людей не привыкать. Вдруг сзади слышались шаги. Резко обернувшись, я увидел Кевина. Какое-то время пришлось ждать, пока он отдышится и скажет, что ему от меня надо. Парень хоть и молод, но физической подготовкой не отличается.

– Ты не мог бы мне помочь?

Признаться, я не удивился. С подобными просьбами он обращался ко мне чуть ли не каждый месяц. Кевин работает в пиар-отделе. Выдумывает различные слоганы, девизы, карикатуры. В общем, делает все, чтобы наш банк не терял попу-

лярность. Он устроился на работу недавно, но уже сейчас становилось понятно: этот человек совершенно ошибся в выборе профессии.

Однажды, забившись в угол кабинета, он почти в слезах вымаливал у неба вдохновения. Я не выдержал и закидал его вариантами собственного сочинения. В этом была моя непростительная ошибка. Теперь я вынужден помогать коллеге в его работе постоянно. Но, честно говоря, рекламные плакаты банка с моими идеями порой поднимали настроение.

Отныне Кевин выглядел лучше, а я работал в относительной тишине. Это сделало нас почти друзьями.

В середине его скучного рассказа о концепции проекта резкая боль пронзила живот. От неожиданности приступа я чуть не упал. Хорошо, что рядом был знакомый человек. Перепуганный Кевин довел меня до ближайшей скамейки. Боль все не отпускала.

– Вызвать врача? Здесь недалеко есть поликлиника.

Идея хорошая, но меня не впечатлила. Со мной и раньше такое случалось. Вот они, последствия нерегулярного питания. Лили без конца повторяла, что на такие вещи нельзя не обращать внимания. Конечно, она была права. Но как это все не вовремя!

– Спасибо за помощь, Кевин. Дальше я сам. Иди домой. Давай. Пока.

– Возьми, это телефон моего знакомого врача. Обязательно обратиться к нему, он хороший специалист. Такими вещами не шутят!

Он убедился, что я спрятал визитку в карман, и ушел. Когда боль отпустила и восстановилось нормальное дыхание, я тоже отправился домой. Там меня ждали совсем неоригинальные вопросы и привычные упреки.

– Ты задержался почти на два часа! – горячилась мама. – Это уже ни в какие ворота не лезет! Что они там себе думают, в твоём банке? Разве так можно? Побереги себя, сын.

Я заперся в комнате и тихонечко заскулил.

– Алекс? Все нормально?

Мысленные беседы с отцом давно стали частью моей жизни.

— Да, пап. Все отлично.

— Алекс? — это уже сестра. — Идем ужинать. У нас сегодня жаркое!

Каждый проглоченный кусочек мяса вызывал тошноту. Что со мной происходит? В конце концов я извинился и вышел из-за стола. Нег сил даже принять душ. Завтра, — пообещал себе. Все завтра. Засыная, не расслышал, как в комнату кто-то зашел. И только весьма кстати вопрос мамы меня разбудил:

— Ты спишь?

Я не переубеждал, но она настаивала.

— Алекс, проснись! Немедленно проснись, мне нужно с тобой поговорить! — Эта женщина не умела отказываться от поставленных целей.

Вздыхнув, я открыл глаза и со страдальческим лицом повернулся к ней.

— У тебя кто-то появился? — озабоченно и одновременно с надеждой спросила она.

— С чего ты взяла? — я уставился на нее с неподдельным изумлением.

— Пыталась объяснить твои постоянные задержки на работе! Что, я не права? Но почему? Сынок, тебе давно пора иметь свою семью!

Песню под названием «Когда же ты женишься?» мама заводила постоянно, но в последнее время пела ее все чаще. Обычно я терпеливо ждал, когда она выскажется, и менял тему разговора. Но сегодня усталость пересилила. Глаза закрылись сами собой. Я не заметил, когда мама замолчала. С обидой в лице она встала, выпрямилась во весь свой маленький рост и молча вышла. Я мысленно отмахнулся от угрызений совести и упорно пытался заснуть. Но в комнату вошла Джейн. Ее звонкий голос разогнал остатки сна. Сестра долго рассуждала непонятно о чем, здорово мне надоев. Возможно, если бы я не так устал, то заметил, что она никак не решится сказать главного.

— Давай завтра поговорим?

— Хорошо.

Меня насторожило то, как быстро сестра согласилась и как сильно при этом покраснела.

– Подожди. Что я должен услышать сейчас?

Опустив глаза, она, будто оправдываясь, сказала:

– У нас подорожало обучение в музыкальной школе. Я знаю, тебе нелегко, поэтому не решалась сказать. Завтра последний день, чтобы оплатить учебу!

– Напомни утром, я дам деньги.

Еще одна статья расходов. А так хотелось отправить маму на отдых...

«С проблемой нужно переночевать» – так говорил отец. Я накрыл голову подушкой и заснул крепким, без видений сном.

Утром счастливое выражение лица сестры еще раз убедило: я поступаю правильно. В конце концов, оплачивать ее уроки – моя обязанность. Мельком бросив взгляд в зеркало, я с удивлением отметил, как сильно похудел. И без того выдающиеся скулы обозначились сильнее. Махнув на это рукой, вышел из дому.

Погода на улице была торжественно-унылая. Затянутое небо, тяжелый воздух, тоскливые лица прохожих...

В конце месяца на работе всегда повышенно возбужденная обстановка. Сдаются финансовые отчеты, подводятся итоги и тут же составляются планы на следующий месяц. Я мог гордиться с моей стороны все было на высшем уровне. Подумав, что заслужил уйти раньше, со спокойной душой закрыл дверь кабинета. Стоило ли в освободившееся время пройти медицинское обследование? После недолгих сомнений я записался к рекомендованному Кевином врачу. Ничего серьезного, убеждал себя. Обычная проверка.

Между тем на улице распогодилось. Настроение было приподнятое, поэтому до больницы я шел пешком. Благо недалеко.

В очередной раз напомнив себе, что не имею права запускать собственное здоровье, перешагнул порог больницы. Получив в регистратуре направление, я обходил кабинеты врачей. Некстати вспомнились резкие боли в животе. Подозрения, что это гастрит, спокойствия не прибавили. Несвоевременное питание, да еще и полуфабрикатами, сделало свое дело. Подобные невеселые предположения стерли улыбку с лица.

У двери гастроэнтеролога я замер с неприятным ощущением на зубах. В руках мял визитку, данную сослуживцем. Быть

может, я так и простоял, если бы доктор сам не вышел из кабинета, больно стукнув дверью по лбу.

– Прошу прощения. Вы ко мне? – Я нерешительно кивнул. – Проходите. Рассказывайте, что вас привело?

Переведя дух, я поделился своими опасениями. Доктор задал несколько уточняющих вопросов. И только я немного расслабился, как он сообщил, что придется глотать зонд. Мысль о резиновой трубке вызвала у меня нервную дрожь. Еще в школе, я имел неосторожность присутствовать при подобной операции у друга. Шел туда для поддержки, но в результате помощь понадобилось мне.

– Только не это!

Мой страх вызвал у врача улыбку. В его светло-серых глазах даже появился блеск. Но он быстро пришел в себя и скрыл неуместное в данную минуту веселье.

– Алекс, не стоит так волноваться. Я думаю: все пройдет спокойно, без неконтролируемых рвотных рефлексив. Результаты анализов будут готовы через два дня...

Домой я пришел непривычно рано. В прихожей столкнулся с сестрой. Чмокнув меня в щеку, Джейн завертелась перед зеркалом. С пленительной горячностью она говорила о чем-то. Я не вслушивался, только улыбался. Все и так понятно. Этот день, впрочем, как и все до этого, чуть ли не самый счастливый в ее жизни. Чудачка. Как же я её любил!

– Куда собираешься?

Вопрос был из праздного любопытства, но она заметно напугалась. Значит, вся эта нелепая болтовня – лишь способ не дать мне спросить?

– Джейн?

Она уже стояла у выхода в туфлях на невероятно высоком каблуке. Откуда такая обувь? И зачем такая короткая юбка, броский макіяж? Сестра отчаянно покраснела.

– Алекс, я нашла работу.

У меня перехватило дыхание.

– К-какую работу? – я с чего-то даже начал заикаться.

Джейн, и без того красная, после моих слов стала пунцовой.

– Меня пригласили работать в ресторан. Певницей. Вот.

Вместе с буклетом заведения, она протянула мне визитку хозяина. Рассматривая вычурно оформленный кусок картона, я не сдержался и позволил себе пару язвительных реплик, за которые тут же стало стыдно.

– Ты не рассказывала об этом раньше!

– Надеялась, что не придется...

Предупреждая вопрос, она затащила меня в свою комнату. Плотно прикрыв дверь, обернулась. В ее глазах был страх, тотчас передавшийся мне.

– Что? Что???

Напряженное молчание. Пугающие догадки. И гром.

– Сегодня маме было плохо. Настолько, что я вызвала «неотложку». Она сама общалась с врачом. Мне сказала, что ничего серьезного. Но я не верю! Не может быть, что такой приступ – это «ничего серьезного». Алекс, убеди маму пройти обследование! А я попытаюсь заработать...

Страшнее слов сестры были ее слезы.

– Все произошло так внезапно. Она схватилась за сердце и...

– Пожалуйста, не надо. Не говори. Молчи. И не плачь. Я не могу, когда ты плачешь. Иди на работу, я все выясню! Удачи тебе.

Мама на вопрос о самочувствии беспечно отмахнулась. «Не бери в голову!» Я настаивал, тогда она и вовсе замкнулась в себе. После долгих взаимных упреков наконец услышал правду. Предынфарктное состояние. Необходимы дорогостоящее лечение, отдых, витамины – все то, чего в нашей жизни так не хватает.

– Вот кредитка. Возьми столько, сколько понадобится!

Какое-то время мы просидели в тишине. Все говорящей за себя тишине. Я задумался и не заметил, как мама взяла мою руку. Легко ее сжала. Этого было достаточно. Есть ценности превыше всего...

До глубокой ночи я ломал голову в поисках выхода из положения. Денег на карточке не много, и их вряд ли хватит. Как дотянуть до зарплаты? Был, правда, у меня один счет, но...

В три часа ночи раздался звук открываемых дверей. Возбуждение Джейн чувствовалось на расстоянии. По ее раскрас-

невшемуся лицу я понял: – вечер прошел не без событий. Но не это взволновало меня, а то, как приятно захрустели деньги, вручаемые сестрой.

Появилась надежда – единственное, что я осознал.

Мы легли очень поздно. Джейн долго ворочалась, кипящая кровь не давала спокойно уснуть. Я ушел к себе, так и не сказав об истинном здоровье ее матери. Не нашел слов. Как признаться сводной сестре, что сердце самого близкого человека в любую минуту может остановиться?

Моя родная мама умерла, когда мне было шесть. Я ее совсем не помню. Легкий прозрачный образ – все, что оставило время. Но зато я отлично помню ту режущую боль. Одиночество. Страх. Даже в таком раннем возрасте, когда ты так мало понимаешь. Конечно, человек, даже самый дорогой тебе, живет не вечно. Когда-нибудь и он уйдет. Всему свое время. Но я сделаю все, что в моих силах, чтобы отстрочить эту минуту!

Я еще учился в школе, когда отец познакомился с Джулией Флагмэн. Умной, заботливой, ласковой. И главное сумевшей замешать маму. Их отношения развивались осторожно. Папа боялся обжечься, не знал, как я отнесусь к его избраннице, захочет ли сама Джулия войти в семью, где есть ребенок. Все обошлось. Мы быстро нашли общий язык.

Когда мне исполнилось 25, отец слег. Это было очень сложное время. Мы не могли привыкнуть к мысли, что он умирает. Нас спасло, что в нашей уже немолодой семье появился ребенок. Сестра Джулии родила девочку и бесследно исчезла. Мы разрывались между постелью папы и кроваткой малышки. Двухмесячная Джейн была так трогательна, завернутая в пеленки. Прошли годы, девочка подросла. Наступило время, когда дети начинают задавать вопросы. Мы долго советовались, надо ли знать Джейн правду о своем рождении. Но все решилось само, когда она назвала Джулию мамой, меня – братом.

Благодаря этому маленькому человечку с взрослым взглядом мы пережили смерть отца. Благодаря Джейн в доме всегда было веселье. Благодаря сестре мне было зачем жить. Я не представлял себя без них двоих...

На следующее утро решил, что не имею права что-то утаивать. Правда, какой бы жестокой она ни была, все же лучше лжи. Джейн приняла новость стойко.

– Справимся! – После таких слов семнадцатилетней девочки я просто не позволил себе отчаиваться.

Не успел я перешагнуть порог своего рабочего кабинета, как зазвенел телефон.

– Алекс Пауэлл? Это доктор Смит. Вы вчера проходили у меня обследование, – напомнил он. – Результаты анализов готовы. Вы могли бы сегодня прийти?

– Да, конечно. Что-то не так?

На том конце провода послышались короткие гудки. Я еще не опомнился, как на меня накинулся Кевин. Его просьба так и осталась невыполненной. Все утро я мирился с его обиженным видом и злобными взглядами. Но мне было не до него. Почему анализы не могли подождать до завтра? Что заставило доктора Смита звонить и вызывать к себе?

Работа не клеилась. Я невпопад отвечал на вопросы, два раза ошибся в подсчетах. Такого со мной не случалось. Раньше мое безразличие помогало выполнять свои обязанности аккуратно. Что изменилось сейчас?

За двадцать минут до обеда я не выдержал и вышел из-за стола.

– Если кто-то спросит, прикройте меня. Хорошо?

– Конечно. Мы же не имеем права тебя подвести! – ядовито бросил Кевин.

Мне давно не было так тяжело на сердце. Постоянно прокручивая в голове, что волноваться надо, когда появляется повод, я присел на стул под пристальным взглядом врача.

– Добрый день, Алекс! Как самочувствие?

– Спасибо, хорошо. Как вы?

Мужчина усмехнулся. Меня начинали тяготить его непонятные вспышки радости. В чем дело? Почему после такого уверенного приветствия такая заминка? Почему он колеблется и не смотрит в глаза? Наконец доктор заговорил:

– Алекс, у меня такая профессия, я часто имею дело со смертью. И, как врач, обязан оставаться беспристрастным. Сочувствовать – да. Принимать близко к сердцу – никогда.

Внутри все сжалось. Такой трагизм для моей достаточно суженой души был чересчур.

— У вас рак желудка. Последняя стадия. Мужайтесь. Четыре месяца — это все, на что вы можете рассчитывать.

Я не отошел после страшного словосочетания: «рак желудка», но отведенное мне время ввело в ступор окончательно...

Четыре месяца...

Четыре.

— Алекс, изменить ничего нельзя, но облегчить страдания мы в силах. Вам необходима госпитализация.

— Ни за что! — перебил его я. — До свидания.

Или прощайте?

Когда бежал по коридору, то чувствовал, как осуждающе смотрят мне вслед. Плевать! Что их осуждение? Жить осталось какие-то месяцы. Так стало себя жалко. Я заплакал. И вдруг внезапная ненависть ко всему миру огнем вспыхнула в груди. Почему я? За что? Почему не тот спившийся бомж? Не та вульгарная проститутка? Почему я? Пусть бесперспективный, заиклившийся на выживании, но такой нужный своей семье. Почему?

Семья? Господи, что будет с ними? Маме необходимо лечение. А Джейн? Моя маленькая Джейн, совсем ребенок...

Отчаянье, безнадежность, гнев заглушили голос разума. Я не понимал, что делаю. Пришел в себя только в лесу. Это было давно — с детства — облюбованное место за городом. И, наверное, тогда я и был здесь последний раз. Город рос, я взрослел, все менялось, а здесь время как будто замерло. Даже ветки, сложенные в шалаш, на месте. Наверное, это новое поколение ребятни обсуждает здесь свои смелые мечты. Как мы когда-то...

Именно с этим местом связаны самые яркие и теплые мгновения жизни. Но сегодня я не смеялся. Не пытался догнать ветер. Сегодня я плакал. Время, и без того ограниченное, шло. Понимая это, ничего не мог с собой поделать. Я слишком молод, чтобы умирать!

Вконце опустошенный вернулся домой. Но не смог выйти на кухню, где собрались мои женщины. Видя, что я не в луч-

шем расположении духа, меня не беспокоили. И, откровенно, я не знал: хорошо это или плохо?

Проснувшись среди ночи, на миг подумал, что моя болезнь — кошмарный сон. Плод уставшей фантазии. Но, увы...

На работу ушел раньше, чем обычно. Я не мог смотреть в глаза семье. Сначала, как мне казалось, необходимо привыкнуть с необратимым самому. Найти в себе силы держаться, а потом...

А потом? Что потом? Вычеркивание дней в календаре?

Вся неделя в полубморочном состоянии. Будто кислород мне подавался в ограниченном количестве. Ни с кем не разговаривал. Никого не хотел ни видеть, ни слышать. Я был готов лечь и умереть. Семья все еще ничего не знала. Может, будет лучше, если я просто свалюсь однажды? Хотя нет. Даже в этом не повезло! Рак убивает постепенно. Быстро отделаться не получится. Я не терплю боли. Мне невыносима мысль, что будут страдать близкие. Что делать? Самоликвидация?

— Алекс?

В комнату вошли вдвоем. По их лицам было понятно: решились выяснить, в чем дело. Я не признался. Лишь намекнул, что у меня подозрение на рак. Мама медленно опустилась в кресло. Джейн была близка к такому же состоянию, но видя, что есть люди, которым хуже, сдержалась. Понимая, что они чувствуют, мог ли я сказать, что жить мне осталось месяцы?

После того как они пришли в себя, мы сели ужинать. За столом обсуждали все, кроме моего здоровья...

Я лежал в кровати с широко открытыми глазами. Не помню, когда еще проводил бессонные ночи. Рука невольно потянулась к календарю. Мысленно отнял семь дней от отведенного мне времени. Семь бездарно прожитых дней.

Бой часов в эту ночь был слышен особенно отчетливо.

ГЛАВА 2

Воскресенье. Единственный выходной и одно желание: беспробудный сон. Иногда Джейн вытаскивала меня в городской парк, что случалось крайне редко. Сегодня сестры нет дома: она участвует в очередном песенном конкурсе. А я устал лежать в постели. Захотел прогуляться. Когда знаешь, что в твоей крови смертельная болезнь, и без того блеклая жизнь становится совсем бесцветной. Прогулка среди людей должна ободрить, по крайней мере, мне так казалось.

Но в гуще толпы я почувствовал себя еще хуже. Чтобы избавиться от неприятного ощущения, сбежал в самый отдаленный уголок парка. Здесь почти никого не было. Дышалось легче. Я бродил по лабиринту из живой изгороди и старался ни о чем не думать.

Внезапно на повороте на меня налетела девушка-бегунья. Не успев затормозить, она больно стукнула меня в плечо.

— Простите. Простите меня, пожалуйста, — извинилась она несколько раз, пряча в карман наушники.

— Да нет, вы простите. Это я не замечаю никого вокруг.

— Меня зовут Кейт, — представилась девушка и, протянув мне руку, приветливо улыбнулась.

От этой улыбки сразу забылись боль, рак желудка, страхи последних дней. Я внимательно присмотрелся к ней. Невысокая блондинка, в светлом спортивном костюме, подчеркивающим стройную фигуру. Открытое лицо, правильные черты и темно-синие, даже фиолетовые глаза.

Лучи солнца, пробивающиеся сквозь деревья, добавили ко всем достоинствам девушки несомненное магическое обаяние. Только так можно объяснить мое смелое приглашение в кафе.

Как оказалось, Кейт — бывшая спортсменка. Полученная год назад травма закрыла ей дорогу в большой спорт. Сейчас девушка учится на психолога.

— Алекс, почему вы все время молчите? И чему так грустно улыбаетесь?

Я ответил, словно не слышал вопроса:

– Вы очаровательны, Кейт. У меня ощущение, что мы знакомы тысячу лет.

– Алекс, все же вы чем-то расстроены? Вы почти весь обед молчите, но, мне кажется, хотите что-то обсудить. Я могу помочь?

Мне стоило немалых усилий все это время скрывать свою боль. И, когда появился человек, предложивший помощь, я не выдержал и все рассказал.

– А дальше?

– Что может быть дальше? Это конец моего рассказа, моей жизни. Это ужасно – знать, когда умрешь! Мысли крутятся только вокруг этого проклятого рака! Иногда мне кажется, что мысли добьют меня раньше, чем болезнь!

Выложив перед совершенно незнакомой прекрасной отзывчивой девушкой свои проблемы, я резко закрыл рот и для уверенности прижал к губам ладонь. Не выдержал и тихо сказал:

– Простите, не нужно было начинать этот разговор.

Я обессиленно опустил голову. Ждал, когда она встанет и уйдет. Но Кейт продолжала сидеть. Она накрыла мою ледяную руку своей теплой ладонью, заставив поднять на нее глаза.

– Выскажи то, что действительно тебя тревожит! Я выслушаю. Но запомни: даже если это всего лишь четыре месяца, то это твои четыре месяца! Не жди, когда болезнь поглотит. Живи. Люби. Радуйся! Потому что на самом деле никто не знает, когда наступает конец.

Глаза ее горели, щеки залились румянцем, столько чувств было на лице...

На прощание она дала мне свой телефон и настояла, чтобы я позвонил. Но какой в этом смысл? Я же умру...

– Прекрати! Не заставляй повторяться.

Еще вчера я думал о самоубийстве, но уже сегодня мои планы сильно изменились. Мне всегда не хватало праздника в жизни. По-моему, время веселья пришло!

Вечером раздался звонок. Доктор Смит отчаянно настаивал на том, что мне надо лечь в больницу.

– Алекс, это не насморк, это рак! Вы понимаете? Нельзя быть таким легкомысленным! Вам нужно...

Я не дослушал. Меня утомило слово «нужно». Из-за него я слишком многого себя лишил. Довольно! С восемнадцати лет у меня был открыт счет в банке, на который ежемесячно, ценой строгой экономии, откладывались деньги. Я дал себе слово, что использую их только в самом критическом положении. Когда узнал о состоянии матери, подумал, что время наступило. Но оказалось, что деньги на моей кредитке и медицинская страховка мамы пока покрывают расходы. Но тем не менее. Завтра я узнаю, какая сумма на счету. Сниму часть, а оставшиеся средства пойдут на обучение сестры и на спокойную старость Джулии. И еще после долгих раздумий я решил рассказать сестре об отведенных мне четырех месяцах. Джейн должна быть готова сама и поддержать маму, когда меня не станет.

Ах, да, идя утром в банк, я нес в портфеле заявление об увольнении.

— Что это? — разъяренная начальница трясла передо мной бумагой с извещением об уходе.

— Николь, поймите...

— Не хочу! Столько лет руководство терпело твою профессиональную несостоятельность! Ты работал спустя рукава!

— Ну, знаете ли...

— Молчать! — мегера брызнула слюной и успокоилась. — Вон! Мы даже не будем ждать положенного срока. На твоё место найдутся сотни желающих!

Теперь я уверен: эта женщина состоит не только из осколков льда. Ну, что ж, честно хотелось обойтись без сцен. Но осталось одно незаконченное дело.

— Я в этом банке еще и клиент. Так что будьте добры: состояние моего счета?

Николь, скрипя зубами, выполнила просьбу. Впервые за столько лет работы я почувствовал на себе, что такое высокий уровень обслуживания в нашем банке. Ловя на себе удивленные, порой завистливые взгляды уже бывших коллег, я направился в зону отдыха для клиентов. С трудом пересилил себя, чтобы не начать играть большого босса.

— 138 000 долларов. Это с процентами за последние двадцать с лишним лет. Желаете снять деньги сейчас?

В голове заработал калькулятор. Учеба Джейн – примерно половина этой суммы. Деньги на лечение Джулии. Их жизнь. И – страшно подумать! – собственные похороны. Итак, остаток? 17 000 долларов. Именно эту сумму я снял со счета.

– Счастливого оставаться! – пряча наличные в сумку, крикнул на ходу.

Зная, что семья материально обеспечена, я смело приступил к осуществлению желаний, на которые так долго не обращал внимания. Достал телефон и набрал номер самой очаровательной девушки на свете.

– Кейт, я приглашаю тебя сегодня в ресторан.

– Это свидание?

– Это свидание! В восемь около входа в парк. До встречи.

Часы показывали 16:00. Джейн уже должна была быть дома.

– Ты сегодня рано. Молодец. Все хорошо? – поинтересовалась сестра, разогревая обед.

– Мама где?

– На прогулке. Она всерьез начинает меня беспокоить. Что-то в последнее время все идет не так!

На последних словах она схватила горячую сковородку и больно обожглась. Я обнял ее за плечи. Хотел сказать что-нибудь ободряющее, но лишь прижал обожженные пальцы к губам. Тяжело вздохнув, предложил ей присесть и выслушать меня.

– Джейн, ты знаешь, что я болен.

– Да, и непонятно, почему ты не лечишься! Даже подозрение на рак...

– Джейн, у меня последняя стадия. Мне осталось четыре месяца. – Я пытался говорить спокойно, но голос не выдержал и предательски задрожал.

Сестра потрясенно молчала, и только ее огромные, распахнутые в страхе глаза наполнились слезами. Нос тут же покраснел.

– Ты не умрешь! Ты не можешь!

На душе стало еще хуже. Бедная девочка. Когда меня не станет, все заботы лягут на ее плечи. Справится ли она?

– Алекс, скажи, что это неправда. Что это жуткий розыгрыш! Скажи! Пожалуйста...

Я молчал. Разве что розыгрыш жизни...

Джейн долго плакала, но к возвращению Джулии, сделала вид, что все идет как должно.

– Ну и погода скажу я вам, ребята! Привет, сын. Вышла из дома – ни облачка, возвращаюсь, пожалуйста, – дождь. Вся вымокла. Джейн, солнышко, у тебя от долго сидения перед компьютером уже глаза красные! Так нельзя! – продолжая говорить, мама скрылась в спальне.

Часы пробили семь. Пора отправляться на свидание. Только мысли о Кейт позволяли огоньку в моей груди еще теплиться.

Я давно убедил себя: любви не существует. Это миф сродни философскому камню, который многие напрасно ищут. Коллеги, знакомые думали примерно так же. Даже смотря на отца и Джулию, я видел больше дружескую привязанность и привычку, чем любовь.

Сейчас, когда часы жизни можно подсчитать, от этого убеждения становилось грустно. К сожалению, чувство, благодаря которому живут, чувство, ради которого умирают, прошло мимо. Так я думал год назад, месяц, неделю, но не сейчас. После сорока, знающие люди советуют не влюбляться. Мол, не вышло до этого, не пробуй сейчас. А если я исключение? Ну вдруг? Призрачная надежда, пусть намек, что я смогу познать любовь, грелли душу и тело. Тело, которое порядком замерзло, ожидая мою подругу.

Кейт опаздывала, заставляя здорово волноваться. Но когда она появилась, раскрасневшаяся и улыбающаяся, я только счастливо засмеялся.

Время для обоих пролетело незаметно. И когда нас вежливо, но твердо попросили рассчитаться, мы поняли, что засиделись.

– Мне никогда не было так хорошо!

Слова Кейт отразили и мои мысли.

На прощание был нежный поцелуй. Я тщетно пытался вспомнить, когда последний раз целовался. Не вспомнил. Шел домой и удивлялся: «Какой у нас красивый город! Хотя и вечно сонный».

А вот дома никто не спал. Я не сказал, куда иду, но они все поняли без объяснений.

– Ну как? – выпытывала сестра.

Джейн из всех сил старалась при мне не грустить. Сетовать на судьбу и кричать от страха за будущее не обязательно в присутствии смертельно больного брата.

– Все разговоры – завтра.

Наутро, ловко избежав расспросов, я выскользнул из дому. Поехал на прием к нотариусу. Как бы ни была сложна процедура, у меня не было оснований ею пренебрегать. Уходя, я должен знать, что семья ни в чем не нуждается. Хотя бы первое время...

Я сидел в удобном кожаном кресле и внимательно читал юридические документы. При этом отдельными эпизодами перед глазами пролетела жизнь. И все, что вызывало тепло на сердце, так или иначе было связано с отцом, семьей, детством. Остальное просто стерлось из памяти.

Все деньги я завещал Джейн. До совершеннолетия ее опекуном будет Джулия. Такова была моя воля.

– Ну что? Все правильно? Подпиши здесь, здесь и здесь, и вы свободны.

На улице, снедаемый тяжелыми думами, я опустился на скамейку. Обхватив голову руками, пытался унять растущую тревогу. Это жизнь! Где-то черное, где-то белое. Даст Бог, Джейн и Джулия научатся жить, когда меня нет рядом.

Время шло, дни мои неумолимо приближались к закату. Маска, так долго скрывавшая истинное лицо, наконец была сорвана. Вопреки ожиданиям, вместо печали в сердце радость и любовь. Мама, хоть и не знала правды до конца, догадывалась о причинах перемен во мне. А Джейн перестала плакать и каждую свободную минуту проводила со мной. Это было приятно, тем более не так много и оставалось этого свободного времени. Меня всецело увлек роман с Кейт. Я беспрестанно думал о той, которая спасла от серого финала.

Кто мог подумать? Я любил. Любил! Но сделал все, чтобы наши отношения не переступили незримую черту. Не мог позволить чтобы, когда меня не станет, она переживала эту утрату больше, чем просто друг. Я терзался желаниями. Меня мучили сомнения. Но я всегда держал перед глазами невидимый построннему календарь.

Нет. Нельзя. Удовлетворение желания лишили бы мою лю-

бовь ее главной ценности. Незвестности. А я не мог заплатить такую высокую цену.

Каждое утро начинал с благодарности небу, что еще дышу. Каждый раз засыпая, боялся, что уже не проснусь. Каждый вечер заново прощался с семьей и любимой.

Остались считанные дни до Рождества. Моего последнего Рождества. Тоска тихо и властно заключила в свои объятия. Все чаще и чаще меня посещала мысль взять и покончить со всем этим. Но всегда что-то останавливало. Безоблачное небо за окном, задорный смех сестры, понимающая улыбка Джулии. Иногда это все понимание выводило из себя. Они в любую минуту были готовы услужить. Любое желание, каприз – скажи, и все будет. А мне хотелось только жить. Дышать, слышать, видеть. Любить. Радоваться будням. Пусть не всегда побеждать. Пусть терпеть неудачи. Пусть. Но только бы жить. Вот мое единственное желание! Мой неисполнимый каприз...

Утро встретило ослепительным солнцем, в лучах которого искрился выпавшей за ночь снег. Первая мысль: еще один день. День, который я отстоял у болезни!

Подойдя к зеркалу, я внимательно рассматривал свое отражение. Странно, мне казалось, что человек в преддверии смерти не должен выглядеть так хорошо. Впервые в моих глазах не было разочарования! Только бодрость, задор, веселье. Я даже забыл, что есть такие слова и что они применимы ко мне. Кто мог подумать, что у меня такая обаятельная улыбка!

Почему я увидел все это только сейчас? Почему так много понял лишь на пороге смерти? Неужели, если бы не эта болезнь и не эти четыре, нет уже полтора месяца, я ничего этого так и не осознал? Может, смерть не так страшна? Душа, она ведь вечна? А что на той стороне?

Как только я задумался над этим, живот пронзила острая боль. Я не выдержал, застонал. Хорошо, что отменный слух в доме только у сестры.

– Алекс? Что? – Она металась, не представляя, как облегчить мою боль. – Что мне сделать? Скажи! Врача?

Я только покачал головой. Джейн помогла доползти до кровати, где я свернулся калачиком, закрываясь от мира руками.

Мне стало еще хуже, начало рвать. Через какое-то время, весь мокрый, я обессиленно откинулся на подушку. Боль отпустила. Сестра сжимала мою руку, вытирая пот со лба.

– Джейн, уже правда легче. Спасибо.

Лежа в тишине, я отвернулся от окна. Не мог смотреть в небо. Мой приступ правдами и неправдами удалось скрыть от мамы. Уже без всяких мыслей уставился на календарь. Ряды чисел на фоне Эйфелевой башни. Я потянулся к телефону.

– Поехали со мной в Париж?

– Париж? Это тот, что во Франции? – Кейт за шуткой скрыла свое удивление. – Запросто! Когда?

– Есть виза? Тогда завтра!

– Договорились!

Семья встретила новость о поездке с округлившимися от изумления ртами. Тем же вечером ко мне приехала Кейт. Пришло время их познакомить. Я с удовольствием заметил, как быстро принимаю решения. Без обычных взвешиваний и сомнений. И мне нравилось это. И все бы хорошо, если бы не одно обстоятельство – если бы не болезнь...

Кейт произвела приятное впечатление. Сначала все было несколько скованно, как часто бывает в таких ситуациях. Но довольно быстро мои женщины нашли общий язык. Мне показалось, что Кейт и Джейн чем-то похожи. Умением очаровывать, наверное?

Наедине сестра не преминула сказать о симпатии к моей подруге. Мы стояли на кухне. Джейн заканчивала украшать ягодами вазочки с мороженым. Зимой это было самым подходящим угощением.

– Кстати, раз ты привел свою девушку в дом, давай обговорим кое-что?

Я с интересом замер с подносом в руках.

– Вчера я со своим парнем отмечала год. Можешь меня поздравить!

Поднос угрожающе закачался в руках.

– Поздравляю.

– Его зовут Том. Он студент. Будущий филолог. И я его очень люблю!

Да что ты! Студент? Надо же. Люблю? Это возможно?

Вечер подходил к концу. Кейт пора было уходить. Она заметно устала. Я проводил ее. Сажая девушку в такси, договорился встретиться в аэропорту. Дома меня ждала счастливая мама.

— Какие у тебя планы? Свадьба?

— Мама, какие планы? Какая свадьба? Мне умирать через месяц!

Я резко захлопнул рот. Проговорился. Попытался переменить разговор, но маму не проведешь. Она зажмурилась. Конечно, Джулия подозревала: от нее что-то скрывают. Но какой страшной оказалась правда! Она боролась с чувствами, чтобы не рухнуть к ногам сына.

Джулия медленно подошла и взяла мое лицо в руки. Ласковые мамины руки. Она гладила меня по щекам, по которым градом катились слезы.

— А я все равно буду верить и надеяться!

Она не сдавалась. Никогда. И даже перед лицом смерти не меняла привычек. Не тот возраст. Но что делать мне? Верить в чудо? Это утопия! Сдаваться? В нашей семье это не принято, и быть первым я не хотел.

Спал беспокойно. Снились времена студенческой молодости. Преподаватель на лекции сделал лирическое отступление, как говорили у нас, и рассказал занятную притчу.

... Жил на свете человек. Жил и ни над чем особенно не задумывался. Но вот постучала в его дверь Смерть. Мужчина опешил. Мысль, что он умер, далась нелегко. Смерть настаивала, торопила, но разрешила брать с собой все, что он пожелает. И взял он свою лень, жадность, любовь к земным радостям и немного хороших дел, которые когда-то совершил. В дороге мужчина с трудом передвигал свою кладь, так тяжела она была. Их путь был полон приключений и испытаний.

Чем больше они преодолевали, тем меньше становилось его имущество. Отступали жадность, лицемерие, даже лень покинула его. В конце с ним остались только добрые дела, и именно благодаря им он попал в рай...

А что было у меня?

Не убийца, не вор, не посол доброй воли. Была только семья. Но ведь нельзя бесконечно прикрываться ею! Проснулся в хо-

лодном поту. Не мог дышать. 42 — и ровным счетом ничего. И так стало от этого страшно.

Предутренняя темнота.

Выпив крепкий черный кофе, я вышел из квартиры. Возможно, стоило даже в date собственной смерти искать положительные моменты? До вылета в Париж еще было время. Я собирался потратить его на исправление ошибок прошлого.

Такси высадило меня на другом конце города. Окраина. Один из самых бедных районов. Здесь прошло мое детство, школьные годы. Здесь отец оставил свое здоровье в надежде, что его сын будет жить, лучше, чем он. Ему, эмигранту, было необходимо знать, что не все, чего он желал, оказалось иллюзиями.

Что касается меня, я был здесь счастлив. Правда. У меня были настоящие друзья. Джонни и Мэтью. Гроза школы. Бесята. Мы за дело заслужили это прозвище. Тогда казалось, что наша дружба навсегда! Все изменилось в один миг. Мне тогда было столько, сколько Джейн сейчас.

Мы поехали на природу. И Мэтью, нашему заводиле, захотелось развлечься. Искупаться в озере. Был конец весны, вода ледяная. Я пытался его отговорить, но он настаивал на своем. Ни я, ни Джонни вовремя не заметили, что ему нужна помощь. А когда мы его вытащили, он уже не дышал...

Самое страшное в этой истории — глаза его матери. Эти наполненные слезами, ужасом, не верящие в произошедшее глаза. Даже сейчас, а прошло столько лет, я помню затаившуюся в них скорбь. С Джонни мы тогда смертельно разругались и с тех пор не разговаривали. Каждый из нас видел виноватым в этой трагедии не себя.

Сегодня утром я решил с ним помириться. Мне хотелось уйти на тот свет, не отягощенным былыми обидами. Не хотелось, чтобы наша дружба осталась в прошлом. Джонни так и жил по старому адресу, а где находился его дом, я помнил хорошо.

Подходя, заметил сидящего на веранде мужчину, с наслаждением потягивающего пиво. Конечно, это не был мой семнадцатилетний друг. Поседевшие виски, брюшко, прежними были только хитро прищуренные глаза.

– Ты заметно постарел с нашей последней встречи! – он даже не скрывал насмешки.

– Самому живот не мешает?

Он не ответил, лишь пригласил войти. Даже не пригласил, просто дверь за собой не закрыл. Дом был под стать хозяину: неуютный, неухоженный, никому не нужный. Незаправленная постель, разбросанный мусор, пустые пивные бутылки. Когда ты один, такой уклад жизни – это норма? Мы сидели в тишине, которая становилась уже неприличной. Нарушить ее – вслух заявить о своей вине в смерти друга. Хотя мы оба были там и все видели.

– Ну? Зачем пришел? – в его голосе было все, кроме доброжелательности.

– У меня рак желудка. Последняя стадия.

– Какая незадача! Сочувствую! Я так понимаю, ты каяться пришел? Если это важно, я тебя прощаю.

Я забыл, как выглядит человек, в силах которого разбудить во мне ярость. Джонни напомнил.

– Что? Ты меня прощаешь? За что, интересно? Я ни в чем не виноват! Слышишь?

Я тряс его за ворот рубахи, выкрикивая слова оправдания. Затем ударил. От бессильного гнева не владел собой. Бывший друг не сопротивлялся и был свален с ног. Он ненавидяще смотрел на меня снизу вверх и, держась за место ушиба, зло прокричал:

– Не виноват? Тогда зачем пришел? Ты знаешь! Если бы ты тогда шевелил задницей, мы спасли бы его! А потом ты сбежал, как последний трус! А я остался. И пока его мать жива была, я при ней глаз не поднимал! Сдыхать буду, – эта старуха будет передо мной!

– Я пришел, чтобы помириться. Не получилось – не беда! Прощай!

– Алекс, жизнь все расставила по местам.

Я от его слов бежал как от огня. Неужели заслужил?

– С какой целью прибыли в наш город?

– Увидеть Париж и умереть!

Таможенник французского контроля международного аэропорта Шарля де Голля не оценил мой черный юмор. Вокруг стоял гул множества голосов, и Кейт не услышала меня. Уже и город влюбленных не спасал от уныния. Так казалось вначале. Но сказка наяву вырвала из беспощадной реальности и подарила несколько фантастически прекрасных дней. Неописуемый восторг. Возможность снова почувствовать себя молодым и здоровым и, не таясь, радоваться. Совершенное блаженство. Непрерывающееся головокружение.

Ты в любимом городе, с любимой женщиной...

Это счастье?

Мы ехали в «Маленький Версаль», где забронировали номера. Уютная гостиница отличалась любовью к традициям. Классический изысканный интерьер, вышколенный персонал и полное отсутствие телекоммуникаций. Ни телевизора, ни факса, ни Интернета. Блестяще.

– Алекс, я так счастлива с тобой!

Восхищенное лицо, глаза возлюбленной. Было от чего вырасти крыльям за спиной! Мы остановились каждый у двери своего номера. Кейт открыто недоумевала.

Почему?

Потому что время не стоит на месте. К сожалению...

Увидеть Париж – мечта детства. Все забылось, все обещания прощены, но неисполненное именно это желание не давало покоя. Говорят, у каждого человека есть свой город. Если это так, то я давно определился с выбором. Вид из окна ослепил игрой иллюминации, витринами всемирных брендов, красотой знаменитой башни. Нет, ни на секунду я не разочаровался в своей мечте.

– Боже, Боже...

Детище Эйфеля передо мной во всей красе. Восьмое чудо света. Воплощение романтической любви. Причина негодования истовых парижан. Я думал, меня уже ничем не удивишь. Но тут я просто открыл в изумлении рот. Восторг перед ее величием и размахом заставил почувствовать себя маленьким мальчиком.

Восхитительная, величественная, лучезарная красавица.

– Алекс?

Я повернулся – все еще под впечатлением. В комнате стояла Кейт. Все, что было сказано про Эйфелеву башню, ни шло ни в какое сравнение с моей спутницей. Она была умопомрачительна. Богатое, расшитое блестками платье обтягивало ее соблазнительную фигуру. Волосы свободно ниспадали на плечи и подчеркивали очарование желанной женщины. В руках она держала два бокала с искрящимся шампанским.

Этот город был пронизан ароматом любви.

Она сделала шаг навстречу.

– Алекс, умоляю, забудь сомнения. И люби меня, как никого до этого.

Она целовала, пьяня и пленяя.

– Завтра ты будешь жалеть об этом. Пусть все останется как есть.

– Не хочу так. Я люблю тебя, Алекс!

Это была моя последняя попытка. После таких слов я больше не мог сопротивляться. Я был без ума от любви. Не думал ни о чем, кроме желания. Воистину о таких ночах не забывают. О них мечтают. Их воспевают. И никогда, никогда не сожалеют...

Когда Кейт на следующее утро открыла глаза, на столе около кровати стоял букет роскошных алых роз.

– Доброе утро, – прошептал я, наблюдая, как медленно она просыпается.

– Я всю жизнь тебя ждала!

Несмотря на самую великолепную ночь в моей жизни, душа плакала. А вместе с ней плакало и небо. В Париже шел дождь. Вокруг грусть, хотя еще вчера здесь благоухала любовь. Было безумно жаль, что любовь пришла ко мне так поздно. Именно безумно. Никогда еще я так отчаянно не хотел жить! Так безнадежно.

Без надежды...

– Алекс, забудь обо всем! Каким бы ни было твое будущее, твое настоящее прекрасно.

Она была права, не стоит оплакивать то, что этого не заслуживает.

Не обращая внимания на дождь, мы отправились смотреть то, что всегда мечтали увидеть.

По дороге в аэропорт я мысленно перебирал в уме места, о которых расскажу дома. Следуя советам, прогулку по Парижу мы начали с места встреч и свиданий – бульвара Сен-Мишель, расположенного в Латинском квартале. Шумное зажигательное настроение вскружило голову. Я вспомнил о собственной не так давно прошедшей молодости. Прошедшей ли? Мы выслушали историю Сорбонны, первые ученики которой сидели на полу, застеленном соломой. Я хотел подняться на Триумфальную арку, но, как выяснилось, Кейт страшно боится замкнутых пространств даже больше, чем высоты. Эту идею заменили походом в «Мекку развлечений» – Монмартр. Накупив с десяток различных сувениров, ринулись дальше. Мельком увидели центр современного искусства имени Жоржа Помпиду. У меня сложилось впечатление, что это незаконченная стройка.

Последний день в столице Франции посвятили Лувру. Конечно, день – это ничтожно мало. Я вначале растерялся, в какой из залов бежать. Голова шла кругом. Положение спасла Кейт. Мы, как и все посетители, в первую очередь хотели увидеть два всемирно известных шедевра: Мону Лизу Леонардо и статую Венеры Милосской. От Джоконды я ожидал большего. С чего бы? Не знаю, чего мне хотелось. Чтобы она мне подмигнула?

Вечером гуляли по Елисейским Полям. Никуда не заходя, бродили среди бесчисленных магазинчиков и уютных кафе. Мы впитывали дивный аромат «праздника, который всегда с тобой».

Ночь провели в одном из роскошных ресторанов. Не сдержались и попробовали лягушачьи лапки. Специфично, съедобно, но не каждый день.

От постоянного недосыпа у меня кружилась голова. Когда в аэропорту подошла наша очередь регистрироваться, перед глазами все поплыло. Я, почувствовав легкий укол, отправился в свое последнее путешествие...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Россия. 1900 год

ГЛАВА I

— Ваня, запрягай коней, Николай Дмитриевич выходит!

Конюх бережно отстранил от себя девушку.

— Анюта, надо ехать. Хозяин не любит, коль в срок что не сделано.

— Езжай с Богом!

Иван на прощание обнял свою невесту. Как же сильно он ее любит! Эти преданные глаза, ямочки на щеках, когда она скромно улыбается, ласковый голос. Совсем скоро он заберет ее отсюда. Скоро. Остались какие-то недели.

Хозяин не был против их свадьбы. Тем более вся эта деревня с усадьбой и прилегающими землями в ближайшем времени станет его. Местный помещик разорился и, чтобы рассчитаться с кредиторами, вынужден продать имение. Времена сейчас настали беспокойные...

Молодой мужчина гордился тем, что его хозяин не только держится на плаву, но и преуспевает в делах. Евстигнеева Николая Дмитриевича в здешних краях знали все! Прежде всего, он славился своим богатством. И, конечно, крутым, непредсказуемым норовом! Если барину что-то не нравилось, конюх предпочитал, втянув голову, бежать куда глаза глядят. Иван одинаково уважал и боялся своего хозяина. Благо тот по пустякам не злился. Был справедлив. И этим отличался от многих других.

— Иван, трогай! — Хозяин вышел из дому в хорошем расположении духа, и наблюдательный кучер сразу это отметил.

Поместье, которое собирался покупать Николай, большое, добротное. Земли много. Перестроив на свой вкус дом, можно будет и хозяйку приводить. Пора уже. Вон, волосы поседели и поредели, а он все ходит, присматривается.

– Барин, а вы нынче в Москву-то едете? – осторожно спросил Иван.

Николай не любил, когда отвлекали, тем более от размышлений. Недовольно нахмурив брови, он пробуравил слугу взглядом. Иван тут же опустил глаза и сжался в ожидании гневного окрика. Но хозяин внезапно раскатисто рассмеялся.

– Опять для своей Аньки просить хочешь?

– Ну, так она девка молодая, несмышленная, – конюх нерешительно почесал затылок. Не разозлит ли просьба? А, была, не была: – Отрез на платье она у меня попросила.

– Жук ты, Ваня! И баба твоя тебе под стать! Будет вам отрез. Считай, это подарок на свадьбу!

– Благодарствуем, барин. Дай вам Бог здоровья!

– Ну-ну! Служи верно!

– Тут уж не сомневайтесь.

Приказав подать чаю, он устался в окно. Все не давали покоя мысли о возрасте и об отсутствующей хозяйке дома. Он немолод. Под шестьдесят уже. Конечно, многие в уезде рады бы иметь такого зятя, как Николай Дмитриевич. Да вот он все никак не решался. Ни в чем не знал сомнений, а тут сердце молчало.

Покойной матушке – Царствие ей небесное – часто говорил, что некогда ему. Работа! Ведь самым богатым купцом в округе он не просто так стал. Шутка ли, из такой грязи выбился! Отец, будь он не ладен, после смерти оставил ему, старшему сыну, не приносящую дохода лавку и множество карточных долгов. Но Николай, получивший мало-мальское образование, не дал прийти хозяйству в упадок. Уже тогда он отличался цепкой хваткой! Да и желание жить лучше других не дало смалодушничать.

Год упорного труда, и он рассчитался с кредиторами. Еще год, и лавка начала приносить заметный доход. А уже через пять, став хозяином семи таких лавок, он нацелился на покупку первого в своей жизни завода. Шантаж, взятки, приобретенные знакомства – все шло в ход. Он не гнушался никаких способов. Лишь бы деньги шли в его карман.

Но за работой не заметил, как занедужила его горячо любимая матушка. Врач сказал, что в этом нет ничего удивитель-

ного. Марья Андреевна родила девятерых детей. К тому же долгие годы тяжело работала. Это и подорвало здоровье. Горе было рядом с этой женщиной всю жизнь. Отец любил выпить, и размять кулаки и часто срывал злость именно на жене. А потом столько детей! Шесть из них родились подряд и были крайне болезненными, вялыми. В живых осталось трое. Самый старший Николай. Гораздо младше Костя – ленивый, рискованный, тишичный нахлебник. Как бы близки по крови они ни были, братья даже напоказ не делали вид, что близки духовно. Была еще сестра. Вера. Пусть вечно больная, но умная, интересная и, главное, быстро вышедшая замуж. Жила где-то в Польше.

Какое-то время назад пришло письмо, извещающее, что Вера Калмыцкая, в девичестве Евсигниева, скончалась, так, и не разрешившись от бремени. Оплакивал Николай ее ровно три дня. Потом случился пожар на одном из его заводов. Будни затянули, и без того неглубокая рана быстро зажила.

Константина, к сожалению, спихнуть не удалось. Как ни верти, его семья жила бы в доме Николая. А он обещал матери на её смертном одре, что будет терпеть только брата. И один Бог знает, как дорого обходилось держать слово! И Слава Всевышнему, что сам брат не спенил связывать себя какими-либо узами. Сын своего отца, – любитель продажных женщин, дешевой выпивки и азартных игр, – он все предлагал Николаю жениться первому.

Хоть Костя и злил старшего брата, все же чаще развлекал. А с недавних пор Николай заставил работать и его. К удивлению, лавка, доверенная брату, не только не разорилась, но и приносила доход.

Возможно, неудачи в личной жизни возмещались удачей в делах? Этого не мог сказать никто. Но на кутежи младшего и скупку земли для старшего брата хватало. Получалось, что вся семья была пристроена, за исключением его. И до сегодняшнего дня он старался обходить эту тему в беседах с самим собой десятой дорогой.

А нынче, приехав осмотреть дом, выставленный на продажу, он мельком увидел одну из дочерей разорившегося помещика. Катерина...

Девушка с первой минуты запала в душу. И было отчего! Юная, прекрасная, она радовала глаз своим стройным станом. Чернобровая, с длинной косой густых темных волос, с легким румянцем на щеках. Вишневые губы и затаенная страсть в глазах будили в Николае доселе неизвестные ему чувства.

Но когда она увидела человека, покупающего отчий дом, в глазах этих засверкали молнии, а губы сложились в презрительную усмешку. В общем, девушка, не прилагая усилий, завоевала его сердце, заняв собой все мысли.

К утру, понимая, что беззаветно влюбился, Николай принял решение. Хотя и пугало его это неизведанное ощущение, что-то подсказывало: отрекись он от него, будет только хуже.

— Варя, прикажи Ивану, запрягать. Свататься поеду! — прогромыхал Николай Дмитриевич на весь дом.

Всегда расторопная служанка, всплеснув руками, остолбенела. Но грозный окрик быстро привел ее в чувство. Новость, что Николай Дмитриевич за женой едет, распространилась среди челяди раньше, чем служанка добежала до конюшни. И все в страхе ждали, какой она будет, новая хозяйка? То, что барину не посмеют отказать, не сомневался никто.

Дворянин, у которого Николай собирался покупать поместье, был несказанно удивлен его приездом. Ведь договаривались, что за окончательным ответом купец приедет через неделю. Хотя что здесь обсуждать? Положение его до того бедственное, что он был согласен на любые деньги!

Еще больше он удивился, когда Николай Дмитриевич ворвался в пока его дом и с порога заявил о своем желании. Домочадцы, пораженные, замерли каждый на том месте, где их застала новость.

Отец Катерины с первой минуты невзлюбил этого громогласного, полуграмотного выскочку, а после столь нахального предложения он люто его возненавидел. Решительный отказ заставил уязвленного Николая замолчать, а потом покрыться испариной и затрястись в удушающей ярости.

— Как не отдашь? Почему?

Его несостоявшийся тесть с достоинством молчал. Но про себя назвал сотни причин, дабы объяснить свой отказ. Перед

ним стоял вспотевший, стареющий, пусть и очень богатый купец, без рода и племени, которого, если бы не так сложились обстоятельства, он даже за стол не пригласил. Да как он смел мечтать, что там мечтать, смотреть в сторону его любимицы Катерины! Его красавицы, умницы, знающей несколько языков, свободно разбирающейся в живописи, музыке, литературе...

И внезапно решил, что не должен скрывать этого от купца. Тем более тот, не переставая, требовал ответа, который, наверное, знал и сам.

— Мы — дворяне! В наших жилах течет благородная кровь. Наш род известен всем! А кто вы? Вы недостойны моей Катеньки! Если я еще могу продать родовое имение, то дочь никогда!

...Иван ждал, когда же появится его Аннушка, и от нетерпения притопывал. Он не слышал самого разговора, но, судя по крику, доносившемуся из распахнутых окон, догадался, что жене отказали. Вылетевший из дома хозяин, выплевывающий сквозь зубы проклятия, только подтвердил опасения.

— Трогай!

За всю свою службу Ваня впервые видел такое перекошенное от злобы и обиды лицо хозяина.

Как только Николай Дмитриевич покинул двор, пугающе бледная Катерина спустилась к отцу. Она прекрасно поняла, если бы папенька ответил согласием. Купец богат, очень богат, и только это уже склоняло чашу весов в его сторону. Но она была несказанно рада, когда этот Николай Дмитриевич, в бешенстве от отказа, хлопнув дверью, укатил. Девушка даже в страшном сне не могла представить себя женой этого ужасного старика!

— Спасибо, — опустившись на колени и целуя руки отца, искренне шептала она.

Отец устало погладил ее волосы. Подняв глаза, Катерина отшатнулась. Столько боли было на его лице! Боже, что это? Слезы?

— Катя, мы разорены. Денег от продажи поместья едва ли хватит, чтобы заплатить часть долгов.

Да, это были слезы. Он плакал от обиды на свое благородство, которое не позволило согласиться на неравный, но очень выгодный союз! Катерина держалась, пока не скрылась с глаз немногочисленных слуг. Зайдя в свою комнату, подошла к окну. Не выдержав, она горько разрыдалась.

— Ну, полно. Ну, не плачь. Все как-нибудь образуется. Не плачь, чадушко мое!

Знакомые руки старой няньки убаюкивающе замкнули ее в своих объятиях. Татьяне было семьдесят. Это был самый близкий после мамы человек. Но маменьки не стало, когда ей было двенадцать. А Татьяна была с ней всегда, сколько она себя помнила. Сама бездетная, она относилась к Катерине как к родной дочери. Девушка, чувствуя это, ничего от няни не скрывала и всегда делилась самым сокровенным.

— Я стала товаром! — давясь слезами, навзрыд кричала она. — Не сегодня-завтра он будет вынужден отдать меня этому старику!

— Не надо так! Ваш батюшка такого не допустит, он обязательно что-нибудь придумает. К тому же Николаю Дмитриевичу было отказано.

— Он не оступится. Он не умеет сдаваться! Он так на меня смотрел! А папа ничего не придумает. А этот старикан завтра снова приедет, вот увидишь. Он же торговец, он просто поднимет цену. Ой... Таня, какой позор! За купца! Бедная, бедная...

В доме Николая Дмитриевича стояла мертвая тишина. Каждый из прислуги забился как можно дальше и носа оттуда не показывал. Произошло неслыханное!

— Отказали! — перешептывались самые смелые из слуг.

— Отказали! — вторило одинокое эхо.

— Отказали! — стучало в висках у Николая.

Купец, как приехал, глушил горькую. Каждый раз, отправляя в рот очередной стакан огненной воды, стучал огромным кулаком по столу и клялся себе: «Все равно моя будет!»

Запретный плод сделался еще желаннее. Теперь Катерина стала наваждением! Ее образ стоял перед глазами. Он не в силах был отогнать от себя это видение. Время от времени вставая, шатаясь, шел в тот угол, где ему мерещилась влюбившая в себя девушка.

Он находился во власти дурмана. Снова и снова делал попытку заключить мираж в объятия. Но отяжелевшее тело больше не слушалось. Громко рыгнув, он повалился на пол.

Через какое-то время, убедившись, что хозяин уснул, преданные Варвара и Иван уложили его в кровать. Со вздохом служанка спускалась в погреб. Правда, впервые она готовила расол не для младшего непутевого брата хозяина.

...Катерина безвылазно сидела в своей комнате. Уже не плакала – смирилась с неминуемой участью. На третий день самовольного заточения к ней, спотыкаясь, вошел отец, объявивший о своем решении. Упав перед дочерью на колени, он долго плакал. Стенал, умолял, проклинал.

Своенравная Екатерина, не смотря на отца, кивнула головой. В тот же миг в дом купца отправили мальчишку-слугу.

И то ли оттого, что не хотел Николай предстать перед невестой с заплаканными глазами, то ли задетое себялюбие разыграло, но появился он только через два дня. И как ни старался, не смог скрыть по приезде ликования...

Через месяц восемнадцатилетняя дворянка Екатерина Андреевна Павлова стала женой купца Евстигнеева. Родовое имение со всем имуществом как подарок на свадьбу Николай Дмитриевич оставил во владении её отца.

ГЛАВА 2

С собой из отчего дома Катерина привезла несколько книг и преданную няню. И как слуги ни старались ей услужить, молодая хозяйка никого к себе близко не подпускала. При виде ее печальных глаз становилось неловко улыбаться и говорить о пустяках.

Год Катя ходила безразличная ко всему. Но все же молодость одержала вверх. Она устала плакать, жаловаться на судьбу и попыталась свыкнуться с той жизнью, которая у нее сейчас была. Приехав в поместье Николая Дмитриевича, она была удивлена его скромностью. Почему-то ей представлялось нечто огромное, с выставленным напоказ богатством, где полностью отсутствует благородство и изысканность. Но нет. Это оказался простой дом, больше похожий на место временного ночлега. Крепкие стены и надежная крыша. Получив разрешение мужа, она начала переделывать все по своему усмотрению. И уже после первых шагов, благодаря ее врожденному вкусу и деньгам Николая, обстановка начала преображаться.

Вместе с домом неумолимо менялся и сам Николай Дмитриевич, и это не осталось незамеченным окружающими. Любовь к жене делала его непривычно нежным, ласковым, мягким. Благо все это не отражалось в делах. Здесь он оставался крепок, как камень. То, что купец так влюблен, правилось Татьяне — няньке жены, веселило брата и настораживало прислугу. Со дня на день ожидали вести о прибавлении в семье. Но Катерина хранила молчание.

Всем, кроме мужа, было понятно, что его любовь безразлична Кате. Она многих удивляла холодной неприступностью. После свадьбы ее время от времени навещали сестры и брат. Отцу было запрещено с ней видаться. Девушка считала, что свой долг перед ним она выполнила. За счет мужа кормила, одевала, содержала, а большего и не надо!

Николай Дмитриевич, не прощавший брату лишней истраченной копейки, с удовольствием взял на себя расходы семьи жены. Но недолго испытывалась его доброта. Отец Катерины

скончался после двух месяцев их супружеской жизни. Его любимица на похоронах не появилась, чем неприятно удивила влюбленного Николая, который тестя хоть и не слишком уважал, но в последний путь проводил.

— Я сказала: не поеду! — отшвырнув вилку, вставая из-за стола, прошипела жена в ответ на увещевания мужа.

Катя только попросила отправить брата и сестер куда-нибудь развеяться. Морское путешествие показалось ей самым подходящим. Муж не перечил лишь потому, что вчера Татьяна сообщила — жена ждет их первенца. Вне себя от счастья Николай Дмитриевич устроил званый ужин и пригласил всех соседей. Катерина, сославшись на недомогание, к гостям не вышла. В ту ночь она, прижав старую служанку к стене, пыталась у той известные ей способы избавления от ребенка.

— Да как же можно? Катенька, побойся Бога! Ребеночек — это ведь счастье!

— Не для меня! Не хочу его! Я его уже сейчас ненавижу! Говори, как от этого избавиться!

— Нет, такой грех на душу не возьму. Катюша, ты подумай, детский смех — он скрасит твою жизнь.

— Ненавижу!

Разъяренная вконец девушка, влепила няньке пощечину. Та, собрав последние силы, с достоинством сказала:

— Со мной делай что угодно! Ребенка не тронь!

А через несколько дней пришла страшная весть. Пароход, на котором отплыла семья Катерины, ушел на дно, унеся с собой жизни всех пассажиров, в том числе ее брата и сестер. Была ночь. Помощь не поспела.

Когда сообщили Кате, с ней случилась истерика. Весь дом гудел, как растревоженный улей. Приглашенный врач с сожалением сообщил о выкидыше.

— Сейчас только сон поможет ей. Она здоровая женщина, справится. Обеспечьте покой, тишину и запаситесь терпением.

Довольный собой врач покинул дом, чем вывел из себя Николая Дмитриевича. Дела требовали срочного отъезда. Телеграфировал Костя и предупредил о слухах, гуляющих по столице. Но любовь и страх за жену приказывали оставаться на месте.

— Татьяна, что это значит? К ней можно зайти?

Преданная своей хозяйке до конца женщина печально покачала головой. «Может, все, что случилось, к лучшему? Прости, Господи, душу грешную!»

— Катюша спит! Лучше ее не тревожить.

Успокоив этими словами свою совесть, он с чистой душой отдал конюху приказ накормить лошадей отборным овсом и готовиться к поездке. Счастливый Иван, не желавший расставаться с молодой женой, тут же нашел причину отложить поездку.

— А как же стройка, Николай Дмитриевич?

Черт! Он совсем забыл об этом. Долго взвешивал, что для него обернется меньшей бедой. Ехать надо, безусловно. А Катерина придет в себя, и уж она-то им спуска не даст. В конце концов, это ее желание! Только ради нее он мирился с измененным до неузнаваемости домом. Все здесь было сделано на европейский манер. Он же предпочитал свой маленький, не всегда чистый, но родной хлев. Тем более строители не спешили. Ему даже пришлось сменить их главного, чтобы дело пошло веселее.

— Решено! — хлопнув в ладоши, объявил он.

И только порядка ради стоит, наверное, зайти в ту часть дома, где ведутся работы. Прикрикнуть там для вида! Сколько ж можно, право? Уж очень медленно...

Диктуя себе список дел, необходимых перед отъездом, он вышел во двор.

Нового главного работника звали Григорий. Это был молодой, высокий, статный мужчина. Николай обращался именно к нему. Тот внимательно слушал приказы хозяина, и в то же время в нем чувствовалось пренебрежение к этому маленькому грузному старику. Уже прошло порядочно времени, как они, потакая чужой прихоти, не спеша принялись за работу. В его душе невольно вспыхнула неприязнь к жене помещика. Небось такая же толстуха, как муж, и такая же вздорная! Григорию стоило усилий не выдать себя. Это работа была ему нужна! Дома ждала жена, которая вот-вот разродится, и маленький сын.

— Да вы не беспокойтесь, Николай Дмитриевич. Все сделаем!

То, как лениво он растягивал слова, еще больше насторожило Николая. И этот развязный тон. Даже для него существовала какая-та разница в сословиях. Если бы не опасение потерять один из своих сахарных заводов, который с таким трудом был заработан, он бы ни в жизнь не уехал.

...Катя наблюдала из окна, как коляска ненавистного мужа покинула двор. Она на удивление неприлично быстро отошла после трагедии, случившейся с ее семьей. А о том, что ребенка потеряла, почти забыла. Врач, которому щедрому заплатили, рассказал всем домочадцам об упадке сил у Катерины. На самом деле девушка просто не хотела никого видеть. Даже Татьяну. Надоела она ей. Ну а чем заняться в этой беспросветной глуши? Она начала самостоятельно вести хозяйство – скуки ради. К тому же была стройка.

Выйдя из дому, гуляла по саду. Пусть он не такой, как в ее родовом поместье, но все лучше, чем сидеть в четырех стенах и слышать, как шепотом молится нянька.

– Скукотища-то какая! – крикнула она в небо.

– А барышня желает поразвлечься?

В лучах обеденного солнца стоял высокий молодой мужчина, лица которого она не видела. Здешний? Слуга?

– Молчишь? Неужели не нравлюсь?

– Ты бы шел работать! Пока я не приказала тебя высечь!

Мужчина, выйдя из тени, громко рассмеялся, обнажив ряд красивых белых зубов. Этот смех заметно смутил Катерину.

– Да вы книжек перечитали, сударыня. Крепостное право уже лет как пятьдесят отменили!

Он шел на девушку, здорово этим напугав.

– Значит, вы и есть жена прославленного старика Евстигнеева?

– Да как ты смеешь! – Она замахнулась для удара, но он поймал ее руку и посмотрел так, словно готов проглотить. Что-то было в нем от зверя. Она закричала, искренне надеясь, что он испугается и убежит. Но мужчина лишь опустил ее руку. Прибежали слуги.

– Что стряслось, Екатерина Андреевна?

Катя стояла красная от стыда и возмущения. И смеющийся взгляд мужчины еще больше смущал ее. Подобрав юбки, она

без слов ушла. Как он смел? Мерзавец! Деревенский скот! И все-таки кто он такой?

Этот вопрос она задала служанке, прислуживающей за столом.

— Так это Гришка. Работает у вас! Красавец, правда? Но у него есть жена, и, говорят, на сносях! А что?

— Не твоё дело! Мясо пересоленное. Варвара сноровку теряет, стареет. Пусть впредь будет внимательнее!

...Григорий давно так не веселился, как сегодня при встрече с молодой барыней. Кто бы мог подумать, что эта гордячка с осиной талией и надменным лицом и есть хозяйка всех этих земель? А как она хороша, когда напугана! Как широко были распахнуты ее глаза, обрамленные длинными прямыми ресницами!

— Гришенька, ты чего такой веселый?

Маша, его жена, лежала рядом и ласково смотрела в глаза. Он отодвинулся от нее. Без того простая и скучная, сейчас, с огромным животом, она казалась ему безобразной. Не то что Екатерина Андреевна сегодня!

Женщина сразу поняла, что в его мыслях ей места нет. Отвернулась, пытаясь не разреветься. Чувствовала нелюбовь мужа и плакала, хотя его эти слезы не трогали. Лишь сын, которому вчера исполнилось шесть годиков, не давал Маше проклясть свою горькую судьбу. А жизнь, которая билась у нее под сердцем, дарила слабую надежду на то, что Гриша снова ее полюбит.

...Катерина, от природы болезненно гордая, еще сильнее переживала унижение, если оно происходило при людях ниже ее сословием. Григорию, простому работнику, она решила отомстить. Правда, способ еще не выбрала, но, как всякая женщина, хотела, чтобы месть была изощренной. В этом не в последнюю очередь она видела возможность развлечься.

С особой тщательностью в это утро выбирала она наряд и попросила Татьяну старательнее уложить волосы. Для начала решила узнать, что представляет собой противник. Позавтракав, не забыла похвалить расторопную прислугу.

Прогуливаясь по двору, она сделала вид, будто случайно забрела на место стройки. Её смутили мокрые от пота гибкие

тела молодых мужчин, но напомнив себе для чего она здесь, Катя принялась расспрашивать работников.

– Так, барыня, вы у Гриши и спросите, он у нас здесь главный! – неизменно отвечали ей.

Разозлившись, она ушла в сад. Не думала, что все будет так непросто!

– Говорят, вы расспрашивали обо мне?

Пред ней стоял обнаженный по пояс мужчина, с недавних пор ее заинтересовавший. Катерина невольно рассматривала его грудь, живот, сильные ноги. Поймав на себе насмешливый взгляд, упрямо вскинула подбородок. Нет, не доставит она ему радости видеть ее унижение.

– Сегодня тоже кричать будете?

– Не надейся! Но я заставлю кричать тебя!

Сидя у окна, Катерина пыталась сосредоточиться на чтении. Получалось неубедительно. Строчки прыгали перед глазами, а смысл прочитанного ускользал. Не выдержав, она отложила книгу.

Постучавшись, зашла служанка и сообщила о прибытии брата Николая Дмитриевича Константина. Девушка радостно улыбнулась. Гости в этом доме – редкость. А этот мужчина всегда умудрялся ее развеселить.

– Приветствую вас, милейшая Екатерина Андреевна!

– Костя, дорогой! О, как я рада вас видеть! Как там в столице? Рассказывайте все!

Новости были разнообразные, и, как она предполагала, брат мужа преподнес их с немалой долей насмешки. Катя с удовольствием посмеялась над несколько двусмысленными анекдотами. В конце вечера Константин Дмитриевич поставил перед ней корзинку, украшенную бантами.

– Какая прелесть! Что это?

При ее словах из-под ткани появилась очаровательная мордашка неизвестной ей породы песика. Она расплылась в улыбке.

– Мой дражайший брат, муж ваш, попросил передать сей презент!

Катя с отвращением отпихнула корзинку. Ударившись, щенок, обиженно заскулил.

– Уберите это! У меня на псину аллергия.

Для убедительности зажав нос, она вышла из комнаты. Служанки, боясь разозлить хозяйку, тут же вынесли животное, советуясь, как с ним поступить. Татьяна, которая стояла поодаль от своей воспитанницы во время беседы ее с Константином Дмитриевичем, быстро прошла за ней в комнату.

– С каких пор у вас аллергия на собачью шерсть?

Григорий шел из дому в угрюмом настроении. Маша снова залилась слезами, обвиняя его в нелюбви. Ну не получалось по-другому! Когда брал в жены, вроде нравилась. Он души не чаял в своем маленьком сыне и радовался тому, который должен вот-вот появиться на свет, но Марию выносил с трудом. И с каждым днем понимал это все больше и больше.

Заворачивая во двор, он случайно споткнулся о скулящего крохотного щенка. С розовым бантиком на шее, грязный, голодный, он невольно вызывал жалость.

– Это кто тут такой? – поднимая щенка, спросил он. – Ты как здесь оказался?

– Любишь животных, Гриша? – Улыбаясь, перед ним стояла с выстиранным бельем в руках одна из служанок. – А это мы его вчера выкинули. Хозяйка приказала!

– Вот как?

...Григорий, не отрывая глаз от миловидной девушки, опустил щенка на землю и подтолкнул его к забору.

– Тебя как зовут, красавица?

Не сводя с девушки взгляда, он медленно подошел к ней. Она и не думала смущаться и отступить. Дерзко облизнув губы, хитро посмотрела в его шальные глаза.

– Ольга!

Гневный окрик Екатерины Андреевны, ставшей свидетельницей этой сцены, заставил служанку в страхе отпрянуть от мужчины. Низко опустив голову, она просеменила мимо хозяйки.

– Что вы здесь делаете?

– Да вот щенка спасаю от бессердечия вашей милости!

Песик, словно почувствовав, что говорят о нем, с надеждой уставился на Катерину. Она же не сводила глаз с Григория. Так

хотелось нагрубить ему, заставить злиться, но у нее ничего не получилось. От этого она чувствовала себя совсем бессильной.

— С чего вы взяли, что он нуждается в вашей помощи? Он просто гулял. Несите его сюда!

Григорий не спорил. Молча подошел и протянул ей животное. Катя, сама от себя не ожидая, прижала дрожащего щенка к груди. Она собиралась вернуться в дом, но почувствовала, как его рука обхватила талию и он прижался к ее губам. От неожиданности она ничего не смогла сделать. Да еще и эта дурная собака в руках! Григорий, не испытывая судьбу, быстро пошел прочь.

Дрянь! Катя, приказав вымыть пса, убежала в комнату. С этим надо было срочно что-то делать! Злость, бурлящая в ней, требовала немедленного выхода. На лестнице она наткнулась на Ольгу, выходящую из кабинета мужа и чему-то загадочно улыбающуюся. Увидя хозяйку, она сначала побледнела, а потом быстро взяла себя в руки.

— Если я тебя еще раз увижу около него...

— То что? Ну чего вы, ради Бога, Екатерина Андреевна? Что мы одного мужика не поделим?

Катя, не задумываясь, ударила девушку по лицу.

— Что здесь происходит? Катя?

Пьяный Константин, тяжело поднимающийся наверх, появился как никогда вовремя. Служанка, взглянув на него исподлобья, показала красный след от удара. Катя, прерывисто дыша, лихорадочно пыталась найти и не находила оправдания своему поступку.

— Ольга, идите, — окинув затуманенным взглядом девушку, разрешил Костя.

Сделав вид, что ничего страшного не произошло, он предложил Катерине конную прогулку. Свежий воздух и быстрая скачка пошли девушке на пользу. Она успокоилась, но даже теперь не смогла объяснить своей выходки. А еще неприятнее, что при этом присутствовал брат мужа. Хотя он пьяный, может, завтра ничего и не вспомнит? Перед ужином Костя предложил ей пострелять по бутылкам, которых благодаря его стараниям в доме было полно.

— Это делается так! — Ему все сложнее давалось держать себя в руках.

Он с трудом поднял револьвер, но никак не мог сосредоточиться. Икнув, медленно опустился на землю.

— Катя, мне что-то совсем плохо!

— Пить меньше надо! — Ее уже не радовало, что они выбрались сюда.

— Катя, ты такая красивая! Такая юная и красивая! — Он приподнялся и на коленках подполз к ее ногам.

Брезгливо отступив от него на шаг, она подняла револьвер. Давно, занимаясь языками и живописью, Катя училась у брата управляться с оружием. Со временем ученица превзошла учителя.

Какое-то время она держало дуло направленным в затылок пьяному мужчине. Резко развернувшись, одним выстрелом разнесла бутылку, стоящую вдали. Вскочив на коня, умчалась прочь.

Екатерина, теряя терпение безтолку напрасно звала неизвестно где опять запропастившегося конюха Ивана. Хотя почему неизвестно? Наверное, опять с Анькой своей? Что же это такое! Приедет Николай Дмитриевич, она ему все расскажет.

— Иван! — Ведя под уздцы коня, Катя начинала по-настоящему злиться.

На ее голос на сеновале что-то зашуршало. От природы не любопытная, она, может, и не обратила бы внимания на шум, но возбужденные голоса и сладострастные стоны заставили ее на цыпочках идти на звук.

Григорий ясно понял незатейливые намеки Ольги. Не отличаясь верностью жене, он надеялся приятно провести вечер. Встретились они на конюшне.

Девушка, несмотря на внешнюю порочность, в делах любовных оказалась более чем неискушенной. Григорий изо всех сил старался, но лежащая колодой Ольга не помогала достичь удовольствия. Только после нескольких насмешливых замечаний она вспомнила, ради чего сюда пришла. Дело пошло веселее.

Екатерина никогда не поддерживала свободных взглядов на любовь. Учась в гимназии, она слышала от подруг различные

истории их влюбленностей, но никогда не считала возможным разделять подобные увлечения. Замуж она выходила невинной девушкой и, несмотря на испытываемую порой ненависть к мужу, никогда не думала об измене. И сейчас, видя сплетенные тела Григория и Ольги, она была потрясена. Правда, недолго...

Ее заметили. Мужчина был смущен, и, если бы Катя сообщила, она бы этому поразовалась. А вот служанка развеселилась не на шутку. Стало понятно, что ею все задумывалось именно ради этой минуты.

Катя выбежала на двор. У нее подгибались колени. Пришлось облокотиться на стену, чтобы не упасть. Было невыносимо жарко: она расстегнула верхние пуговицы платья.

— Не принимайте все так близко к сердцу! — дельный совет последовал из уст Гриши, через какое-то время вышедшего из конюшни.

Он был немного всклоченным, довольным и полуодетым. В глазах его, снова диких, проступало голодное желание. Он приблизился к ней. Екатерина выжидала. Когда Григорий сделал попытку поцеловать ее, хладнокровно приставила к его груди револьвер.

— Пошел вон! И чтоб я тебя здесь больше не видела!

Ночь прошла в тревожной полудреме. Катя не понимала, что с ней происходит. Она даже не позаботилась о мертвецки пьяном Константине. Будь что будет! Под утро, вконец измотанная, она спустилась вниз. В глазах рябило. Остановив пробежавшую мимо служанку, попросила завтрак.

И тут раздался крик.

В конюшне нашли застреленную Ольгу.

ГЛАВА 3

Катерина всегда хотела быть сильной. Не всегда получалось. И сейчас, когда дом был заполнен народом: участковый пристав, судебный врач и еще какие-то неизвестные люди — наступил как раз тот случай. Как ей сейчас не хватало мужа, большого, властного, самоуверенного.

— Екатерина Андреевна, вы кого-нибудь подозреваете?

Кого она могла подозревать? Она никого здесь не знала. Что может рассказать об Ольге? Ничего, ровным счетом ничего. Когда сказала об этом приставу, тот не скрывал своего удивления. Что поделать? Хозяйка дома не считала нужным вникать в это. А о том, что невзлюбила Ольгу с первых минут знакомства, Катерина благоразумно промолчала. А почему, кстати, невзлюбила? За порочную красоту и развратное поведение? И только?

— В доме есть мужчины? Константин Дмитриевич здесь?

Катя и этого не знала. Дополз ли он до дома? На выручку пришла Варвара. Она, не поднимая глаз, объяснила, что брату хозяина нездоровиться.

Пристав допросил домашних и дворовых слуг. Дошла очередь и до нанятых для стройки работников. Порядок вопросов повторился. Не было только среди них высокого красивого Григория. А народ начал вспоминать, что видел его вчера вместе с убитой, о чем приставу тут же доложили. Усатый мужчина довольно потер руки.

— Похоже, положение проясняется!

...Маша не понимала, почему ее горячо любимый муж не спешит на работу. Она вообще его плохо понимала. В последнее время особенно. Вчера Гринца пришел очень поздно. И от него пахло чужой женщиной.

Успокаивая себя, она готовила завтрак. И уже два раза порезалась, так дрожали руки от сдерживаемой обиды и слез. К тому же страшно надоедал крутящийся под ногами сын Петя. Не выдержав, она дала ему подзатыльник. Сынишка тут же расплакался. Порывисто встав, муж выбежал из избы. Сдер-

живаться больше не было нужды. Маша заголосила вместе с сыном.

Гриша сначала шел, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Не понимая, почему так беспокойно на душе, побежал.

Из окна второго этажа Катя увидела Григория. И поймала себя на мысли: ей не безразлично, что с ним будет. Она не хотела ему зла. Гришу нужно было остановить! Столкнувшись, с вышедшим из комнаты, но не пришедшим в себя Костей, Катерина побежала вниз. Но не успела. Не успела. Его, ничего не понимающего, схватили и предъявили обвинение. Он был сильным, и трое помощников пристава с трудом удерживали сопротивляющегося мужчину.

– Я не виноват! Я здесь ни при чем!

Все это он кричал в лицо не владеющей собой от страха Катерине.

– Постойте! Я видел Ольгу живой, когда Гриша ушел!

Это в защиту выступил конюх Иван.

– Правда-правда видел!

Сумагоха во дворе улеглась не скоро. Слуги стеной встали на защиту Гриши. Не ожидавшие этого помощники пристава не знали, как поступить. Послышался свист. Закричали бабы. Забрехали собаки.

– Что здесь происходит?

Раскатистый голос Николая Дмитриевича перекрыл всю какофонию звуков. Катерина не думала, что наступит час, когда она обрадуется мужу. А сейчас даже не удивилась, когда кинулась в его объятия. Только вот быстро успокоившись, отодвинулась.

– Катя, что здесь происходит? – Жена мало что могла объяснить, тогда он задал тот же вопрос Константину.

Брат его, никем не замеченный, с покаянной головой выступил навстречу. Николаю хватило одного внимательного взгляда, чтобы понять – и этот не поможет разобраться в происходящем.

– С тобой поговорим позже! – добавив ругательство, он еще сильнее унизил и так несчастного от похмелья брата.

Через час пристав и его помощники, оставив в покое Григо-

рия, покинули двор. Все это время хозяйка дома сидела в углу гостиной, ломая пальцы. Рядом сидел больной Костя. В комнату ворвался рассерженный Николай, за которым семенила Варвара с подносом.

— Как это понимать? А?

Под буравящим взглядом его брат весь сжался в кресле. Катерина сама готова была провалиться сквозь землю. Наконец она стала понимать, за что мужа бояться в округе. Хватало одного его присутствия, чтобы почувствовать себя полным ничтожеством!

— Катенька, душа моя, прекрати трястись. Все прошло!

Николай уже забыл про убийство и про почти разоренный завод. Помнил лишь, как сильно она прижалась к нему при встрече. Он даже забыл о брате, которому минуту назад был готов оторвать голову. Ведь отправил его в имение для поддержания порядка! И что?

— Смотри, что я тебе привез!

Из красивой коробочки появился осыпанный рубинами браслет. Катя ахнула от удивления. Все тревоги тотчас же вылетели из головы. Она, конечно, получала от него подарки, но такие дорогие первый раз.

— Я готовил это в честь нашего первенца! Но судьба распорядилась иначе...

Катя не сразу вспомнила, о каком первенце идет речь. Но вспомнив, не огорчилась. Надев браслет, она с удовольствием рассматривала игру камней. Варвара, почувствовав, что хозяйка в хорошем настроении, восторгалась красотой подарка и щедростью дарителя.

— Варя, кого из слуг посоветуешь на место Ольги, упокой Господь ее душу грешную? — довольный произведенным впечатлением поинтересовался Николай Дмитриевич.

— Аннушку, жену Ивана, — не задумываясь, предложила та.

Услышав имя конюха, Катерина непонятно почему нахмурилась. Ведь это он выступил в защиту Григория? Сказал, что видел его уходящего со двора, а Ольга в ту минуту была еще жива?

Пока она размышляла над этим, Костя, сославшись на голов-

ную боль, вышел. Николай не сдержал едкий смешок. Позже он договорился, что с завтрашнего дня Аня начнет прислуживать в доме. А Катерине все не давала покоя мысль о конюхе Иване.

Она гуляла и уже далеко забрела, не переставая восхищаться блеском драгоценных камней. Но пока узнавала местность, продолжала идти. Какая разница, все одно владения мужа.

Михайловка. Когда-то Николай многое отдал, чтобы заполучить деревню в свою собственность. Катя помнила семью Михайловых, что некогда жили здесь. Такие же разорившиеся дворяне, как и ее покойной отец. Где они сейчас? Где все те помещики, земли которых ненасытно скупал Николай Дмитриевич? Надо отдать должное, муж умел вести дела. Тем более все знали, из какой ямы выбрался нынешний удачливый купец. Да и не скрывалось это никогда. Все в нем было хорошо, если бы он только не перечеркнул ее жизнь, молодость, девичьи мечты.

Вокруг было так много солнца, света, веселого шума. Наблюдая, как счастливые дети носятся по двору, она загрустила. По сравнению с их жизнелюбием девушка была воплощением тоски.

Внезапно Катя услышала шипение за спиной. Стая гусей, издавая боевой клич, направлялась в ее сторону. От неожиданности она вскрикнула. Спасаясь, побежала. Но потеряла туфлю, которую мгновенно захватили в плен птицы. На помощь, еле передвигая отяжелевшие ноги, спешила молодая беременная женщина.

– Пошли прочь! Пошли! – помахивая прутиком, прикрикнула она на гусей.

И – о чудо! – птицы отступили, оставив пошипанную туфлю в покое.

– Простите меня, недоглядела! Простите, Екатерина Андреевна.

Катя, все еще не придя в себя, покрытая испариной, быстро обулась. Если бы не внушительный живот женщины, она бы высказала ей! Но та так обезоруживающе смотрела, что даже испуганная Катя умудрилась выдавить из себя подобие улыбки.

– Да я сама виновата, растерялась. Вы знаете, кто я?

– Ну как же! Жену Николая Дмитриевича все знают.

Завязалась беседа. Женщина, смущаясь, пригласила помещицу в избу. Катерина с радостью согласилась. Новая знакомая располагала к себе. На коленях у Кати, заливаясь веселым смехом, играл мальчик, еще один ребенок хозяйки дома. Только прощаясь, Катя вспомнила, что так и не узнала ее имени.

– Маша! – просто представилась та. И тут ее лицо перекосила судорога боли. Она схватилась за живот: – Господи, у меня, кажется, воды отошли! Mamочки...

Катя никогда не принимала роды. Но, видимо, есть вещи, которые заложены в женщине. На крики о помощи прибежали соседки Машин, еще моложе Кати. И без того мало что понимающие, узнав помещицу, они стали совсем непригодными для помощи. Катя выгнала на двор их и Петю, собравшись с духом, вспоминала все, что она когда-то слышала и видела.

Через какое-то время, обессиленная, но неизменно гордая собой, она вышла из избы. Справилась!

– Ну, кто здесь счастливый отец? – спросила, плотно прикрывая за собой дверь. – Сын у вас!

Застегивая браслет, она медленно повернулась на знакомый голос. От толпы отделилась тень высокого широкоплечего мужчины – Григорий...

ГЛАВА 4

Когда она шла домой, начался дождь. Давно пора! Теперь можно не прятать слез. Конечно, она слышала его окрики и шаги за спиной, но все равно не останавливалась.

– Екатерина Андреевна, подождите! Дайте сказать!

Не выдержала. Остановилась. Смело посмотрела в глаза.

– Ну, давай! Говори!

Григорий молчал. А что сказать?

– Иди домой. Там тебя жена ждет. И дети! Иди, Гриша! Иди...

Не слушая, он обнял и крепко ее поцеловал. Катерина не сопротивлялась. Она и не представляла, что возможна такая пылкость, такая страсть! Отвечая на поцелуй, провела рукой по

лбу. Усыпанный камнями браслет больно оцарапал кожу лица. И тогда она вспомнила о разнице между ними, о своей недавней неприязни к нему. Оттолкнув его, закричала:

– Уходи! Пошел прочь!

Но первая убежала сама. Прежде чем войти в дом, остановилась на пороге, отдышалась.

– Екатерина Андреевна? А что вы здесь делаете в такую пору?

Конюх Иван готовил лошадей, завтра нужно было отвезти хозяина на вокзал. Предстоял неблизкий путь. Катя уже начала оправдываться, но вовремя спохватилась. С какой стати?

– Вы бы ко мне помягче! – посоветовал конюх изумленной хозяйке. – Я ведь видел, чем вчера закончилась встреча двух влюбленных!

Что он имсет в виду? Кого называет влюбленными? Катя не успела ничего ответить. Во двор вышел муж, собирающий слуг на ее поиски. Она устало пошла ему навстречу. Подбежавший Николай укутал ее в плед.

– Где же вы были, милая Катерина Андреевна? – поинтересовался Костя, наконец отошедший после вчерашнего загула.

На него зашикали. Татьяна быстро ее переодела. Заставила выпить какой-то отвар. Потом помогла спуститься вниз. Все это время воспитанница не произнесла ни слова.

– Катюша, ну, что стряслось?

Ее спасла вездесущая Варвара. Может, ошибалась Катя, говоря о ее старости? С радостным криком та влетела в гостиную и огласила новость: их молодая хозяйка приняла роды у одной из местных крестьянок. Слуги каждый на свой лад принялись хвалить ее храбрость. Муж, напротив, рассердился. Прислуга, кроме няньки, тут же ретировалась.

– О чем ты думала? Ты могла подхватить заразу! Заболеть!

– А по-вашему, я должна была бросить ее там? – Холодный тон вопроса, сразу охладил пыл мужчины.

– Ну, Катя, но ведь есть эти, как их? Бабки-повитухи. Они бы сделали свое дело.

– Эти так называемые бабки моложе меня на несколько лет!

– Ну, хорошо. Прости. Я просто за тебя очень испугался.

Кстати, я завтра, утром, уезжаю. Ты, наверное, не вставай меня провожать. Да?

Татьяна стояла в сторонке и про себя улыбалась. Может, все еще у них получится? Вон как он ее любит! Да и Катюша вроде начала привыкать к семейной жизни. Может, наконец оценила свое счастье? Дай-то Бог...

– Екатерина Андреевна, к вам тут крестьянка из деревни. Прикажете впустить? – Хоть муж и сказал, чтобы она не сильно старалась, Аня очень хотела понравиться хозяйке.

Катя с удивлением увидела на пороге Машу. Как ни пыталась, а в голосе были слышны нотки холода.

– Быстро ты! С чем пожаловала?

Мария, не ожидавшая подобного приема, растерялась. Вчера, придя в себя после рождения сына, она подумала пригласить Екатерину Андреевну в крестные матери. Григорий, взяв малыша на руки, забыл о своей нелюбви к женщине, благодаря которой на свет появился его второй сын, и со всем соглашался. А ведь Маше казалось, что его уговорить будет сложнее всего. Она так радовалась, что придумала все это. Но сейчас, стоя, перед молодой, красивой, высокомерной помещицей, она не знала, удачной ли была ее мысль.

Катя уже поняла, что не сможет общаться с этой милой женщиной. Хотя очень хотелось. Но ее муж...

А как объяснить? Вчера не побрезговала принять у нее роды, а сегодня ответит отказом на невинное предложение стать крестной матерью. Внутренняя борьба в ней была почти не скрыта от чужих глаз.

– Я согласна! – после долгого раздумья тихо сказала она.

Произнеся вслух фразу, она попыталась ее поймать. Даже сделала невольное движение рукой. Но сказанного не воротить. Маша, уходя, так и не поняла, стоит ли ей радоваться столь вынужденному согласию.

Не успела закрыться дверь за крестьянкой, как пожаловал Костя. С извинениями за недостойное поведение. О, как нелеп он был в своих неуклюжих ужимках! Катя попросила оставить ее, но он решительно отказался. Тогда она сама вышла на улицу, Константин тут же последовал за ней. На мгновение ей

удалось скрыться, но теперь она наскочила на вернувшегося с вокзала Ивана.

– Барыня, ну так как? Вы подскажите, что мне стоит забыть, а что стоит рассказать хозяину о том вечере?

У Кати закружилась голова. Послав конюха ко всем чертям, она не нашла ничего лучшего, чем сбежать в деревню. Осматривая владения мужа, снова попала под дождь. Спрятавшись под крышей какого-то сарая, с надеждой ждала, когда ненастье успокоится.

– Вы меня преследуете?

Облокотившись о столб, с беспечной улыбкой на нее смотрел Гриша. То, что последовало потом, было не во власти Кати. Все чувства, обуревавшие ею до этой минуты, уступили чарам любви.

– Не надо! Гриша, пожалуйста, – отвечая на его поцелуй, задыхаясь от жажды, умоляла она.

– Не могу! Катя, как только увидел тебя, сам не свой стал!

Опустившись на земляной пол, кое-где прикрытый тряпками, Катя отдалась ему. До дна. Вся, без остатка. Только так, как может отдаться страсти девушка, сгорающая от рвущихся наружу желаний. Так хорошо ей не было даже в мечтах. Целуя, лаская, изнывая, она кричала от удовольствия...

Григорий проснулся, почувствовав, что желанной женщины нет рядом. Дождь прекратился, но слезы ручьем текли по щекам уже кое-как одетой Кати. Как могло произойти то, что случилось! Как она, благородная, гордая дворянка позволила овладеть собой этому не пропускающему ни одной юбки бабнику!

– Катя, ты чего? От счастья, да? – ласково, поглаживая ее по спине, спросил он.

– Какое, к чертовой матери, счастье? Как ты посмел! Ты, нищий крестьянин! Здесь, в этом вонючем сарае! Ты думаешь, что я такая же, как потаскухи, с которыми ты привык развлекаться?

Григорий, взбешенный ее словами, отпрянул. Одеваясь, он старался проглотить обиду от её слов. Но Катя уже закусилась удила! Тогда он не выдержал:

– Что же ты не думала об этом, когда стонала в моих объятиях? Считаешь себя лучше всех? Порода, да? Вот только в этом

деле вы все одинаковые! И благородные госпожи, и безродные служанки!

Катя, собрав всю силу в кулак, ударила его по лицу. Как давно она хотела это сделать! Глаза Григория наполнились кровью. Нечеловеческих усилий стоило ему сдержаться. Изогнув в презрительной улыбке губы, он выплюнул:

– Дворягя!

Катя надеялась незаметно проскользнуть в дом. Не тут-то было. В комнатах горели свечи. Вся прислуга была на ногах. А в прихожей, заливаясь слезами и давясь криком, завывала Анна.

– Ванечка, милый мо-о-о-й! – ее протяжный стон проникал в самое сердце, вызывая содрогание.

В суматохе никто не обратил внимания на внешний вид вошедшей хозяйки. Никто, кроме Татьяны.

Конюха, с проломленной головой, недалеко от их избы нашла жена. Он еще был жив, когда его принесли в дом хозяев. Но пока ехал врач, Иван скончался, без остановки шепча: «Крыса, крыса!»

Катя жутко перепугалась и приказала вынести тело из дома.

– Несите куда хотите, но чтоб здесь я его не видела! Где Костя?

Тот снова в стельку пьяный лежал в своей комнате.

– Батюшки мои, ну где он находит выпивку? Запираю, прячу. Все попусту!

Кате было некогда разбираться в этом. Впереди ждали более важные дела. Печальный опыт общения с представителями власти не прошел даром, и сейчас она уверенно раздавала указания. Дом заполнил топот слуг, выполняющих приказы хозяйки. Снова неприятные минуты допроса. Те же вопросы, по сути те же ответы. Но в этот раз Катя держалась достойно, как полагается хозяйке такого дома. Попрощавшись с приставом, заставила всех лечь спать. В доме воцарилась тишина. Прежде чем лечь самой, хотела выпить чего-нибудь, успокоить нервы. Но, видно, не врала кухарка, она не нашла в доме ни одной бутылки.

Сегодня Катерина должна стать крестной матерью. Если бы кто представил, что она испытывала! Стоя рядом со счастливой

Машей, внимательно рассматривала мальчика. Уже сейчас становилось понятным, что он будет копией матери. Те же ясные глаза, светлые, чуть заметные кудри, такой же вздернутый носик. Но, несмотря на сходство с Марией, во всем облике малыша чувствовался Григорий.

Катерина старалась не смотреть на отца малыша. Она поклялась себе, что вычеркнет их связь из памяти. Забудет его ласки, ее грезы...

Но нет-нет да взгляд испуганных глаз пробежал по гордому лицу мужчины. По нему было видно: он и не думал раскаиваться. И уже, наверное, и не помнит! Катя от подобной догадки в ярости сжала кулаки. Развлечение на вечер!

Вымученно улыбаясь, она отвечала на приветствия приглашенных гостей, в душе готовая придушить всех, кто был свидетелем ее позора. Когда батюшка окунул младенца в воду, она вообразила, как топит ребенка, связывающего Григория с его ничем не примечательной женой.

Наконец все закончилось. Гости ринулись к нехитро накрытому столу. Катя предпочла уйти. На улице ей стало лучше. Она не переносила запах лампадного масла, от него у нее кружилась голова. Из-за угла выскочил Григорий:

— Сегодня в полночь у ворот! — прошептал он Кате.

— Жаль, что вы так скоро уходите! — обратился хозяин дома к подозрительно осматривающей его Татьяне.

После та заметила:

— Красив как сатана и такой же опасный!

Все-таки иногда мудрая няня удивительно верная в своих наблюдениях!

Катя беспокойно мерила комнату из одного угла в другой. Приглашение Гриши бесповоротно нарушило равновесие ее жизни. А недавно она сетовала на скуку! Да, а еще она хотела ему отомстить. Боже, зачем же она с ним связалась? Часы не спеша отмеряли минуты клонившегося к закату дня. Катя и желала, и боялась этой встречи. Да, она придет. Придет и скажет все, что о нем думает!

Катерина потушила свечу и прислушалась к тому, как замирает жизнь в доме. Вот и Татьяна захрапела в своей каморке. И

собаки успокоились. Даже луна исчезла, спрятавшись за тучи. Сердце Кати бешено колотилось, не давая ни на минуту забыть о волнении. Без четверти двенадцать, скрипнув половицей, она вышла из комнаты.

Господи, что она делает? Как позволила над собой насмехаться? Ей казалось, что стрелка давно отсчитывает время до рассвета. Наивная дуручка! Девушка, не переставая себя ругать, с надеждой вematривалась в ночную тьму.

– Ты пришла? – Запыхавшийся Гриша предстал перед ней, протягивая букетик сорванных по дороге полевых цветов.

Катя, было, открыла рот – высказать все обиды, но его горящие любовью глаза заставили ее лишь безропотно признаться:

– Не могла иначе!

Он опустился на колени и, шепча любовные признания, увлек за собой. Катя, со злостью твердя о несправедливости к нему, с жаром отвечала на ласки. Небритое лицо Григория царапало ее, но она лишь счастливо улыбалась, предпочитая ни о чем не думать. Страсть, закружив их, увлекла в манящие неизведанные дали...

Пробираясь домой после греховного свидания, Катя беспокоилась только о том, чтобы не растерять цветы, которые он для нее собрал. Но, проходя мимо кабинета мужа, она невольно насторожилась. Радостно скуля, навстречу кинулся щенок, которого Костя нарек Персиком. В основном он с ним и возился. Правда, животное не теряло надежды очаровать и хозяйку.

– Тихо, тихо. Замолчи! – зашипела она. Персик преданно умолк.

Заглянув в приоткрытую дверь кабинета, Катя заметила Константина, сосредоточенно сопящего над какими-то документами брата, и растерялась от неожиданности. Николай Дмитриевич строго-настрого запретил рыться в его бумагах. Всем, без исключения. И кому, как не Косте, об этом знать. И что же получается? Он намерено нарушает запрет? Озаренное свечой лицо Константина пугало выражением злорадной мстительности. Катя, отшатнувшись, наступила на лапу Персика. Тот обиженно заскулил. И если в первый раз Костя, погруженный в размышления, не услышал его возни, то сейчас резко вскинул

голову, захлопывая папку с бумагами. Пока он прибирал все, Катерина успела скрыться незамеченной.

Прижалась к двери, пытаясь прийти в себя. Но тут увидела сидящую на кровати Татьяну и совершенно растерялась.

– Что ты здесь делаешь?

– Потолковать с вами хотела, Катерина Андреевна!

– В такую пору? – выгнув бровь и придав лицу спокойное выражение, спросила она. – И чего это ты со мной как передная?

– В вашей семье, Екатерина Андреевна, я прожила всю жизнь. И еще вашей маменьке, Царствие ей небесное, обещала, что никогда вас не оставляю. Но выше моих сил смотреть, как вы сами себя губите! Отпустите меня, будьте милостивы!

– Что? Таня? Как отпустить? Куда?

Екатерина переменялась в лице. Она кинулась к своей старой, доброй, всегда бывшей при ней няньке. Воспитанница пыталась поймать взгляд прячущихся от нее старческих, наполненных мукой и слезами глаз. Она целовала руки, когда-то вынырившие ее, и сама заплакала.

– Танюша, это из-за той пощечины, да? Танечка, ну прости меня ненутевую! Ты же видела, в каком состоянии я была! Таня, ну как я без тебя? У меня же больше никого нет! Таня?

Девушка опустила на пол, и спрятала лицо в ладонях. Доброе сердце старой Татьяны было не каменным.

– Девочка моя! Свет ты мой! Да я забыла про то давно. Я за тебя боюсь! Как ты могла связаться с этим чертом? Ну кто он супротив Николая Дмитриевича? Ты же судьбу свою испытываешь!

Катя выпрямилась. И смахнула слезы с красивого, высокомерного лица. Она за свою любовь была готова кому угодно глаза выцарапать. Она ради любви готова была сражаться со всем белым светом, но не с Таней. Нет, только не с ней! Ведь та знала ее с пеленок, воспитывала, прощала всевозможные выходки. Осознав это, Катерина снова сникла и разрыдалась. Она сама понимала, что любовь ее преступна. Понимала, но отказаться от нее не могла...

Беспристрастная луна, вышедшая из-за туч, осветила изму-

ченное внутренней борьбой и душевными страданиями лицо девушки.

Как горько она плакала! Любовь, выжигая все внутри, рвалась наружу, а полученное воспитание и врожденная гордость сдерживали ее.

Так они и встретили рассвет: заплаканная воспитанница и ее няня. Татьяне удалось успокоить Катю, и девушка провела два беспокойных часа в полусне. Все это время старая женщина была рядом. Тихо молилась. Шепча «Отче наш, иже еси на небеси...», поставила в вазу принесенные Катей цветы. Их почему-то было четное количество. Увидев в этом дурной знак, няня спрятала лишний цветок. На словах «но избави нас от лукавого» Катя, вздохнув, открыла глаза.

– Катюша, давай скажу, чтобы завтрак подали?

Девушка не хотела есть, но и расстраивать Таню тоже не хотела, поэтому согласно кивнула. Как только за ней закрылась дверь, в комнату ворвался Константин. За личными переживаниями Катя совсем забыла о том, что видела вчера. Он даже не поздоровался. Мужчина не сводил глаз с вазы с цветами, а девушка с ужасом увидела потерянный ею цветок у него в петлице.

Они отлично поняли друг друга без слов. Катерина, забыв, что одета только в ночную сорочку, вскочила с кровати.

– Я предлагаю сделку! – без обиняков заявил Константин.

– Не желаю ничего слушать!

– Будьте благоразумны!

– Не заставляйте меня звать слуг. В моей власти посадить вас под домашний арест до приезда мужа!

– Как вовремя вы о муже вспомнили! Как вы объясните ему свои прогулки по ночам? Бессонницей?

– Не дерзите, Константин Дмитриевич!

– Не играйте с огнем, Екатерина Андреевна!

Завтрак прошел в напряженной обстановке. Прислуга, привыкшая распознавать настроение господ, двигалась быстро и бесшумно. Безутешную Анну заменяла толстая Варвара. Ей было не привыкать.

Катя, тщательно жуя, соображала, что такого мог вообразить

о ней брат мужа и что он вчера делал в кабинете Николая Дмитриевича. Тем же мыслями была занята голова Константина. И главное, чем все это обернется для каждого из них?

...Не успел Григорий переступить порог родного дома, как Мария набросилась на него с бранью.

Его ночное отсутствие не осталось незамеченным. Жена не догадывалась, кто служил мужу утехой, но больше не хотела терпеть его измен. Уже без слез она кричала о своей обиде и боли, которую он ей причинил. Жизненные невзгоды неумолимо превращали Марию в грубую, сварливую бабу. Муж с позором был изгнан из дома. Гриша, впрочем, этому не противился.

Не прошло и нескольких часов, как весть, что Мария выгнала Григория, обросшая слухами, окольными путями дошла и до Екатерины Андреевны. Девушка не на шутку испугалась. Прилюдно быть обвиненной в супружеской неверности? Да ее покойная матушка в гробу бы перевернулась со стыда! Но ведь мама там, на небе, а она здесь, на грешной земле, и сгорает от любви и ревности...

Гриша как ни в чем не бывало пришел на работу. Стройка шла к концу, и Татьяна, со стороны наблюдавшая за бурно развивающимся романом воспитанницы, надеялась, что их чувства не выдержат разлуки. В глубине души на это рассчитывала и сама Катя. Она еще не знала, как сильно затянет ее любовная трясина.

Недолго длилась нежданная радость Катерины, которая уже была готова пригреть возлюбленного под крылом. Маша вымолила прощение у блудного мужа и уговорила того вернуться. Катя была вне себя от отчаяния. Тучи, сгущавшиеся над ее головой, она упорно не замечала.

После обеда пришла телеграмма: Николай Дмитриевич в скором времени возвращается домой. Новость расстроила Катю, но, увидев перепуганное лицо Константина, девушка приободрилась. Пытаясь сдержать страсть, она занялась хозяйством. Ребром стоял вопрос о домашней прислуге. Анна после трагической гибели мужа была невменяема и к службе не годилась. А уже и правда немолодая Варвара не успевала быть в двух местах одновременно. Кого же нанять?

Думала о Грише, его жене, и в голову пришла шальная мысль. А что, если попросить Марию? Так у нее появится время разобраться в положении, котором она оказалась! К тому же, если для Григория больше не найдется работы, она будет в курсе их семейных дел.

– Татьяна!

Служанка не отговаривала воспитанницу. Лишь напомнила той, что Мария недавно родила и вряд ли согласится работать. Катя, не зная, что такое быть матерью, этого не учла. Ну, да Бог с ней! Придумает что-нибудь другое.

В хозяйских заботах Катерина смогла прожить, не видясь с Григорием, пару дней. Но вот стройка подошла к концу. Как ни откладывай, а пришло время принимать работу. С ней увязался Константин.

– Катерина Андреевна, я могу рассчитывать на ваше расположение к моей скромной персоне? – Его вкрадчивый тон вызвал в Кате искреннее отвращение, какое она испытывала к грызунам.

Но не до него ей было! Внезапно слегла Татьяна, и внутренний голос предупреждал, что, скорее всего, старая женщина уже не поправится. Конечно, она отгоняла от себя подобные мысли, но иногда они ей не подчинялись.

Работа была сделана превосходно, по крайней мере, так считала хозяйка, которая больше смотрела в глаза главному работнику, а не на дело его рук. Вот только Костя все возмущался, находя любую мелочь для напускного негодования.

Перед кабинетом Николая Дмитриевича гурьбой стояли работники. Екатерина Андреевна с улыбкой, которая так редко озаряла ее лицо, благодарила и выплачивала им жалованье. Последним зашел Григорий, плотно прикрыв за собой дверь:

– Катюша, что-то случилось? Ты днями не показываешься во дворе. Часом не захворала?

– Татьяна совсем плоха! – не выдержав, она всхлипнула.

Гриша подлетел к ней и обнял. Почувствовав его сильные руки, она торопливо выкладывала наболевшее. Катя была вынуждена признать: ее няня умирает. Еще этот скользкий Константин! И муж должен вернуться. А тут еще он бросает ее.

– С чего ты взяла? Хорошая моя, я никогда тебя не брошу.

Мне жизнь без тебя – гибель!

– Гриша, я, несмотря ни на что, так счастлива! Не думала, что со мной это возможно!

Его губы сами нашли ее, она ответила на поцелуй: такой сладкий, страстный, головокружительный...

– Так, так, так! – В дверях стоял Костя и бездарно изображал оскорбленного родственника. – Боже, как низко вы пали! С этим мужланом, нищим, необразованным, к тому же женатым и с детьми! Неужто получше не могли найти?

– Вы не на себя намекаете? – глухо спросил Гриша.

– Рот закрой! Ты не представляешь, какую ошибку совершил!

– Расскажите мне?

Катя, на удивление спокойная, беспристрастно наблюдала за перебранкой двух мужчин. Наконец, яростно вскинула голову и приказала обоим замолчать.

– Вы говорили о сделке? Я слушаю.

– Вот это правильно!

Но договорить он не успел: в комнату вбежала Варвара и дурным голосом закричала, что Татьяне сделалось совсем худо. Катя, выкинув все из головы, кинулась к постели умирающей.

Зря она звала ее и умоляла ответить. Няня уже несколько часов находилась в бессознательном состоянии. Катя не думала, что уход в иной мир столь страшен. Изуродовав лицо старой женщины, болезнь не дала той отойти без страданий. Татьяна страшно исхудала за последнее время. Немудрено – она почти ничего не ела. Глаза и губы впали. Кожа приняла желтоватый оттенок. В этой измученной старухе воспитанница с трудом узнавала свою няню.

Катя кричала, чтобы вызвали доктора. Пока раздавала приказания, еще держалась, но вот наступила минута, когда она осталась один на один перед лицом беды. Девушка плакала и усердно молилась. Тут Татьяна пошевелилась и поманила свою девочку к себе.

– Следуй за сердцем! – тихо, но четко произнесла она.

Часы пробили пять вечера, когда женщина испустила дух. Тень накрыла дом Катерины. Душа последнего родного ей человека покинула этот мир.

ГЛАВА 5

Попрощаться с Татьяной пришла вся деревня. Катя была безутешна. Никто не осмеливался смотреть в ее наполненные слезами глаза. Но вот панихида закончилась. Гроб опустили в сырую землю.

Была поздняя осень...

— Екатерина Андреевна, я полагаю, пора продолжить наш разговор! — одетый в отделанную лисьим мехом шубу настаивал Константин.

Просить о сострадании было бессмысленно.

Помутневшим от боли взглядом Катя посмотрела в сторону Григория. Он во время похорон старался держаться ближе к ней. Боялся, что она в любую минуту лишится чувств. Наверное, он один знал, что происходит в ее сердце. Боль, она не выбирает! И он тоже пережил похожее горе. Его мама умерла, когда он был совсем маленьким, она была неизлечимо больна. А этот мерзавец собирался сейчас испытывать и без того слабую Катю на прочность.

— некогда ждать! Завтра приезжает Николай!

Катерина и Константин заперлись в кабинете Николая Дмитриевича. Гришу отправили вниз, где уже слышались заунывные песни. Это прислуга истово прощалась с Татьяной. Горе заливали водкой и не забывали закусывать. Благо было чем. Хозяйка, устраивая поминки, не поскупилась.

Катя не знала, как заставить замолчать совесть и начать слушать брата мужа. Низость и коварство положения, в котором она оказалась, вырисовывались все отчетливее. Кто мог подумать, что возможна такая безжалостная ненависть к родному человеку! А Костя, охмелевший от выпитого, будто забыв для чего он здесь, зло делился задуманным.

— Я хочу его разорить! Оставить без копейки! Хочу, чтобы он завидовал последнему нищему! Хочу, чтобы он приполз ко мне и просил моей милости. Пусть знает, что такое жить по чьей-то прихоти, каково это — просыпаться и гадать, в духе ли твой благодетель! Только когда это случится, я почувствую себя

отомщенным за все его издевательства! Катюша, вы ведь ничего не знаете! Вы видели лучшую сторону, которая не так уж и блистательна. Верно? Вы никогда не знали его недовольства. При вас он почти никогда не гневается. Но поверьте, с ним это бывает часто, и всю злость он предпочитает срывать на мне.

— Вы могли уйти! — не выдержала Катя.

Сказала и замялась. Ведь сама она здесь только потому, что боится потерять свое положение. Константин шантажировал ее, прекрасно понимая, что Николай не простит измены. Он презирал предателей и стирал в порошок.

— Оставим эти разговоры! Каждый сделал выбор! Говорите, что сейчас требуется от меня? — отворачиваясь от его красной от алкоголя физиономии, холодно спросила она.

В этот миг маска притворства почти слетела с лица Константина. Но нет. Время еще не пришло! Он снова принял вид одурманенного человека, давно живущего на дне бутылки.

— Он приезжает завтра. С ним будет большая сумма денег. Дела его на юге идут неважно. Экономический кризис коснулся и его. Положение такое, что многие предприятия вынуждены объединяться. Брат не хочет никаких компаньонов, ему претит мысль, что кто-то еще будет распоряжаться его имуществом! Чтобы выйти из тупика, он продал несколько предприятий и полученные деньги вложит в то, что еще можно спасти. Банкам он не доверяет, поэтому повезет все сам. Разумеется, в сопровождении охраны. Единственное место и время, когда деньги будут без присмотра, это здесь, завтра ночью.

Катерина не любила мужа. И не скрывала, что вообще не испытывает к нему какие-нибудь нежные чувства. Он без ее согласия забрал Катю из родного дома, почти купил, заточил в этой глуши. У нее были причины мстить. Но все же она не могла пойти на то, что предлагал Константин. Николай Дмитриевич, несмотря ни на что, так много сделал для ее семьи, для нее...

И что теперь? Предательство? Павлова Екатерина Андреевна не была честной женщиной, но она была честным человеком. Она сидела в темноте своей комнаты и не могла придумать, как с достоинством выйти из положения. Как ей не хватало сейчас

мудрой Татьяны! На глаза навернулись слезы, но плакать было нельзя! Нельзя!

Няня сказала: «Следуй за своим сердцем». Воспитанница прислушалась к совету. Она не станет участвовать в заговоре против Николая, а сама расскажет ему всю правду.

– Ты рехнулась? – Гриша, чувствуя, что срывается на крик, пытался взять себя в руки. – Ты подумала, что будет со мной? С моей семьей?

– Гриша, при чем здесь твоя семья? Я говорю о нас! Давай начнем новую жизнь?

– Катюша, у меня двое детей, я не могу их оставить.

– А я? Как же я?

Катерина назначила встречу в лесу, как можно дальше от дома. У нее внезапно закружилась голова, и она оперлась о ствол березы, чтобы не упасть. Возможно, то была не только женская уловка, но Григорий не обратил на это внимания. Он в смятении расхаживал между деревьями. А она так хотела, чтобы он опустился перед ней на колени, говорил о любви...

– Катя, я не могу без тебя! Ты мой воздух! Любовь к тебе заставила забыть обо всем на свете! Ты нужна мне так, как я нужен моей семье...

Замкнутый круг, и, чтобы вырваться из него, нужно принести жертвы, на которые они были не готовы. Катя, несмотря на молодость, прекрасно это понимала. Куда идти? Что делать? Куда ни глянь, везде пропасть...

Она не могла его видеть, но он все не уходил. Ушла сама. Он не остановил, даже не сделал попытки.

Идя по дороге, Катя мяла платок и сухими глазами смотрела вдаль. Она забрела на обрыв, внизу которого так маняще блестели острые камни. Нет, без него белый свет не мил. Земля резко ушла из-под ног...

Гриша, как слепой, пошел за любимой. Пути, стягивающие грудь, не давали дышать. С тех пор как они повстречались, в его жизни все вокруг стало таким светлым и радостным. Неужели теперь этого не будет?

Увидев ее на краю обрыва, он быстрее ветра пролетел расстояние, отделяющее их.

Катя простилась с жизнью и сделала шаг.

Но сильная рука любимого остановила ее.

– Ну что ты? Что ты? – Покрывая холодное лицо Екатерины горячими поцелуями, он прижал ее к себе. Крепко-крепко, как она мечтала...

– Катя, ты правда пойдешь со мной?

– На край света...

– Подумай! Я нищий, безродный...

– В огонь и в воду!

Николай задумчиво смотрел вдаль и за всю дорогу домой не проронил ни слова. Вокруг столько красоты, но он не находил в ней спокойствия. Девственно-чистые леса. Деревья на краю обрыва. Закат. Двое обнявшихся влюбленных в лучах заходящего солнца.

Сердце сжалось. В его судьбе таких мгновений не было...

Ужин проходил в напряженной обстановке. Всем было нелегко. Николай делал вид преуспевающего человека, счастливого хозяина дома, но все как-то неубедительно. В конце концов он понял это и перестал. Безнадежно уставился в тарелку. Время от времени поднимал глаза на любимую жену и нелюбимого брата. Даже за стеной отчаяния Николай Дмитриевич заметил, что Катя избегает Костю. А еще отметил, как она презрительно усмехается, все же встречаясь с ним взглядом. Что, черт подери, происходит в его доме?!

Он не хотел разбираться, изнурительная борьба за возможность вести торговлю, заниматься любимым делом подорвала здоровье и лишила интереса ко всему. Он никак не мог взять в толк, как вышло, что все его годы прошли впустую. Катерина его не любила – это он понял. Слуги и брат боялись и тайно ненавидели. Наследники так и не родились. А что дальше? Сам того не замечая, Николай Дмитриевич задавал себе вопросы, ответы на которые давно прятал в глубине души.

Он медленно встал из-за стола. Тишину в комнате можно было потрогать. К нему поспешила преданная Варвара и услужливо спросила, понравился ли ужин? Может, она сделает что-то еще?

– Все хорошо! Спасибо.

В ту ночь, засыпая, Николай дал слово, что найдет силы побороться за будущее. Хотя понимал – на это уйдут остатки его бывлой мощи.

– Итак, Катерина Андреевна, ваше решение?

Властность и жесткость в голосе Константина напомнила девушке, что она имеет дело с братом удачливого дельца. Выгнав всю прислугу и убедившись, что хозяин дома спит, он требовал ответа. Катя знала, что делать! То ли сердце, то ли высшие силы подсказали, но теперь она знала, как поступить.

– Ждите ночью на конюшне.

Быстрым шагом она вышла из комнаты. Катерина умела действовать холодно и расчетливо. Девушка стояла перед трюмо и с ледяным блеском в глазах рассматривала свое отражение. Дороги назад нет. Мосты отступления горели алым пламенем.

Она собрала волосы. Без посторонней помощи переоделась в дорожный костюм. И сейчас укладывала украшения – подарки мужа – в шкатулку.

...Григорий в свете луны внимательно смотрел на спящих сыновей. Он радовался счастливому выражению лица младшего, запоминал чем-то озабоченное лицо старшего. Глубоко внутри тревожно защемило. Чтобы прогнать тупую, ноющую боль, перевел взгляд на жену. В темноте ночи Маша была удивительно трогательна. Как она не похожа на Катерину.

Тяжело вздохнув, он поцеловал детей. Положив на стол платок с заработанными у купца Евстигнеева деньгами, вышел из избы.

Впереди была неизвестность.

Катя предупредила, что может задержаться. Но когда Григорий подошел к конюшне, она уже дожидалась его. Он удивился, даже испугался, угадав смятение и нерешительность на её лице.

– Что? Передумала?

Если Катерина и сомневалась, то после отчаяния в его словах от сомнений не осталось и следа. Прижавшись к нему, она забыла об опасности. Пропави все пропадом! Не зная его любви, она просто не смогла бы дальше жить.

...Константин сгорал от нетерпения в ожидании темноты за окном и тишины в доме. Но внизу, как назло, снова расшуме-

лась прислуга. Нет! В его доме он такого не допустит! На цыпочках ходить будут! Слово лишнего не скажут! Правда, у Николая всегда был порядок. Но стоило почувствовать слабость хозяина...

Да, брат заметно постарел, и не было уже былой властности. Отразилась на нем и реальная угроза потерять дело всей жизни. Что ж? Поделом! Ни на секунду не жалко! А для Кости все изменится этой ночью. Он навсегда покинет этот проклятый дом! Не выдержав, скрытый покровом ночи мужчина вышел на двор. И вовремя! Катя бежала к конюшне, и в руках у нее не было ничего похожего на чемодан с деньгами брата.

Издаലെка наблюдая за ней, он невольно передернулся и почувствовал, как сильно вспотели ладони. А увидев Григория с узлами в руках, все понял. И в приступе безумной ярости, выхватил револьвер. Чужало сердце! Провести, сука, вздумала! Не выйдет!

Катя чуть не лишилась чувств, увидев взбешенного Константина.

– Далеко собрались, Катерина Андреевна?

Разительная перемена в нем пугала больше, чем хнично блестящее в свете луны дуло револьвера. И что-то в нем подсказывало – он без колебания воспользуется своим оружием. Опустившийся, ничтожный пьяница исчез, перед ней предстал опасный, готовый на все незнакомец.

– Не ожидала? Ну, не взыщите, – мужчина упивался таким поворотом событий и отвратительно насмехался над напуганной Катериной и заслоняющим ее Григорием.

– Провести меня захотела? Что ж деньги для себя нехватила? Думаешь, этот герой сможет тебя содержать? – и он довольно рассмеялся, чувствуя беспомощную ненависть Григория. – А мне это даже на руку. Угу. Убью вас, подниму крик, скажу, что это несостоявшийся роман привел к подобному исходу. Печально, но с кем не бывает? Пока мой брат будет страдать от двойного горя, возьму деньги и поминай как звали.

– Какая же ты крыса.

– Григорий, не выражайтесь при даме! Хотя вы же голь беспроектная, и манеры у вас соответствующие. Говорят, горбатого могила исправит, так я помогу...

Катя находилась в крайнем замешательстве. Сквозь туман и оцепенение события представлялись ей в совершенно ином свете. От ужаса своих догадок она зажмурилась.

– Это вы убили Ивана, да? И Ольгу тоже. «Крыса» – последние слова конюха – это было сказано про вас!

– О чем думаешь, дура? Скоро вы оба присоединитесь к ним и спросите обо всем, что вас интересует.

Но она словно не слышала его угроз.

– Ольга что-то начала подозревать, так? Я видела ее, выходящую из кабинета Николая Дмитриевича. И вы видели. Она догадалась о ваших планах? Верно?

– Ее роль была ублажать мое тело, и только. Она же возомнила о себе Бог весть что! Да вспомните, Катерина Андреевна, как она себя с вами вела! – Мужчина терял самообладание и путался в обращениях, то унижая, то пресмыкаясь перед Катей.

– За это не убивают!

Ее наивность насмешила Константина. Он без обиняков заявил, что жизни лишают и не за такое. А потом желание выставить напоказ свой потрясающий по подлости план заставило раскрыть карты. Он уже не мог остановиться, ему надо было высказаться.

Их отношения с Ольгой начались, как только девушка появилась в доме. Незаурядная красота, волнующая грудь и дразнящая улыбка выгодно выделяли ее среди остальных служанок. Ничего шокирующего в предложении разделить с ним постель она не увидела. Взамен девушка пользовалась большим расположением и время от времени получала от любовника приятные презенты. Наряду с распушенностью и броской внешностью природа наградила Ольгу непомерной жадностью. Отношений с братом хозяина она не скрывала и часто позволяла себе лишнее. Самого Константина совершенно не волновало, что об этой связи известно прислуге. Эка невидаль! Служанка спит с хозяином, кого этим удивишь? Но когда Ольга разнюхала о его проделках, тогда он серьезно заволновался. Правда, сначала ей хватило ума молчать, это продлило беспутную жизнь девушки. Но увидев ее, выходящую из кабинета брата, он окончательно убедился: она разоблачила его. Вечером, когда Ольга пришла к

нему, судьба ее была predetermined. Наутро девушку нашли застреленной.

– Кстати, Екатерина Андреевна, я отлично стреляю и не пью уже третий месяц!

-- Что мне теперь, падать ниц? – съязвила Катя.

– Не надо меня злить! Пока я говорю – вы живете!

– Ой, да бросьте!

Она не умела долго пребывать в страхе. Не та натура! Выйдя из-за спины Гриши, она продолжила рассказ Константина.

– А Иван видел, как я целовалась с Гришей, и решил на этом заработать. Его можно понять. Только обзавелся семьей, расходы на любимую Аню превышали жалование. Вы это услышали и подумали, что он стал свидетелем не только моего греха. Так? Вы ничтожество!

– Прекратите, Катерина Андреевна! – почти веселым голосом попросил он. – Остановитесь, пока вы этого Ванечку святым не сделали! А он был еще тем прохвостом! И оказывал мне различные услуги задолго до женитьбы.

– Как же это?

– Вот так! Он просто очень любил деньги! Шкурный человек. И это он рассказал о ваших отношениях, подтвердив мои подозрения! И если бы он не выгородил вашего Гришеньку, то был бы сейчас жив.

– Он не дал обвинить невинного человека, поэтому вы его убили?

– Нет, не только поэтому! Если б не его невеста откуда взявшееся чувство справедливости, дело об убийстве Ольги закрыли бы. А так мне пришлось думать, как обезопасить себя...

Катя не услышала продолжения, оно потонуло в страшном стоне боли. Анна, вдова Ивана, стояла незамеченная невдалеке. Молодая крестьянка от постигшего ее горя заметно осунулась. Ночная сорочка мешком висела на женщине, в распушенных волосах серебрилась седина. Подняв высоко над головой свечку, она осветила их лица. Ее безумно блуждающий взгляд остановился на Константине. Уронив свечу, она закричала и кинулась к убийце своего мужа.

Тот, не раздумывая, выстрелил. Захлебнувшись собствен-

ным криком, Анна замертво упала на земляной, покрытой соломой пол. Огонек от ее свечи, тревожно затрещал и, побежав по высушенной траве, вмиг обхватил обручем волосы Анны.

Константин на секунду выпустил их из виду, этим воспользовался Григорий. Прыжок – и оба повалились на землю. Завязалась драка, противники вцепились в револьвер мертвой хваткой.

А Катя, не соображая, смотрела, как горит ее служанка. Будто бы не с ней! Нет, точно не с ней! И только хрип борющихся мужчин отрезвил, и она поняла, что происходящее явь. Схватив подвернувшуюся под руку лопату, Катя яростно опустила ее на голову Константина.

Будь ты проклят!

Вокруг полыхало в полную силу. И в доме слышали шум. Гриша скинул с себя тело стонущего, но еще не поверженного противника.

– Катя! Бежим!

Падающая горящая балка чуть не задела Григория. Оставив огню добывать их врага, они скрылись в темноте. На пороге дома слышались крики о пожаре и приказання Николая Дмитриевича.

ГЛАВА 6

Дорогу до Петербурга Катя не помнила. В голове был немолчный гул. Она старалась молчать и подолгу смотрела в одну точку. Одной рукой крепко держалась за Григория, другой – сжимала сундучок со своими сокровищами. Из слов любимого стало ясно: это их единственная возможность выжить в вихре затеянной ими авантюры. Гриша всю дорогу шептал ей на ухо признания в любви и обещал, что все будет хорошо.

Очнулась Катя в городе перед дверями их нового дома. Оказалось, у Гриши здесь есть то ли друг, то ли родственник, который нашел временное, как обещалось, жилье. Катя старалась выглядеть бодрой, но, увидев их квартиру каморочно-коечно-

го типа, с трудом сдержалась, чтобы не расплакаться. И за это убожество пришлось расстаться с одним из ее золотых колец.

– Катюша, не грусти! Это поначалу, поверь! Дальше будет легче! Вот пойду работать, заведем знакомых...

Он продолжал что-то говорить, убеждать, обещать, а Катя думала о том, что на ней несвежее платье. Правду говоря, весь ее гардероб состоит из двух туалетов. А еще хотелось принять горячую ванну...

Но об этом на ближайшее время придется забыть, зански-вающе улыбаясь, сказал Гриша. А еще очень хотелось есть. О своем последнем желании она объявила вслух. Григорий замер.

– Как? Ты не умеешь готовить?

Катя печально покачала головой. Всю жизнь она была окружена слугами. Ее кормили, одевали, ухаживали за ней. Незачем было всему этому учиться.

– Ты шутишь?

– Неужели по мне не видно, я не расположена шутить?

– Нет, черт подери, не видно! И не разговаривай со мной так! Ты рассчитывала на императорский дворец? На царский ужин? Разочарована?

– Прекрати на меня орать! Я не твоя дура-жена и не потерплю этого! Да, я разочарована.

– Вот как? Ну, ты еще можешь вернуться к своему старнику. Придумаешь что-нибудь, если вдруг спросит. Хотя это вряд ли. И так примет!

Катя не заметила, как ручьем хлынули слезы. Но как же так? Ведь все должно быть по-другому! Ну, пусть без приличного жилья, голодные, ободренные, но точно без взаимных упреков...

Гриша, увидев Катериныны слезы, почувствовал, как в сердце что-то отчаянно защемило. Как он мог? Все так хорошо начиналось. Зачем было ругаться?

Он снова её целовал. Лицо, шею, плечи. Шептал ее имя, как молитву. Какая у нее нежная кожа, как беззащитно бьется голубая жилка на шее. Ему всегда будет ее мало. Он никогда не забудет, на что Катерина решилась и от чего отказалась ради него...

– Ты меня еще любишь? – Катя очень серьезно смотрела ему в глаза.

– Я жить без тебя не могу. Богом клянусь, мы это преодолеем. Я землю буду грызть, но мы отсюда выберемся! Ты будешь жить как царица!

– А я научусь готовить...

Гриша знал, что будет тяжело. Иначе и быть не могло. Ведь их любовь – это обломки чужих судеб. Но, чувствуя на плече дыхание любимой женщины, он был готов повторить все, что общал. А Катя во сне увидела Татьяну. Няня стояла в тени дерева и печально улыбалась.

В течение нескольких дней Катя пережила переворот в мировоззрении. Оказывается, женщина должна быть не только всесторонне развитой, читать в оригинале Шекспира и Байрона, но и уметь готовить, стирать, убирать и много еще такого, о чем она и не подозревала. А по прошествии еще какого-то времени она поняла: Шекспир, искусство, знание языков не важны, если тебе нечего есть. Быстро таяли деньги, вырученные от продажи украшений. Григорий пытался найти подходящую работу, но при беспорядке вокруг это было сделать трудно. Бесконечные стычки, забастовки, одно за другим разоряющиеся предприятия...

– Я сегодня встретил Варвару, – стараясь проглотить переваренную похлебку, признался Григорий.

– Какую Варвару?

Катя, закатав рукава дорожного платья, отчаянно пыталась вымести пыль из-под их койки. Она вот уже час наводила порядок в каморке. Заметно подустала. И с радостью отвлеклась на разговор.

– Кухарку Николая Дмитриевича.

– И что? – разглаживая складки на превращенном в домашний костюм платье, переспросила она.

– В Михайловке жизнь потихоньку угасает. Она сюда пришла работу искать. Николай Дмитриевич разорился и почти всех слуг распустил.

Катя застыла у окна. Не может быть! Ее муж разорился? Распустил слуг?

– Еще сказала, что он начал сильно пить.

– Ты зачем мне это говоришь? Чтобы я себя еще больше ви-

поватой почувствовала? Так вот: больше, чем я себя осуждаю, меня не осудит уже никто. Даже ты! И знаешь...

Гриша понял, что последует за этими словами. В последнее время Катя часто теряла самообладание. Но быстро приходила в себя, стоило только сильно прижать ее к груди. Несколько глубоких вздохов, и она успокаивалась.

— Катя, я ее к нам пригласил.

— К нам? Она знает о нас?!

Варвара знала, но ни единым словом не обмолвилась и не выдала своего возмущения. Ей было искренне жаль старого хозяина, но своя рубашка ближе к телу. Она старше Николая Дмитриевича, но ее волю к жизни с его жизнестойкостью было не сравнить! Варвара хотела попробовать обосноваться в столице, и, если Катерина и Гриша могли ей в этом помочь, она закрывала глаза на их запретную любовь.

Привычным движением женщина заглянула в кастрюлю. С понимающей улыбкой нашла небогатый запас продуктов и приготовила ужин, который напомнил Кате прошлый несчастливый, но прочный уклад жизни. Не сговариваясь, Катя с Гришей попросили женщину остаться жить у них. Место немного, но, если она согласится им готовить, они будут терпеть. Живут же в соседней такой же комнате десять человек и, ничего, уживаются.

Варвара недолго сопротивлялась и поехала в деревню за нехитрыми пожитками. По дороге к усадьбе кухарка встретила отрешенную от всего Машу. Женщина словно не жила. Просто забыла, как это делать! Дети всегда полуголодные, в легких изорванных рубашках, обделенные лаской матери.

Все опостылело Маше после ухода мужа. Варя с тоской замечала, к чему привела несчастная любовь. Как страшно! И как нужно человеку! Вот только что делать, когда уходит эта любовь? И ведь не подготовишь себя к сердечным мукам, как ни старайся. Хорошо, что у Варвары это давно прошло. Давным-давно. Как будто и не с ней было...

— Машенька, здравствуй. Как ты?

Та не отвечала, была словно пнемняема. Сюда, так далеко от дома она забрела, чтобы не слышать жалоб голодных детей, этих воплощений Григория, не ловить на себе сочувственные

взгляды, забыть обо всем. А главное, забыть его. Все впустую. Воспоминания о нем преследовали ее по пятам. Сердце болело любовью.

Любила. Несмотря ни на что. Больше жизни любила.

– Маша? Ты меня слышишь? Ты чего как оборванка?

– Ой, Варвара... А ты же вроде уехала? Вернулась? Как там в столице?

– Маша, прекращай убиваться! Не стоит твой Гришка того!

– Гриша не стоит? Да ты что! Он стоит большего! Просто ты его не знаешь! Он...

Маша замолчала. Мечтательно уставившись в серое небо, подыскивала слова, чтобы выразить свою безответную любовь к ушедшему от нее мужу. От этой мечтательности на лице Варвары, от природы не стеснявшаяся в выражениях, не выдержала и высказала Маше все, что она думает.

– Он там с этой аристократкой крутит и о тебе не вспоминает. А ты? Забыла о себе, о детях! Маша, не дури. Да что же это, Царица Небесная?! На все ради этих мужиков окайненных идем! На плаху и то согласны! А они? Бросают ради смазливой крали, которая накормить его толком не может!

Маша встрепенулась от этих сказанных в злости словах.

– Неужели все-таки с ней? С Екатериной Андреевной?

...Варвара шла домой. Больно сжимало грудь. От чувств, разбудивших самые глубинные воспоминания ее непростой жизни, разболелось сердце. Кого она хочет обмануть? И почему учит? Сама в свое время была такой же наивной деревенской дурочкой!

В доме Николая Дмитриевича не было. И слава Богу! Больно, как же больно! Она была готова ради этой своей поздней бабьей любви горы свернуть, земной шар пробсгать по кругу. А он забыл обо всем, что обещал, увидев однажды эту Катю! Боль в сердце не успокаивалась, а к вечеру стала нестерпимой.

Варвара умерла во сне. Ей снилась дочка. Ангелочек, которого не стало на следующий после рождения день. Плод последней, безнадежной, самой счастливой любви...

Катя вспоминала, как именно ее бывшая кухарка готови-

ла ужин. Теперь она гордилась собой, ее блюда можно, не стесняясь, подавать к столу! А Варвара все не появлялась.

Девушка с минуты на минуту ждала Григория с какого-то собрания: он попал под влияние одной из многочисленных революционных групп. Конечно, она этого не одобряла. Катерина, потомственная дворянка, поддерживала монархию. Но этот их конфликт сословий предпочла отдать на суд жизни. Надеялась, что со временем все станет на свои места. А пока пусть Гриша тешится! Надо ведь куда-то девать нерастраченные силы. Работу найти не получалось. Деньги в дом приносила Катя. Вернее, украшенные драгоценными камнями подарки мужа. Она не хотела думать, что с ними станет, когда продавать будет нечего.

Была ночь. 8 января. Катя стояла около печки и думала, как долго выдержит без теплой шубы. И где раздобыть дров? А как сделать так, чтобы конопь не оставляла следов на потолке?

Хлопнула дверь. Вернулся.

– Катюша, здравствуй. Есть хочу, как собака! Что у нас?

Что и в последние дни после ухода Варвары. Григория такое положение удручало. Ему надоело есть одно и то же каждый день. Но, справившись с нарастающей злостью, он промолчал. Катя прекрасно его поняла и без слов. И, наверное, рассердилась больше, чем он. В конце концов, Гриша часами просиживает в этом своем комитете, забыв все свои обещания. Она не виновата...

– Ты чего молчишь?

– Что тебе сказать? Ты говори – это у тебя жизнь галопом, а я все больше кастрюльных дел подмастерье!

Гриша хотел ответить на ее едкое замечание, но сдержался. Он был захвачен водоворотом происходивших событий. Сегодня комитет РСДРП принял решение участвовать в шествии к императорскому дворцу вместе с рабочими. Конечно, это его обрадовало. Быть может, они изменят ход истории? Да нет, точно изменят! И тогда он найдет работу, и именно он станет кормильцем, как и был всю жизнь. Они забудут об этой проклятой каморке! Катя станет такой, как прежде...

Все свои мысли он высказывал Екатерине, не замечая ее неверия. А когда речь дошла снова до обещаний, как они будут хорошо жить, она не выдержала.

– Гриша, спустись с небес! На минуту спустись! Прекрати говорить и думать лозунгами своего вождя! Оглянись, ваши мечты до нелепости смешны!

– Ты не понимаешь: завтра мы пойдем к царю. Выдвинем свои требования. Он выслушает, поймет и примет...

– Кто, вы? Ваша шайка? Так вас и пустили к царю! Да как вы посмели думать, что сам Николай...

Григорий с досады отмахнулся. Он не любил, когда в его словах сомневались. Катерина ничего не понимала. Но скоро все изменится. Они потребуют 8-часового рабочего дня, свободы профсоюзов, уничтожения сословного неравенства... Все будет! И когда они добьются своего, это заставит Катю взять такие обидные упреки назад. Она признает, что ошибалась!

– Да! Конечно, извинюсь. Вот только этого никогда не будет. Гриша, очнись! Милый мой, любимый, какой поход? Говорят, царь с семьей покинули столицу. Дворец пуст...

– Прекрати! – его бешеный крик обрушился на Катю. – Ты привыкла повиноваться! Ты закрепошена и не понимаешь открывающихся перед тобой перспектив.

Это слово – «перспектива» – он услышал на одном из собраний. И оно накрепко приклеилась к нему. Как оно соответствовало его характеру. Да, там, в будущем, все будет хорошо, так, как он это видит...

Сейчас, под впечатлением пламенных речей председателя их «Общества русских фабрично-заводских рабочих», он забыл обо всем. За исключением видения будущей «перспективной» жизни.

Хлопнув дверью, Григорий ушел во тьму. Нет, конечно, не навсегда. Он вернется, обязательно вернется и обязательно с победой, о которой будут трубить все собрания и газеты! Да что там! Все люди будут только об этом говорить. Шутка ли, завтра в выступление к Зимнему дворцу собиралось более ста тысяч человек. Но почему они верят, а его Катерина Андреевна нет?

ГЛАВА 7

В ту ночь Катя не ложилась, ждала любимого с повинной. Она знала, что он вернется. Было, что ругались и что он уходил – тоже было. Но пугала причина ссоры. Впервые разница их сословий так зримо встала между ними. Сон под утро сморил ее. Катю разбудили возбужденные голоса. Люди стекались по направлению к царскому дворцу.

«Началось! – с ужасом, подумала она. – Добром это не кончится!» Дверь ее каморки внезапно распахнулась. Катя приняла гордый вид, думая, что это Григорий...

– Ну, здравствуйте, Екатерина Андреевна!

На пороге стояла Мария с двумя маленькими дегьми. Катя попыталась встать, но не смогла. Ноги не слушались. Несмело ответив на приветствие, она продолжала сидеть.

– Рассказывайте, как вам с моим мужем живется?

Не дождавшись ответа, Маша заговорила о себе. Катя пыталась вслушаться в слова, но у нее никак не получалось. Неужели это та жизнерадостная женщина, что однажды защитила ее от стаи гусей? А эти дети, которые так испуганно смотрят на нее, – сыновья Григория? В приоткрытом окне Катя мельком заметила гулко идущую толпу, но вскоре забыла об этом.

– Екатерина Андреевна, что же вы молчите? Неужто сказать нечего? Вам-то?

– Мария...

– Ну? Давайте, скажите что-нибудь?

Женщина вела себя столь развязно, видимо, от выпитого на голодный желудок самогона, да и волнение не проходило. Как бы много горя эта знатная красавица ни принесла в ее семью, она робела перед ней.

Желание приехать и посмотреть им в глаза пришло к Маше, как только Варвара сообщила, где они живут. Последние оставленные Гришей деньги ушли на билет. Она берегла каждую копейку. Ежедневно прижимала пахнущую потом рубашку мужа к лицу, молилась. «Верни мне его, Господи, верни». И ждала... Но вот внутри что-то надорвалось. Не осталось никакой надежды.

Наверное, не зря прискалала! Эти опущенные в пол глаза бывшей помещицы – бальзам для ее измученной души. Стыдно? Стыдно! Тварь! Воровка! Шлюха! Боже, как же Маша износилась за это время! Нет сил даже на ненависть к этой, разбившей ее счастье...

– Я...

На этом Катя затихла. А что сказать? Что не ее вина? Что это любовь вот так наизнанку вывернула их жизни? Что не готова она была не бороться? Что жаль ей? Жаль Машу, Гришу, их детей, Николая Дмитриевича, себя, в конце концов. Просить прощения следовало бы, да вот Катя не умела. Но перед ней, чистой, наивной, доброй, была готова.

Она проклинала эту свою любовь, кричала, что не хотела; что все это было не ею подстроено! Маша плакала вместе с ней. Она поняла, что после прихода сюда ей путь один – в петлю. И бабу эту она понимала! Гриша умел быть единственным светом в окошке. Сатана! Но ей, ей! – что делать? Она просто не могла выкинуть его из головы! Каждую минуту она ждала, что он вернется, была готова сделать вид, что ничего не было...

– Проклинаю! Слышишь? Навеки!

– Маша, прости меня! – Катя валялась в ногах крестьянки, забыв о своем происхождении, воспитании, и больше всего хотела, чтобы та забрала свои слова обратно.

– Проклинаю! И этих, – она ткнула пальцем в сторону своих безучастных детей, – оставляю тебе.

Катя не сразу поняла смысл ее слов. Как оставляет? Но пока этот вопрос сорвался с губ, Маша исчезла в потоке людей. Катя бежала за ней и почти догнала. На прозвучавшие первые выстрелы никто не обратил внимания, тем более Катерина. То, что произошло непоправимое, она почувствовала по лицам идущих. Секунду назад – одухотворенный народ, а уже сейчас всепоглощающий смертельный ужас.

За ружейным огнем, открытым по беззащитной толпе, последовали крики, стоны боли. Но Катя видела только Марию. Видела, как та медленно завалилась, став жертвой сеюших смерть пуль, и была тотчас затоптана людской массой.

Обезумевшая от страха Катерина заметалась, стараясь вы-

рваться из кольца теснивших ее людей. Вот где стало понятно, кто и что из себя представляет...

Издранная, с кровоподтеком, с вырванными волосами, она, почти не дыша, стояла у входа в свою каморку. Господи, неужели выжила? Смогла? Такого страха, подчиняющего себе все чувства, она не испытывала никогда. Как же это могло произойти? Как могли допустить подобное? Ни в чем не повинные люди. Дети, старики, женщины. Целыми семьями...

Катя было перевела дух, но тут увидела в комнате детей, которые стояли там же, где их оставили.

– Боже! – И завывала в голос. Ей безысходно вторил малыш.

Она заставила взять себя в руки. Нельзя. Не сейчас. Вытирая слезы, опустилась на колени перед детьми. Тот, что был постарше, сжался, ожидая удара. Катя мягко освободила из его объятий младшего мальчика. Как могла, пыталась успокоить. Но ей это было не под силу.

– Он есть хочет! – шепотом подсказал его брат. – И я тоже, – последние слова прозвучали почти беззвучно.

Катерина сквозь слезы наблюдала за тем, как быстро они уплетают суп. И как, сытые, счастливо улыбаются.

– Что же мне с вами теперь делать?

– А мама ушла навсегда-навсегда?

– Да, – она вспомнила, как зовут сына неизвестно где пропадающего Григория. – Да, Петя, навсегда.

– Теперь вы наша мама?

– Теперь я... Как зовут твоего брата?

– Илюша. Вы не бойтесь, мы мало едим, просто давно не ели, поэтому...

Гриша пришел поздно. Пьяный, озлобленный на весь белый свет, он даже не заметил своих детей. А когда Катя сказала об этом, только горько усмехнулся. Она всю ночь проревела, а наутро столкнулась с новой бедой. Заболел Илья. Пришедший на мольбы Катерины доктор сказал, что у того воспаление легких.

– Что мне делать?

– Лекарства, уход, питание. И, я думаю, он поправится.

Гриша лишь печально опустил голову, узнав о болезни сына. И все. У него на уме революция! Кардинальная смена уклада жизни!

– Катя, чего ты от меня хочешь? Ты знаешь наше положение! У меня нет денег.

И под взглядом ее недоуменных глаз снова ушел. Наверное, в первый раз за всю жизнь Катерина поняла, что так неодолимо тянет пьяных людей к бутылке. Забвение. Под тяжестью навалившихся на нее бед она почти сгорбилась.

– Мама, Илюша умрет?

Она уже была готова разрыдаться, но услышала незнакомое обращение, и слезы высохли.

– Нет, сынок, не умрет.

Из украшений остался только браслет. Вещь, которая когда-то так прочно связала ее с Григорием. Ноги сами довели до меня. Денег, которые она выручила, хватило на прописанные лекарства и на еду.

– Петя, ты где? Смотри, что у меня есть. Яблоки и апельсины. Я даже устала, пока очередь отстояла. Петя, ты где? Петя?

Вошедшая в комнату Катя страшно закричала. Мальчик лежал около братика. Бездыханный Петя. Беда ударила со стороны, которую Катя хуже всего защитила. Мальчик болел, частые голодания, сменившиеся сытными обедами, вызвали полное истощение сил. Катя выла так, что безразличные ко всему соседи, которые никогда не обращали на них внимания, не выдержали, зашли и даже протянули стакан с воняющей водкой.

Если бы не плачущий Илья, Катя сошла бы с ума, но любовь к своему крестнику удержала ее. Где же Гриша? Он как никогда был нужен ей!

– Гриша!

Катя кричала в потолок, моля, чтоб он услышал и помог. Но его не было. Григория арестовали и заперли в охранке. Положив бездыханное тело мальчика на кровать, она успокаивала Илью. Качая его на руках, старалась сама не раскричаться от горя. Не зарыдать. Жизнь несправедлива. И если Катерина, Гриша заслужили наказание, то ребенок не виноват в грехах отцов! Почему тогда он умрет?

Малыш у нее на руках все не успокаивался. Катя тихо пела знакомую с детства колыбельную. Наконец, послышалось его

легкое размеренное дыхание. Мальчик уснул. Катя так устала, что не могла плакать. Не было никаких сил.

Вечером пришел человек и сообщил об аресте Григория. Мужчина оказался более сочувствующим, чем соседи. Он подсказал, где похоронить Петю. Денег нанять людей для этого у Кати не было. Убедившись, что Илья крепко спит, она поспешила на кладбище и сама вырыла яму. Вокруг куда ни глянь – свежие могилы. Никто не заметил, что Петя, который так много горя пережил за свою короткую жизнь, ушел. Плакать было некогда, дома ждал еще один ребенок. Торопясь к нему, Катерина со страхом думала об арестованном муже и чувствовала, как безвозвратно теряет себя прежнюю.

По возвращении упала на кровать. Прислушалась. Ни звука. Она одна. И тут Катя заревела. Просто по-бабьи, в голос, выплёскивая боль из самых глубин души...

Кроме старого еврея-менялы в комнате никого. Он сочувственно выслушал ее рассказ и предложил за крестик самую низкую цену. Катя радовалась и этому. Она не жалела своей связи с Богом. Никому больше нет веры...

– Подайте, барыня, Христа ради, – обратился к ней на улице старик с опухшим лицом. Она хотела огрызнуться, но в ужасе прикрыла рот рукой.

– Николай Дмитриевич? Вы?

– Катя? Катюша...

– Как же так? Уж вы-то должны были выстоять...

– Не смог. Дал маху...

– Возьмите, это все, что у меня есть. Возьмите и уезжайте.

Трясущиеся руки застыли в воздухе. Мутные глаза старика остановились на прекрасном, повзрослевшем лице Катерины. Его Катеньки. Не было минуты после ее побега, чтобы он о ней не вспоминал – с ненавистью, обидой, но чаще всего с разрывающей изнутри любовью...

– Берите, этим вы снимете хоть один грех с души, уж больно ноша тяжела!

...Человек, сообщивший об аресте Гриши, помог устроить ей свидание с ним. На встрече Катя боялась говорить. Не знала, как признаться в том, что не смогла уберечь его сына. Гриша

тоже молчал, не решаясь поднять глаза. Все его идеалы рухнули. Красиво говорящий председатель организации оказался завербованным агентом и нынче сбежал за границу. Все от него отвернулись. Катерина, молодая, неопытная, не видевшая толком жизни, оказалась права.

– Катя, прости меня! Прости! Я оказался дураком, в который раз! Мальчишка...

– Гриша, у нас Петя умер! – зарыдав, прокричала она.

Он молчал. Она выкладывала все как на духу. Ей было тяжело, и она как могла облегчала душу. В конце концов, она только женщина.

– Ты меня ненавидишь? – прервав, спросил Гриша.

– Господи, с чего ты взял?

– Я, понимаешь, Катя, должен просить прощения. Не ты...

Они плакали и в своей любви искали утешения и силы. Когда сообщили, что встреча окончена, Гриша зашептал:

– Спаси Илью. А меня забудь! Меня посадят! Им надо кого-нибудь наказать за волнение в рабочих кругах. А если узнают, что ты не отрекаешься от меня, то и тебе жизни не дадут!

– Любя не отрекаются!

Это все, что сказала Катя. Не оборачиваясь, вышла из комнаты. На входе она столкнулась с театрально красивым, очень неприятным офицером. Чуть выше нее, светловолосый, с яркими голубыми глазами, он смело оглядел ее с ног до головы.

– Вы послушали бы своего жениха. Он знает, что говорит! А такая красotka, как вы, долго одна не останется! Уж будьте уверены, я бы и сам...

Катя знала, что бы там ни случилось, у нее могли отобрать все, но не надежду на будущее с любимым человеком. Женщина сжала кулаки, готовая отразить любой жизненный удар.

– Вы так быстро не уходите! Дослушайте. Поверьте, мне есть что вам предложить.

– Да? Ну, предложите мне работу.

– Какого рода? – похабно облизнувшись, спросил он.

– Не перегибайте!

– А вы что, благородная, чтобы я с вами любезничал? – немного отступив назад, заинтересованно спросил он.

– Именно.

Отношение офицера мгновенно изменилось. Да, конечно, в глубине глаз остался хищный блеск, но выглядел он гораздо пристойнее. Так, как положено настоящему мужчине из высшего общества. Таких Екатерина Андреевна не видела, кажется, сотни лет.

– Разрешите представиться. Фаворитов Яков Андреевич. Офицер. Позвольте предложить вам работу моей... любовницей!

До Кати не сразу дошло, что ей предлагают, так была она заморожена его манерами. А потом раздался звук звонкой пощечины – холеный офицер с трудом устоял на ногах.

ГЛАВА 8

– Ничего. Илья, выстоим!

Она одевала ребенка и отчаянно вытирала стоявшие в глазах слезы. Вернувшись со свидания с Григорием, Катя застала у входа в комнату хозяина этого барака. Высокий, тощий, как жердь, почти лысый и насквозь пропитанный запахом спирта и безнадежности. Он вызывал крайнее отвращение. Таких мужчин в жизни Екатерины еще не было.

До этого, сталкиваясь с ним в темных коридорах, она сухо кивала и старалась быстрее разминуться. И вот он стоит перед ней и, мерзко оскалившись, сообщает, что срок оплаченной аренды вышел.

– Барышня, денег бы заплатить надо!

Она пыталась что-то соврать, пообещать, но, видимо, на подобных жильцов у него был нюх.

– Ладно, я могу подождать!

– Правда? Спасибо вам!

– Вот только мне нужна причина для этого...

Он прижал ее к стене и, оглушая запахом лука и дешевой водки, принялся тереться о Катю. Она в страхе закричала.

– Вы что? Пустите! Немедленно пустите!

– Ну, будь умницей! Мужа нет, ты без гроша, тебе нужен кто-то, кто будет о тебе заботиться!

– Пусти, дрянь!

Отбиваясь, она расцарапала ему щеку. По лицу побежала кровь. За его спиной возникла страшная по своим размерам баба. Жена.

— Ах ты, шлюха! Чужого тебе захотелось? А ты, хрыч старый, ты куда лезешь? — С размаху эта гром-баба треснула мужа по уже пострадавшей физиономии. Тот без звука завалился на пол: — Значит так, девка, у тебя час. И чтобы духу твоего здесь не было!

Катя, кивнув, прошмыгнула в свою каморку. Она перепугалась, как бы эта ревнивица не отделала и ее. Бог миловал.

— Уф! — Она улыбалась, страх отступал. Но его место занимало сознание того, что свалилось на нее. Катю заколотило, и ужас отразился на ее лице.

— Время пошло! — прогромыхало за ветхими дверями.

Девушка, забыв про гордость и страх перед этой женщиной, вылетела в коридор. Схватив хозяйку за руку, она умоляла дать ей время. Несколько самых трезвых и любопытных лиц высунулись из каморок, но быстро исчезли. Такие картины они видели каждый месяц. Это означало одно: пришло время расчитываться за жилье. Ничего у нее не выйдет! Вера — жена и настоящая хозяйка этого барака — не верила людям. Особенно молодым и таким красивым, как та, что сейчас выпрашивала у нее отсрочку.

Более того, Вера их ненавидела! За что Бог так выделял их из толпы? Дарил любовь таких видных мужиков? Вот за что? Ей не повезло в этой жизни ни с тем, ни с другим. Каждый раз, проходя мимо единственного в доме зеркала, женщина опускала глаза. Когда она была маленькой, отец в приступе белой горячки ударил дочку кочергой. Девочка лишилась левого глаза, а взамен получила жуткий шрам от глаза до мясистых губ и непроходящую злость на не всегда белый свет. Вера никогда не прятала этот шрам, словно нарочно выставляла его напоказ, реакцией на свое уродство подпитывая запасы желчи.

Она не слушала. Катя это поняла сразу. То, с каким презрением смотрела на нее хозяйка, заставило ее замолчать. Выпрямившись, Катерина преобразилась. Не бывать!

На какой-то миг Вера почувствовала к ней уважение. На один коротенький миг! Может, правда аристократка, как про нее говорят?

— Через десять минут чтобы ты со своим ублюдком убралась отсюда!

Катя, как могла, одела ребенка. Он, предчувствуя беду, собирался заплакать, но ей удалось вовремя его успокоить. На себя теплой одежды не осталась, в тулуп Гриши укутала Илью. Вещей почти не было. Тем легче! Только старый, украшенный полудрагоценными камнями ларец, в котором она привезла украшения.

— Не плачь, Илья! Не плачь! — Хотя она и обращалась к ребенку, на самом деле уговаривала себя.

Что делать? Куда идти? Замерзнуть на улице труда не составит! Сама видела, как часто такое случалось с бездомными. Но ведь сдать — это слишком легко? Еще раз взглянув на ларец, она решила, что для начала попробует его продать. А там будет видно...

— Ну...

Хотела сказать: «С Богом», но вспомнила, как совсем недавно отказалась от него. Дура!

Денег, вырученных за сундучок, хватило, чтобы на несколько дней купить хлеба. А над головой сгушались сумерки. Кате стало страшно. Мороз пробирал до костей. Куда идти? Куда? Несколько раз к ней приставали подвыпившие прохожие, но, увидев в руках ребенка, шарахались в сторону. Слезы в глазах замерзали и причиняли боль.

— Екатерина Андреевна, что это вы в такую позднюю пору гуляете? Да еще и без сопровождения?

Она не сразу узнала brave офицера, а узнав, побегала в другую сторону.

Фаворитов Яков Андреевич был не один. За руку его держала вульгарная, безвкусно одетая женщина, лицо которой было лишено какой-то видимой привлекательности, столь присущей благородной Катерине. На реплику своего друга она хрипло рассмеялась. Но уловив его попытку бежать за незнакомкой, ошарашенно спросила:

– Яша, ты что?

– Отстань!

Катя так замерзла, что почти не соображала и бежала, не разбирая дороги. Когда молодой нахальный офицер схватил ее, она даже не закричала. Ее глаза с белыми, припорошенными снегом ресницами смотрели куда угодно, но только не на него. Хотя, с какой стати? Изогнув бровь и упрямо выдвинув подбородок, она смело посмотрела в лицо мужчине.

– Прекратите хорохориться! Вас что же, из дому выгнали, да еще и с ребенком?! Нехорошо! Что думаете делать?

– К вам точно не пойду! Вы мне омерзительны!

– Отчего же мне честь такая? За то, что предложил быть моей любовницей? Ну, так чему удивляться? Вы необыкновенно красивы. И, наверное, знаете это? Не верю, что до меня никто не делал вам подобные предложения! К тому же это вполне соответствует духу времени...

– Это проявление вашей низости! Не более.

– А девушка еще и умна, – поделилась наблюдением не спеша подошедшая к ним спутница офицера. Голос у нее был груб, как и она: – Пойдем?

– Куда?

– Успокойся, у тебя ребенок вот-вот в ледышку превратится, да и ты похожа на снежную бабу. Пошли!

Место, куда привели Катю, вызвало волну стыда и, что скрывать, затаенного любопытства. А она, наивная, думала, что видела уже все! Давно, читая Бальзака, и представить не могла, что описанные им заведения когда-нибудь встретятся на ее пути. Ей налили крепкого вина, она выпила залпом, поразив Элеонору (так звали спутницу Якова). Мужчина стоял в тени, его лица не было видно, но почему-то Катерина догадывалась, о чем он думает. Убедившись, что Илья отогрелся и что ночь отступает перед зарей, она, уперев руки в бока, вызывающе посмотрела на эту парочку.

– Ну, давай говори! – улыбаясь скрытым от всех воспоминаниям, подбодрила ее Элеонора.

– Я благодарна вам за то, что вы мне помогли...

– Дальше?

– Я не могу выразить это иначе, только словами.

– Сентиментальный вздор! Женщинам всегда легче: у нас есть наше тело.

– Прекратите! Никогда я не стану одной из этих, там внизу...

– Ишь ты, красиво, это звучит, как куртизанка. А еще я недавно прочитала, что в Японии нас называют гейшами. Правда, там это целое искусство. Ну, да ладно. Послушай меня сейчас внимательно! Первое, не надо говорить: «Никогда»! В свое время я была такой же, как ты, и сейчас меня твои слова смешат. Второе, я тебе ничего не предлагала. И третье, помни: день пройдет, настанет ночь, и снова нужно будет искать ночлег.

– Это все?

Катя была в бешенстве. Наверное, это вино. Как она посмела сравнить? Жизнь многое исправила в ее характере, но гордость время от времени еще проявляла себя. Она открыла рот, чтобы сказать об этом, но вместо того широко зевнула.

Проснувшись, когда за окном опустились сумерки. Лежала на кровати, заботливо укрытая одеялом. И все поняла.

– Нет! – четко произнесла она.

– Глупо! – в тон ей ответила Элеонора, сидящая в кресле, напротив.

– Нет!

– Катя...

– Извольте называть меня Екатерина Андреевна! Где мой сын? Что еще значит? Что было в вине? Зачем вы это сделали?

– Мальчика осмотрел врач, а сейчас с ним играют мои девушки, Екатерина Андреевна. Не волнуйся, с ним все хорошо. А на остальные вопросы я не готова ответить. Сама себе удивляюсь!

– Я не стану одной из ваших подопечных!

– Мне показалось, ты умная, сильная и, несмотря на молодость, стойкая. Я ценю это в женщинах. Не переносу кисейных барышень! Я не говорю, чтобы ты начала сейчас. Осмотришься. Попривыкни. Понимаю, ты шокирована, но во все времена для женщины это самое надежное ремесло! Физическое желание есть природа мужчин! Так было при Адаме и Еве, есть при царе и будет при революционерах, если они – не дай Бог – придут к власти.

Катя, сморщившись от головной боли, встала. Не думала, что встретит женщину, так спокойно обсуждающую подобные темы. Сама она перестала стесняться отношений между мужчиной и женщиной, только когда сбегала вместе с Григорием. Он дал познать то, что не открылось ей ни в одной книге, ни тем более в браке с Николаем Дмитриевичем. И, стараясь быть откровенной, она сама себя вызвала на разговор. Вчера, когда бродила по запорошенным улицам, ее неотступно посещали мысли о продажных женщинах. Что бы там ни было, быть бездомной и слышать крики голодного сына, пусть с чистой совестью, у нее не получалось! Думая об этом, она загнала мысли о сидящем в тюрьме Григории как можно дальше. Предложение Элеоноры помогло бы ей справиться с навалившимися бедами. Она даже начала себе уговаривать. Но этой ночью ей приснилась Татьяна, грозящая пальцем:

– Не смей даже думать! – предупредила старая няня.

– Элеонора, извините, не знаю вашего отчества, я не встану на этот путь! Моего цинизма не хватит переступить эту черту! Если хотите, я могу отработать прислугой за то, что вы меня вчера не бросили!

– Черт возьми!

Элеонора иногда испытывала желание казаться мудрой, уравновешенной, пыталась смотреть на решения людей с их колокольни. Этому ее учили книги, но главным учителем была сама жизнь. Но часто огненный темперамент заглушал голос разума, в такие минуты девицы старались держаться от нее как можно дальше.

Катя спокойно выдержала ее крики. И, может, если бы не мигрень, достойно ответила. А так просто промолчала и оказалась умнее.

– Ладно, не хочешь шлюхой, будешь посудомойкой. Может, одумаешься? Только вот что...

Тут она, Катя могла поклясться, смутилась. Это чувство и падающий на ее лицо свет лампы подсказали девушке, что Элеонора ведет заведомо безнадежную борьбу с возрастом. Хотя и ухаживает за собой, сильно красится, но глаза женщины, хлебнувшей горя, спрятать невозможно.

– Яша, он мой! И я знаю, что уже немолода, не так хороша, но без боя его тебе не отдам!

Катя не хотела посвящать женщину в перипетии своей судьбы, поэтому от чистого сердца пообещала даже не смотреть на противного офицера.

– Екатерина Андресвна, не дай тебе судьбина-падлюка, пережить такую любовь! Я как будто в огне! День не вижу и думаю – отпустило! Радуюсь! А два дня разлуки – мне уже душу на части рвут. При каждой встрече сердце екает! Угораздило же... Я тебя оставила, потому что видела, как он на тебя смотрит, аспид! Знаю, что его взгляды значат. Может, если при мне будешь, уберегу свою любовь?

Элеонора обещала за работу еду, кров и грошовое жалованье. Катя благодарила и за это. Спускаясь по лестнице, даже в своем поношенном платье она привлекала завистливые взгляды девушек и похотливые клиентов.

Зал был полон народу. То там, то здесь раздавались хлопанье пробок, звон посуды, взрывы пьяного хохота. Весь этот шум перекрывали разухабистые мотивы нестройного оркестра. Элеонора гостеприимно приветствовала посетителей, а Кате сквозь зубы сказала:

– Зря, я тебя этой дорогой повела!

Но Екатерина не обращала ни на что внимания. Ее ослепила вычурная роскошь зала. Высокие потолки, ярусные люстры, лепнина, шторы, на стоимость которых она смогла бы прожить несколько месяцев. На полу толстые ковры, в центре – фонтан и вокруг цветы, цветы, цветы...

В воздухе тяжелый аромат духов и пота. Громкая музыка. Непристойные шутки. Перед Екатериной Андреевной во всей красе предстало царство разврата.

– Нравится? – сладко прошептала Элеонора ей на ухо.

Катя хотела ответить, но почувствовала, что вопрос задан с умыслом, и лишь неопределенно кивнула. Видела и лучше, сама во дворце жила. Давно, правда, и будто не с ней было...

Илья, голенький, в жарко натопленной комнате ползал по широкой кровати и звонко хохотал. Увидев Катю, счастливый,

протянул ей ручки. Девушкам недолго позволили радоваться общению с ребенком.

– Работа ждет! – объявила хозяйка дома свиданий.

Подопечные Элеоноры, как бабочки, выпорхнули из комнаты.

– Почти у каждой из них есть дети. Как ни стараемся, а нет-нет да и проскочит! Все скучают. Твой сын будет здесь как сыр в масле. Но из этой комнаты его надо унести, это рабочий кабинет, если можно так выразиться.

Катя быстро схватила Илью. Святая Богородица! Могла и догадаться.

– И прекрати так баловать ребенка, только хуже сделаешь. Первый твой, да? Оно и видно! Пойдем, покажу твою комнату, она в другом крыле. Не так убрана, но все ж лучше, чем на улице. Иногда, при большем наплыве, мы все помещения используем для дела. Должна быть к этому готова. Мало ли что.

В конце рабочего дня, то есть под утро, Катя с трудом держалась на ногах. Нешадно болела спина. С непривычки, заметила довольная Элеонора, пересчитывая выручку. Илья давно спал, а к Кате сон все не шел. Вот уже полчаса она лежала и считала количество безвкусных роз на расшитой занавеске. Сквозь толстые стены до нее донесся шум ссоры. Странно, ведь Элеонора сказала, что все клиенты разошлись. Голоса показались знакомыми. Сон все равно не шел, и Катерина встала посмотреть, что происходит. В щель отворенной двери увидела, стоящую на коленях Элеонору и рвущегося куда-то Якова. Катя, хоть и немощно устала, поняла, от чего удерживает своего молодого избранника женщина.

Тихо прикрыв дверь, она схватила крепко спящего сына. Поправила складки на кровати и, молясь, чтобы Илья не проснулся, спряталась за портьеру. Когда занавеска перестала колебаться, а дыхание стало спокойней, в комнате вспыхнул свет.

– Ну, вот видишь! Видишь, милый? Яшенька, любимый, она ушла! Я не смогла ее удержать!

– Врешь! – По голосу стало понятно: последние часы, мужчина провел в обществе, видимо, пользующегося его уважением виски.

– Нет, Яша! Нет! – Элеонора снова упала на колени. Портье-

ра была неновой, и сквозь потертую ткань Катя кое-что видела, сгорая со стыда, что стала свидетельницей и причиной подобного изъяснения чувств.

— Сука старая, прячешь ее! Я знаю! Знаю! Тварь! Гадюка! Что ты мне жизнь-то травмишь!

— Яша, я тебя люблю! Больше жизни люблю!

— Да пошла ты!

Илья спал, не обращая внимания на их крики, но проснулся от стука захлопнувшейся двери и тут же заплакал. Катя, успокаивая его, вышла из своего укрытия.

— А я думала, куда ты подевалась? — женщина поднялась с колен и с мрачным видом присела на край кровати. — Ты видела все сама и должна меня понять!

— Я понимаю.

— Мне жаль, что все так обернулось! Ты правда очень красивая баба и желанная для них, скотов! Спасибо, что не вышла.

— Я себя спасала!

— Жестоко, но я заслужила. Наверное, за свою мягкотелость? Вернись, всю жизнь из мужиков веревки вила. Ты думаешь, как все это, — она обвела комнату, подразумевая свое предприятие, — мне досталось! То-то и оно, ничего не было. А теперь я владелица лучшего борделя столицы! И горжусь этим. Все бы хорошо, но этот Яшка... Черт офицерский! Всех баб собою перекрыла, а ты мне поперек горла встала. Подавлюсь, если оставлю!

— Посоветуй, где работу найти?

— С твоим воспитанием? Не знаю. Мне подобные заведения незнакомы. А что умеешь? Готовить, шить?

— Английский знаю, французский, рисую неплохо, стихи хорошо декламировала, когда-то. Боже мой, кто мог подумать, что ничего не пригодится? Готовить одну похлебку научилась, и все. Занятия по шитью прогуливала. Они мне казались чересчур женскими. Вот и все образование.

— Эх, какая бы из тебя содержанка получилась! С английским, с чтением стихов... Хотя постой. Повезло тебе, Екатерина Андреевна, что ты такую бесшабашную, как я, на своем пути встретила.

ГЛАВА 9

Было раннее утро. Зябко поживаясь, Катя в самом скромном платье из гардероба Элеоноры, степенно шагла по улице. Владелица «лучшего борделя столицы» шла рядом. Она смыла почти всю косметику, сняла пестрые украшения и сейчас воплощала собой скромность и благопристойность. Видеть женщину в столь сдержанном наряде было непривычно. Встречный мужчина приветствовал их легким поклоном.

— Куда мы идем?

— О том, что я тебе расскажу, знает очень узкий круг людей. Даже Якову об этом неизвестно! И я надеюсь на твоё молчание.

Элеоноре не так давно исполнилось 39 лет. За свою жизнь она многое видела, многого достигла, но главным своим счастьем считала рождение детей. Служа у одного высокопоставленного чиновника, она сумела влюбить его в себя. Конечно, у него уже была семья, но он на время — только на время — забыл об этом. Забыл и о своем положении в обществе, и о репутации. Плодами бурного романа стали два очаровательных мальчика. Старшему сыну сейчас 14, другой на два года младше. Жена об интрижке догадывалась, но, только узнав о рождении незаконных детей, приняла меры.

Элеонору выгнали из дома с угрозой уничтожить как особо ядовитую змею. Но для своего возраста девушка отличалась редкой предприимчивостью. Она обзавелась состоятельными поклонниками задолго до окончательного разрыва с отцом своих детей. Уходя, она хотела вынудить любовника дать обещание, что их сыновья будут признаны законными, получают его фамилию, образование, а в будущем достойную должность. Это было ее условие. Он отказался.

Женщина угрожала оглаской, но вовремя опомнилась. Мать не могла позволить, чтоб о ее детях говорили: «незаконнорожденные». Она не смела ставить под удар их будущее. Элеонора была в отчаянии! И может, ей ничего не осталось, как сдаться, но неожиданно старая кикимора на нервной почве отдала

Богу душу. Для Элеоноры это стало последней надеждой дать достойную жизнь обожаемым сыновьям. Женщина, не зная угрызений совести, строила козни для достижения желаемого. Сначала рассорила отца с законными детьми. А потом и вовсе с помощью влиятельных любовников отдала их от него. Для единственного сына добилась отправки прохождения военной службы в самый отдаленный уголок безграничной России. Дочь же выдала за богатого, но безродного француза, с которым счастливая девушка укатила за границу. Брошенный всеми, мужчина в расстроенных чувствах сам приехал к Элеоноре и попросил отдать ему на воспитание сыновей.

Но и у него было условие: полное отсутствие ее как матери в жизни детей взамен на уверенность, что мальчиков представят в свете и у них будет жизнь, которая дается только избранным.

– Мне не важно, что ты думаешь по этому поводу, Екатерина Андреевна! Я сделала свой выбор, – скрывая слезы, заявила женщина. – Но я бы была не я, если б не блистала ярким лучом в их жизни. Редко, но тем не менее. А веду я тебя сейчас в их лицей. В нем учатся отпрыски самых знаменитых фамилий. И кажется я слышала, там есть место. Поняла, куда я нацелилась? Так-то! Не боишься?

– Нет. Меня туда не возьмут! То, что ты когда-то была любовницей, извини, я буду называть вещи своими именами, какого-то чиновника, ничего не значит.

– Ты не знаешь общего положения! Поэтому не рассуждай. К тому же ставку я делаю не только на это. Директор этого заведения – частый клиент в моем скромном доме!

– Господи!

– А я тебе говорила! Все мужчины во власти своих желаний! И ничто меня не убедит в обратном!

– Это, разумеется, делает честь твоим убеждениям, но, Элеонора, нужен опыт, рекомендательные письма. Уйма всяких бумаг!

– Ишь ты какая! Не твоя забота, как я это устрою! И еще, там я – Комарова Елена Викторовна. Все, выпрямись, прими то выражение лица, с каким ты мне отказывала. Я тогда от стыда сквозь землю была готова провалиться. Мы пришли!

Старая усадьба впечатляла своей элегантной простотой.

С предложением о создании подобного учебного заведения выступил сам Петр Первый. Великий реформатор хотел обеспечить образование юношей разных сословий. Лучшие преподаватели развивали способности своих подопечных. Имена выпускников лица гремели на всю Россию. Учиться здесь было почетно, и далеко не каждый родитель мог позволить отдать сюда своего отпрыска. Со временем только самые благородные и обеспеченные могли похвастать, что его сын обучается в Петербургском лицее.

Все эти почерпнутые из разных источников сведения вихрем кружились в голове Катерины. Они поднимались по широкой, украшенной дорожкой лестнице. И молодая женщина невольно почувствовала дрожь в коленках.

– Элеонора, остановись!

– Что такое? Не гнечи меня, Екатерина Андреевна. Пошли!

– Это нелепо. В этом лицее преподают только мужчины. Меня не возьмут!

– Уже год как нет! Поверь, ты не будешь первая.

Руководители лица, наследуя императору-основателю, придерживались либеральных взглядов. Они рьяно отслеживали изменения в системе образования других стран. И когда в Европе женщины впервые начали преподавать у юношей, в лицее, поразмыслив, решили не отставать.

– Если я верно помню, сын говорил, что та женщина, преподаватель английского, ушла. Не выдержала пристального мужского внимания, слонтяйка! А ты выдержишь, я знаю!

– А если ты неверно помнишь?

– Значит, уволят, и ее место займешь ты! Тем более сыну она не нравится...

Вот уже час Катя наблюдала, каких высот достигает женская изворотливость перед мужским упрямством. Они находились в кабинете директора лица Даниила Афанасьевича, и девушка не знала, куда глаза деть от смущения. Дородный, невысокого роста старичок никак не вязался с тем, что о нем рассказала Элеонора. Ну, как этот милейший человек может быть на такое способным? Немыслимо. Медленным, уже скучающим взглядом Катя обвела кабинет.

Стен было не видно из-за полок, до потолка заполненных книгами. Уютная обстановка, любезно предложенный хорошего качества чай – все производило приятное впечатление. И, наверное, она была не прочь здесь поработать. Но по лицу Даниила Афанасьевича, который ужом выворачивался из тисков Элеоноры, она догадывалась, что это останется только мечтой.

– Дражайшая, прекрасная Елена Викторовна, вы поймите, что нет у меня сейчас вакансий для вашей очаровательной спутницы. Вы обе прекрасны, и мне крайне совестно вам отказывать, но я, право, вынужден это сделать.

– Вот и не надо испытывать свою совесть! Миленкий, – со звоном Элеонора поставила чашку на блюдце и встала, – но как же так? Вы говорите про отсутствие вакансий, а как же ушедшая эта леди – как ее, ну подскажите...

– Леди Элизабет, – хмуро ответил уличенный во лжи мужчина.

– Вот-вот. Поверьте, Екатерина Андреевна легко ее заменит! Она своя, понимаете? Ну кто поймет русского ученика лучше, чем русский учитель...

Это напоминало несмешные юморески, печатавшиеся в столичных газетах на злобу дня. Элеонора коршуном кружила вокруг кресла директора. Но тот своих позиций не сдавал и все резонерствовал о непоколебимом порядке, принятом в лицее. Элеонора даже вспотела, ей все труднее было держать себя в руках. Тогда Катерина не выдержала. Прощитированный ею Шекспир с его бессмертным выбором «То be or not to be» возымел действие. И продолжая сопротивляться, директор разговаривал только с Катей и только на английском. Вот где пригодилось ее образование и мучительные часы изучения языков! Красешком глаза она заметила, как недобро смотрит Элеонора на седой затылок Даниила Афанасьевича. Он, несмотря на свою благовоспитанность, продолжал сидеть перед беспокойно расхаживающей по комнате женщиной...

– Я его придушить готова! Как сдержалась? Нет, ты слышала этого старикана? А знаешь, как он себя ведет в моем доме?! Руки целует, своим толстым задом почище голодного пса вертит...

Катя, услышав это сравнение, усмехнулась. Представить такое было сложно. Стоя за углом, так, чтобы их не было видно из окон лица, женщины обсуждали впечатления от встречи. Екатерина Андреевна была взята с очень строгими условиями на испытательный срок. Директор сказал, что со следующей недели она может приступать. Но в разговор снова вмешалась Элеонора. Первое, у Кати сын. Второе, Кате негде жить. Даниил Афанасьевич был неприятно этим удивлен. Но, придя в себя, сказал, что женщина может сегодня заселиться в крыло, где расположены спальни преподавателей.

– С сыном, – сквозь зубы добавил он на прощание.

– Ничего, придет он ко мне! Все припомню, на коленях ползать заставлю.

Катерина больно вцепилась Элеоноре в руку, заставив замолчать. Побледнев, она почувствовала приступ рвоты. Не выдержала...

– Голубушка, поздравляю, вы в положении! – огорошил новостью доктор, осмотревший все еще бледную Катерину.

– Вот черт! – вырвалось у Элеоноры.

Радость до краев заполнила Катю. Ребенок! Ее и Гриши. Любимый и долгожданный, непременно сын. Пытаясь не упустить каждую частичку внезапно озарившего ее счастья, она зажмурилась. Как легко было в эту минуту...

– Доктор, на каком она месяце? Еще не поздно избавиться от плода?

Мужчина не первый год обслуживал заведение «У мадам Элеоноры» и привык к подобным обстоятельствам и к столь бестактным вопросам. Вот только каждый раз он был вынужден несколько раз глубоко вздохнуть, прежде чем ответить. У него самого было восемь детей, и каждому из них он был рад.

– Возможно, но за последствия я не ручаюсь. Вы уже рожали? Если избавитесь от этого ребенка, детей, возможно, больше не будет!

– Вы что? Элеонора, ты в своем уме? Я буду рожать!

Доктор, услышав несокрушимую уверенность в голосе этой необычайно привлекательной пациентки, про себя улыбнулся.

Уходя, знал: что бы ни сказала сейчас эта вульгарная дама, девушку ей не переубедить. И слава Богу!

— Екатерина Андреевна, вы себя слышите? Ты, мать, без мужа, без денег и с испытательным сроком на службе, с которой тебя попросят, как только узнают о беременности. А еще у тебя уже есть сын. Забыла?

— Никогда не забуду!

— Тогда в чем дело?

Катя молчала. Как объяснить, что ребенок от любимого человека есть то счастье, о котором только и стоит мечтать? В молчании проснулось сомнение. А ведь и то, что перечислила Элеонора, со счетов не сбросишь. Но Катя знала, что все равно победит себя сомневающуюся. Надо с Гришей встретиться, поделиться радостью, пришла ей в голову мысль.

Один Бог догадывается, как тяжело было добиться этой встречи! Когда Катерина увидела любимого, то пришла в ужас. Глаз почти не видно из-за кровоподтеков, на голове необработанная рана, разбитые губы, которые пусть с заметным усилением, но счастливо улыбались при виде Кати.

— Гришенька, милый мой, что они с тобой сделали?

Он так много хотел сказать ей. Так многое услышать. Но, вопреки всему, они просто сидели и, несмотря на правило, запрещающее прикасаться к арестанту, их руки тянулись друг к другу. Какая она у него красивая! Так сильно повзрослевшая и оттого еще более желанная и прекрасная. Ей бы там, наверху, с господами, а не здесь, в этом мраке среди сломленных людей.

— Не отреклась! — это все что он прошептал.

Это мысль позволит ему держаться. Долго ли? Товарищи обещали помочь. Но он все еще здесь, терпит побои и унижения. И только Катя, его солнышко...

— Гриша? Ты меня слышишь? У нас будет ребенок!

До него не сразу дошло. Он кивнул, продолжая улыбаться. И лишь минуту спустя уловил смысл ее слов.

— Ребенок?

Никогда он так яростно не ненавидел эти застенки с их правилами и обвинениями. Он должен быть сейчас рядом с ней!

Ведь он видит, как ей тяжело. А ребенок? Это счастье, узнает ли он его?

– Свидание окончено! Барышня, прощайтесь.

Катя не думала, что такие важные минуты пролетят так быстро. Она хотела броситься Грише на шею, но охранник мягко ее удержал. Совсем молодой, с редкой растительностью на лице, такой миловидный. Что он делает на этой службе?

– Прощайтесь!

Слезы побежали по Гришиному лицу. Катя, та уже давно рыдала. Слова были не нужны, они научились обходиться без них.

– Люблю! – шептали его глаза.

– Люблю! – отвечали ее.

...Катерина, под каким бы впечатлением она ни находилась, не забывала об опасности встретить офицера Якова Алексеевича. Не попасться ему на глаза – это было условие Элеоноры, при котором она согласилась просить начальника тюрьмы о снисхождении.

Начальник этот не отказал, а с радостью согласился выполнить ее просьбу. Правда, услышав фамилию человека, который ее интересует, приуныл. Знал, что за него еще раньше просил подчиненный, Яшка Фаворит. Так бы Григорий Авдеев давно был на свободе. Ведь ничего, кроме симпатии к революционным идеям, за ним не числилось. Конечно, не просто так, но отпустили бы.

Но Яшка... Ох, угораздило же. Видел он причину его терзаний. Роковая дама! И что же, на той Екатерине Андреевне свет клином сошелся? Но задним умом престарелый ловелас прекрасно понимал: есть женщины, за которых стоило не то что бороться – умирать.

«Отпускать пока не будем, а встречу разрешим!» – быстрым росчерком пера подписал приказ. Бог с ним, с офицером, успеет еще поквитаться с соперником.

Из окна второго этажа Яков хитро следил за бегущей по заснеженной улице Катериной. Значит, добилась-таки свидания с любимым, бестия? Сняв украшающий стену книжал, он в бешенстве воткнул клинок в столешницу.

Он с ума сходил по ней! Весь принадлежал только ей! А она

бегала к этому ничтожеству. Ну что ж! Не знаете, Екатерина Андреевна, как видно, вы влюбленных мужчин! Он устранил все преграды и завоюет это самое холодное сердце на земле...

– И вот еще! Среди наших учеников, и ваших с этой минуты тоже, есть племянник самого Его Величества (на самом деле племяннику было три года и его только собирались отдать в этот лицей). Поэтому помните: строгость строгостью, но в меру.

Даниил Афанасьевич давал последние наставления новоявленной преподавательнице. А у Кати, так тяжело переносившей беременность, мысли были только о сне. Она лишь делала вид, что внимательно слушает. Тербя тесьму на платье, боролась с накатывающейся тошнотой.

– Ну, давай, Катюша. С Богом!

Первый урок прошел вполне прилично. Так, по крайней мере, заявил сам директор. Он во время занятия взволнованно расхаживал за дверью, ловя каждое слово преподавательницы. Ему даже подумалось, что не так и неудачна была мысль взять эту барышню на работу. Умница, знает предмет, а какая красавица! А то, что молодая, так этот недостаток скоро проходящий. А еще мелькнула мысль, что с Элеоноры, которая здесь Елена Викторовна, можно потребовать дополнительный часик любви...

Катя, знакомясь с другими преподавателями, мило улыбалась и все сильнее чувствовала головокружение. Она бы давно с удовольствием ушла. Вот только директор, крепко держа под локоть, водил ее по зале и, расхваливая на разные лады, представлял. Конечно, она не могла взять в толк, что Даниил Афанасьевич преследует свои цели. А тот, заручаясь поддержкой подчиненных, надеялся избежать вопросов, связанных с возрастом и степенью подготовки нового преподавателя.

– Екатерина Андреевна, позвольте вам представить Ксаверия Дмитриевича. Наш прославленный доктор медицины, преподаст биологию. Ксаверий Дмитриевич, это наш новый преподаватель английского языка. Прекрасно знает предмет!

Катя, и без того бледная, почувствовала, как кровь совсем отхлынула от лица. Перед ней стоял врач, осматривавший ее

после внезапного приступа у Элеоноры. Сглотнув комок в горле, она приняла учтивый вид и протянула ему руку. Тот, такой же бледный, поклонившись, приложился к тонкому запястью, кожа на котором была неожиданно грубой.

Улучив минутку, Ксаверий Дмитриевич подошел к Екатерине.

– Не думал, что встречу с вами здесь! – без тени насмешки устало заметил он.

Катя, которая уже приготовила пару ответных колкостей, пресмирела.

– И правда неожиданная встреча.

– Екатерина Андреевна, я понимаю, что не имею права вас просить, но все же. Не говорите никому, где и как я подрабатываю в свободное время. У меня восемь детей, и всех их надо кормить.

– Конечно-конечно. Думаю, что и сама могу рассчитывать на ваше молчание?

Не хватало крепкого рукопожатия, но в столь благонаправном обществе это было бы неуместно. Катя поразилась перемене в себе. Наверное, еще несколько лет назад она бы умерла со стыда, окажись в подобном положении. А сейчас даже шутить изволила!

Преподаватель биологии от пережитого волнения тоже развеселился, что случалось с ним не часто. Он проговорился о том, как однажды почти столкнулся с Даниилом Афанасьевичем в заведении Элеоноры.

– Представьте, был вынужден сидеть под столом и слушать его староромантические ухаживания. Он почти начал петь серенады. А девушка, не понимая итальянского, подпевала на манер исконно русских частушек. Подумать только! Могли бы вы представить его в публичном доме?

– Никогда. Я и сейчас в себя прийти не могу от удивления. Все-таки мне кажется, вы приукрашиваете...

ГЛАВА 10

Проходили дни, за ними месяцы. Жизнь неслась вперед семимильными шагами. Все громче говорили о революции, о смятении царя, и только Гриша, по-прежнему сидящий в тюрьме, оставался в прежнем положении. Теперь у Кати даже не было шансов прорваться к любимому. Рос Илья. Свою беременность ей пока удавалось скрывать. Тем более корсет вышел из моды, а с завышенной талией это было не так трудно.

Обучение детей происходило по составленной самой Катериной методике. Для директора и контролирующих лиц чиновников она преподавала по привычной схеме, с учениками же установила другие порядки. Упор делался на общение. Обсуждали почти любые вопросы. И, наверное, именно в этих беседах Катя поняла, как переменилось все вокруг. В стенах лицея она почти не замечала изменений за окном, но страх в голосах отпрысков аристократии открыл ей глаза на действительность.

– Леди Катрин, разрешите высказаться?

Мальчик – один из наследников знаменитого аристократического рода – рассуждал о дальнейшей судьбе России. За такие мысли, если бы узнали, Катерину точно выгнали б со службы. В лучшем случае. Но у нее с учениками существовала договоренность: все происходящее на уроке остается тайной. Катя сначала не вслушивалась, машинально исправляя произношение, но повышенное внимание в классе к говорящему привлекло и ее.

После звонка с урока она еще долго не приходила в себя. Если детям понятно, что назревает что-то катастрофическое, как же это до сих пор было не заметно ей?

Гром грянул. Восстание. Сорванные уроки. Но все это не волнует Катю. У нее начались схватки.

Крики учеников. Топот бегущих ног. Падающая мебель. Катя этого не слышит. Рядом с ней нет никого.

– Екатерина Андреевна, вы почему еще здесь? – спешащий

Ксаверий Дмитриевич удивленно уставился на распластавшуюся в кресле женщину.

– Помогите мне, пожалуйста. Я рожаю.

– Вы не можете! Рабочие объявили восстание. Разграблен склад с оружием. По нашей улице идут войска. Всем надо скрыться где-нибудь! За детьми приезжают кареты!

– Вы меня слышите? Я рожаю!!! – Она старалась не терять присутствия духа, но понемногу страх овладевал ею.

– Катя, простите, но я не могу. У меня дети. Восемь...

– Пошли вы к черту со всеми своими детьми!

– Ну, знаете...

– А-а-а-а!

Схватки участились. Катя безропотно приняла то, что с этим ей придется справляться самой. Доктор – будь он ниладен – сбежал. К детям. Господи, а что с Ильей? Заставив себя сползти с кресла, часто-часто дыша, Катя, с трудом передвигая ноги, вышла из кабинета. Взору ее предстала удручающая картина. Разбитый бюст известного ученого, опрокинутые вазы с цветами – и мертвая тишина. А через минуту, как по сигналу, сквозь разбитые окна донеслись крики и выстрелы. Она старалась не обращать на это внимания, боясь совсем лишиться сил. Катерина поставила перед собой задачу – любой ценой дойти до своей спальни. Просто, как арифметика в младших классах. Предмет, который она в свое время терпеть не могла.

Останавливаться приходилось через каждые полметра. Она почти сдалась, но, услышав детский плач, стиснув зубы, пошла на крик. Илья, увидев Катю, почти сразу успокоился.

– Молодец, мой мальчик, молодец!

Не переставая хвалить сына, она, одной рукой держась за комод, другой разбрасывала тряпки. Катя настойчиво отгоняла мысль, что придется самой у себя принять роды. Как кошка – пришло в голову сравнение с любимницей няни Муркой.

– Катя? Екатерина Андреевна? Неужели началось?

Перед женщиной оказался беззаветно влюбленный Яков. Он подлетел к ней и донес до кровати.

– Что мне делать?

– Уйти!

– Только не это. Я без памяти вас люблю и готов на все! Только прикажите!

Катя, изнывая от волнами накатывающейся боли, слушать не могла эти опостылевшие признания. Слова. Пустые, ничего не значащие, жалкие слова. Как же все надоело! Илья с интересом смотрел на происходящее. Катя расставила ноги, готовясь произвести на свет нового человека.

– Катя, скажи что-нибудь. Я тебя умоляю!

– Пошел прочь!

Офицер с глазами замученного до смерти человека отвернулся. Заплакал. Катя не видела этих слез. Она чувствовала, как ее сын стремится увидеть мир. В комнату влетела, обезумев от ревности, Элеонора. Она с ненавистью смотрела на терявшую сознание Катерину. Она могла ей помочь. Не раз сама принимала роды. Но если не поможет, та умрет. А вместе с ней умрет и любовь, разгоревшаяся в сердце Якова.

Катерина сквозь туман перед глазами смотрела на Элеонору. Она понимала ее. Не желая видеть приговор на лице женщины, отвернулась, чтобы перед смертью видеть Илью.

Яков впервые за всю жизнь кого-то умолял.

Он тысячу раз проклинал тот день, когда встретил Катю. Сознание того, что никогда не сможет завоевать это гордое сердце, прожгло его душу. Она принадлежит другому, и этот другой не он. Но прошло время, и ему стало достаточно знать, что она просто есть. А если сейчас он позволит ей умереть, то это станет концом и его жизни.

Роковая встреча. Роковая женщина. Он и думать не мог, что настанет день, когда его любовь отвергнут.

Она не представляла, что он был на все готов ради одного ее взгляда, слова, жеста.

Она знать его не хотела.

Она гнала его.

А он, упав на колени, подполз к Элеоноре и, хватая ее руки, умолял спасти лежавшую в беспамятстве Катерину.

– Обещаю, только ты! Только ты! Спаси ее...

Елена Викторовна, закатав рукава, старательно вымывала

невидимую грязь под ногтями. В голове ни одной мысли – бес-
проглядный туман. Отчужденно стерла скупую слезу. Подошла
к Екатерине. Разрезала ее платье. Приготовилась.

Это был конец всему. Все надежды – как карточный домик.
Прахом мечты...

Теперь он никогда не станет ее. Пообещав, не уйдет, но воз-
ненавидит до конца своих дней. А она никогда не полюбит дру-
гого. Пусть в ненависти, но с ним...

Мальчик, которого позже нарекли Яковом, появился под
грохот ожесточенных боев на улицах города. Сводный брат
встретил его рождение громким плачем, а Катя, ни живая ни
мертвая, услышав сквозь крик своего сына, счастливо улыбну-
лась и крепко заснула...

Екатерина Андреевна уютно устроилась в кресле и читала га-
зету. Она устала быть вне происходивших в мире событий. «3
июня сего (1907) года царь подписал манифест о роспуске Думы
и об изменении избирательного закона». Женщина мало что по-
няла из статьи, но суть уловила, это означало конец революции.

Она подошла к зеркалу и грустно рассматривала первые
морщины на лице. Перед ней калейдоскопом проносились со-
бытия последних лет. После того как родился сын, Элеонора
исчезла из ее жизни. Катя спала, когда разрешившуюся от бре-
мени учительницу обнаружила одна из горничных. Девушка
перепугалась, увидев столько крови, а потом до нее дошло,
что здесь произошло. Не задавая лишних вопросов, она помог-
ла Кате убраться. Было неловко. Девушка, стараясь это скрыть,
спросила, знает ли Екатерина Андреевна, что Ксаверий Дми-
триевич был застрелен у входа.

– Какой ужас! Бедные его дети!

– О чем вы? У него нет детей, да и жены никогда не было.
Вы знаете, мне всегда казалось, что он слегка того...

Следующее, что она помнила, был вызов к директору. Ее об-
виняли в свободомыслии и распространении среди детей рево-
люционных взглядов. Сначала Катя оправдывалась, говорила,
что всего лишь старалась вести интересные уроки. Никто не
слушал. Усталый Даниил Афанасьевич прошептал, что надо
радоваться, что ее не сдали охранке.

– Да, вы правы. Я рада. Могу быть свободна?

– К вечеру будьте любезны освободить комнату. Приедет новый преподаватель. Всего доброго.

– Всего доброго.

Она вышла и тихонько прикрыла за собой дверь. У нее были небольшие сбережения, которых хватило, чтобы снять приличную квартиру. Катерина снова была один на один с жизнью.

К счастью, на этот раз мериться силами не пришлось. Работа нашла ее сама. К ней обратилась за помощью родительница бывшего ученика. В тот день, увидев в окно роскошный экипаж около ворот, она и подумать не могла, что это к ней. Еще больше она удивилась уже не молодой, закутанной в меха даме на пороге своей квартиры.

– Добрый день, прошу прощения за вторжение. Вы Павлова Екатерина Андреевна? – пристально рассматривая ее лицо, поинтересовалась женщина.

Катя внутренне подобралась. Как бы она ни жила последние годы, благородное воспитание всегда было при ней.

– Да, это я. Добрый день! С кем имею честь?

– Меня зовут Виктория Олеговна Зуева.

Все стало ясно, когда из-за спины женщины появился тринадцатилетний мальчик. Он, смущенно переминаясь с ноги на ногу, поздоровался и, отчаянно краснея, напомнил, кто он. Князь Зуев-младший.

– Я помню, Артем. Рада тебя видеть!

Лицей, в котором еще вчера преподавала Катерина, больше не устраивал княгиню. Посоветовавшись с супругом, она решила, что стоит перевести мальчика на домашнее обучение. Виктория Олеговна волновалась, что Артем будет сопротивляться, но мальчик согласился с условием, что его преподавателем будет именно Екатерина Андреевна.

– Это правда, что вы владеете французским языком так же как и английским, занимались живописью и изучали историю?

– В свое время да!

– Готовы ли вы за приличное жалование учить моего сына?

– Мне очень симпатичен ваш сын, но я не думаю, что стану для него достойным учителем.

– Прекрасно, вы нам подходите!

Артем оказался способным учеником, с живым умом, интересующимся многими вещами. Он подружился с Ильей. Катя получала хорошую плату за свой труд. Все было хорошо. Осталось только дожидаться любимого. Григория.

Однажды, прогуливаясь по набережной, она случайно встретилась с Яковом. Он изменился. Бесследно исчезли его ухарство, бравада. Без них он стал заурядным. Говорить было не о чем. Катя хотела спросить про Элеонору, но постеснялась. А, наверное, надо было.

– Катерина Андреевна, я виноват перед вами. И перед Григорием.

– Я вас не понимаю.

– Это долгая и не красящая меня история. Вам достаточно знать то, что я искуплю свою вину. И первый мой шаг – добиться освобождения вашего мужа.

Он не договорил, убежал. Любовь к этой женщине не отпускала его все эти годы. Как бы он ни старался забыть Катерину, ее образ всегда был перед глазами. Элеонора, конечно, чувствовала сначала его отчужденность, потом ненависть. Все это было и раньше, но время от времени проскальзывали слова ласки, жесты нежности, а сейчас наступила непроглядная тоска. Вчера Яков объявил, что уходит в монастырь.

Элеонора издевательски рассмеялась ему в лицо. Не поверила. Была уверена, что появилась другая женщина. Но он вполне серьезно говорил, что только когда примет постриг, его уставшая душа найдет покой. Каков актер! Он вышел, она по привычке последовала за ним. И убедилась в его лжи. А когда узнала ту, с кем он беседовал, сдерживаемая лютой ненависть вырвалась наружу. Приказав себе успокоиться, она на всякий случай решила убедиться, что не ошиблась, что глаза не подвели, не обманули.

...Следующая встреча с Яковом была подстроена. Катя намеренно подстерегла его и, пока ждала, услышала, что он уходит со службы.

– А куда? – любопытствовала она у разговорчивого охранника.

– Не поверите, в монастырь!

Конечно не поверит. Смеется этот мальчишка над ней, что ли? Что общего у высокомерного офицера и смиренного инокса? Да, он изменился, все мы на месте не стоим. Но таких поворотов быть не может!

– Яков?

Мужчина оглянулся, и на мгновение его отрешенное лицо озарила радость. Когда его губы произнесли следующее слова, Кате казалось, что земля уходит из-под ног.

– Завтра его освободят. Приходите к полудню и встречайте... любимого.

Не помня себя от счастья, Катерина бросилась ему на шею и на долю секунду прикоснулась к нему губами. Правда, тут же отбежала и закружилась в приступе веселья. А Яков держал пальцы у губ, желая одного, чтобы это прикосновение осталось запечатлено на них навечно. Катя уже забыла о нем. Весь мир простила и целовать была готова всех, кто встречался на пути! И, продолжая счастливо улыбаться, бежала в свой флигель на территории дворца Зуевых.

Элеонора обессиленно сползла по стене дома, за которым наблюдала за ними. До нее долетели последние слова Якова. И, резко поднявшись, она решила: дальше так нельзя! Завтра все будет расставлено по местам. Завтра...

Катерина поправила случайно выбившиеся локоны. Пара шпилек, черепашковый гребень и счастливая улыбка отражению. Морщины – следы прошедших испытаний. Нет, она не будет их прятать, она будет ими гордиться.

– Мама, ты на долго?

– Я встречу папу и приду, – сев на корточки перед сыном, она крепко его обняла и поцеловала.

Катерина очень хорошо понимала его нетерпение и детское возбуждение. Сжав выкупленный крестик, она неистово благодарила Господа. Столько времени прошло!

Прекрасная женщина вызывала восхищение прохожих. Словно лебедь, она летела навстречу своей любви.

Григорий вышел из-за ворот и зажмурился от яркого света. Позади него шел Яков и беспрестанно просил не держать на

него зла. Но Грише было не до него. В лучах высоко стоящего над головой солнца мужчина видел силуэт своей Катерины. Взярошнив волосы, он, прихрамывая, побежал. Сжав ее в объятиях, винтывал забытый запах любимой женщины. Теперь они точно не расстанутся. Теперь, пережив так много горя, они знают, что их любовь навсегда!

Туча накрыла солнце, и все предметы приняли четкие формы. Григорий с недоумением увидел за спиной Кати женщину, целившуюся в ее спину.

Ударил колокол. В небо взвилась стая птиц.

Он не видел, но почувствовал, что женщина нажала на курок.

Катерина в объятиях Григория счастливым взором смотрела в небо. Свершилось! Наконец!

Она не сразу поняла, что происходит. Гриша резко развернулся и еще сильнее сжал ее. Какой-то толчок! Горькое, из глубин памяти воскресшее ощущение непоправимости! Случайный взгляд на женщину, в которой узнала Элеонору, падающий Гриша, бегущие люди...

— Нет! Не-е-е-ет!

Катя не заметила, как Элеонора была повалена на землю. Не заметила, как вокруг пытались помочь, что-то говорили. Единственное, что она понимала, — ее снова разлучают с Григорием. Зарывав, она ударила старавшегося докричаться до нее мужчину.

Она чувствовала, что ОН умирает. Что ОНА умирает. Катерина гладила его ладони, зажимала рану и умоляла не уходить. Над головой кружил черный ворон.

— Я люблю тебя! — последнее признание и застывшая на губах улыбка...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Париж. Наши дни

Глава 1

Я долго не мог сообразить, где нахожусь. Кругом так светло, чисто, тихо. Неужели, вопреки страхам, все-таки рай?

– И не мечтай!

Кейт отложила книгу и подошла к кровати. Она радостно улыбалась, что, впрочем, не скрывало ее тревоги.

– Все так плохо?

– Гораздо лучше, чем ты можешь представить!

– Почему тогда такое лицо?

Кейт не успела ответить. В палату вошел очаровательный толстячок и весело залепетал что-то по-французски. Видимо, вспомнив, что имеет дело с иностранцами, перешел на английский.

– Ваши анализы прекрасны! – приятно картавя, заявил он.

– Нет никаких поводов для беспокойства. Конечно, не следовало так перенапрягаться, но, увы, это жизнь, и я понимаю, что работа...

– Постойте. А как же рак?!

– Простите? – хмурясь и внимательно всматриваясь в мое лицо, переспросил француз.

– Рак желудка. Я ведь должен умереть! – тон получился чуть ли не оскорбленный.

– Кажется, вам надо пройти еще одно обследование. Мы поспешили с выводами.

– Доктор, дело в том, что Алексу у нас дома поставили диагноз...

Когда вся история была рассказана, толстячок был на грани сердечного приступа. Сначала он молчал, потом в порыве возмущения ожесточенно жестикулировал.

– Это же кощунство! Да за такие вещи лишают практики! Как же так? Но, – он поморщился и твердо продолжил, – да нет, я уверен, у вас нет никакого рака! Конечно, вы не совершенно здоровы, но, повторяю, это только признаки гастрита. Непри-

ятно, но никак не смертельно. В вашем случае так точно. Если не запустите, конечно. Вы должны подать на того врача в суд! Как говорите, его фамилия?

...Доктор, отдав анализы на повторное исследование, сел за компьютер. Через пятнадцать минут его бледное лицо появилось из-за экрана. Дрожащими руками он протянул мне фотографию моего лечащего врача.

— Его нашли с проломленной головой в парке, недалеко от места работы. Наверное, в суд подавать нет смысла...

Убедившись, что моему здоровью ничего не угрожает, мы с Кейт попрощались с растерявшимся французом.

— И что теперь?

— Первое, надо позвонить домой. Второе, сдать билеты и заказать новые.

— Я все это уже сделала.

— Какая ты у меня умница! — Я, подавшись порыву, поцеловал ее.

— Ого! Но я ведь заслужила...

В самолете каждый размышлял о своем. Точнее, в размышления погружился я, после того как Кейт вежливо, но твердо попросила не мешать ей читать. Я убедился, что от книги ее не оторвать и только спросил, про что она. «Про любовь, ненависть, деньги. Про те вещи, на которых зиждется наша жизнь». Мне почти удалось начать беседу, но она, бросив в мою сторону суровый взгляд, погрузилась в перипетии тяжелой женской судьбы.

А я задумался над тем, как обернулось все в моей собственной жизни. Оказывается, после того как настойчиво приучаешь себя к мысли, что умрешь, убедиться в обратном сложно. Может, воспаленное сознание так сильно хочет жить, что выдумывает подобные фантазии? А может, усталому мозгу нравится чувствовать себя жертвой, и он с удовольствием повинуется злой судьбе?

Я незаметно куснул ладонь. Больно. И следы зубов вполне реальные. Значит, все-таки правда. А что за настроение? Расстройство? Нет, просто... Как теперь жить дальше? С работы ушел, деньги потратил. Начинать жизнь с чистого листа в мои годы было непривычно. Готов ли?

Казалось, светлый взгляд на будущее выигрывал битву в моем сознании. Правда, было что-то неуловимое, тянувшее как якорь на дно. Ощущение незаконченности. И я не был рад повороту событий...

Из аэропорта поехали в больницу. Решили убедиться, что доктор Смит на самом деле стал жертвой нападения. Кейт сказала, что едет со мной. Твердо сказала, правда, не показывая лица из-за книги. Проку от нее было чуть!

В больнице меня ждала удивительная новость, которая даже Кейт отвлекла на какое-то время. Доктор Смит не умер. Он лежит в коме, и врачи не дают утешительных прогнозов. Это, наверное, должно было вызвать во мне сострадание?

— А вы ему кто? — спохватилась медсестра за стойкой.

— Благодарные пациенты!

— О! Вот что значит хороший врач! Я думаю, вы должны выразить слова сочувствия его жене. Бедняжке будет приятна ваша поддержка!

Не понимая зачем, я решил последовать совету медсестры. Кейт краем глаза следила из-за книги за передвижением моей тени и шла следом. Я остановился около единственного человека на этаже. Женщина, невысокая, просто одетая, без макияжа, светящаяся каким-то внутренним теплом и силой веры. Нас пока она не замечала.

— Добрый день. Вы миссис Смит?

Женщина спокойно посмотрела в мои глаза, словно оценивая чувства, с которыми я к ней пришел.

— Он заслужил это. Но, Алекс, будьте сильнее! Ненависть ни к чему хорошему не приводит!

— Разве мы знакомы?

— Я расскажу, что знаю, но помните: сердце нам дано, чтобы любить.

Месяц назад муж Джессики пришел домой необычайно радостный. Это было ему несвойственно. Они часто ссорились в последнее время, с работы он возвращался поздно и всегда злой. А сейчас прямо лучился и даже поцеловал жену, зайдя в комнату. Конечно, ее радовало приподнятое настроение мужа и хотелось знать причину. Кто мог подумать, что

его ответ станет последней каплей в чаше их несчастливого супружества?

В тот день к нему в кабинет вошла девушка. Не называя имени, положила перед ним пухлый пакет. Заглянув в него, он увидел пачку долларов.

– 10 тысяч, – с непонятным акцентом, произнесла посетительница.

– За что?

За убийство. Это если в двух словах. На самом же деле за пошаговый план сведения человека в могилу. Человеком этим был его пациент – Алекс Пауэлл. Задача доктора – поставить страшный диагноз. И на протяжении определенного времени усиленно об этом напоминать. Суть в том, чтобы довести пациента до состояния, в котором он добровольно, не вызывая ничьих подозрений, совершит самоубийство. В качестве повода был предложен рак желудка последней стадии.

– Муж не понимал, какой грех берет на душу! Я ни в коем случае его не защищаю, но у каждого есть мечта. Он хотел свою лабораторию, думал заняться разработкой лекарств от смертельных болезней, желал получить признание, славу. И таким образом реализоваться, оправдать свое пребывание на земле. Но годы шли, открыть что-либо не получалось, а хотелось все сильнее. Он хотел спасать жизни!

– За счет мой. Продолжайте.

– Конечно, он понимал, что ни его сбережений, ни этого гонорара не хватит для открытия лаборатории. Тогда он решился на шантаж. Я его отговаривала, но все было бесполезно. Муж ушел, чтобы больше не вернуться. Сердце подсказывало мне, – вы найдете нас. Это те 10 000. Возьмите их.

От протянутого пакета я отшатнулся, как от руки прокаженного. Оценили. 42 года жизни стоимостью несколько тысяч. Развернувшись, побежал. Хотелось одного – исчезнуть. Кейт легко меня догнала.

– Алекс, успокойся! Она рассказала. Ты выслушал. Выводы сделаешь после того, как остынешь.

Дома новость о моем выздоровлении произвела шумный восторг. Мама победно вскинула голову и всем видом произ-

вела показать, что она всегда права. Мне, конечно, сделалось от этого совсем легко. Чувство, что меня без конца окунают в ледяную воду. Вот я почти задохнулся. Последние отчаянные рывки. Агония. И тут мне дают вздохнуть живительный кислород. Хорошо, что со мной была Кейт. Без нее я бы не справился. Она долго рассказывала о Париже, дарила сувениры, сопровождая все это шутками, от которых даже мне делалось веселее.

Я старался ни о чем не думать. Наблюдал за женщинами. Кейт и Джейн увлеченно обсуждали французскую моду, косметику, актрис. Мама, ими не замеченная, тихонько отошла в сторону. Она увидела, лежащую книгу и принялась ее листать. В свое время отец, непризнанный писатель, произведения которого сейчас лежали спрятанные в коробках, сам страстный читатель, привил любовь к чтению всей семье. Он таким образом восполнял недостатки своего образования. Наша библиотека заслуженно вызывала зависть. Но я никогда не замечал, чтобы Джулия увлекалась современными авторами. Может, действительно, интересная книга? Раз поклонница Твена, Фицджеральда, Хемингуэя с таким интересом погрузилась в чтение?

Мысли переключились на свой личный детектив. За что? Кому я успел перейти дорогу? Женщина. Конечно, до Кейт у меня случались встречи, были и два серьезных, но ни к чему не приведших романа. Насколько мне известно, бывшие возлюбленные давно обзавелись семьями, детьми и никаких обид на Алекса Пауэлла не имеют. Николь? Даже если вставить в эту историю фантастический мотив, я не представляю, чтобы эта женщина потратила на меня такие деньги. Мама. Джейн – бред! Я с любовью посмотрел в тот угол, где сидели девушки. Встретился с встревоженным взглядом Кейт. Внутри словно что-то перевернулось. Нет! Быть не может. Только благодаря ее поддержке я еще здесь. Ведь я на самом деле хотел добровольно уйти из жизни. Остановила. Это не могла быть она! Неудержимый страх проникал в каждую клеточку. По венам побежало серое подозрение. Хотелось закричать, но я даже не мог пошевелиться.

– Алекс? – Кейт. Я смотрел на нее, словно впервые увидел.

– Очнись!

– Что? Извини, задумался.

– О чем?

Молчание.

В детстве, я любил смотреть фильмы о путешествии во времени. Особенно нравилось, как приспособляются люди из прошлого к современной жизни. Кто мог подумать, что сам стану таким персонажем. Я не знал этой жизни. Мой личный календарь закончился и, перечеркнутый, лежал в закоулках Вселенной. Здесь меня не существовало. И все, на что я был способен, – гнусные подозрения.

Вот о чем я думал.

– Алекс, выкини все из головы и ложись спать. А завтра начинай новую жизнь!

Кейт ушла. Джейн, расставив по полкам сувениры, собиралась на работу в ресторан. А мама все еще сидела в напряженной позе и неотрывно следила за сюжетом.

– Я рада, что все так обернулось!

Сестра. Почему они все ведут себя, словно знали, что так будет? Все прочитали сценарий, а потом посмотрели фильм?

– Угу. Я тоже.

Сон, который еще минуту назад был, исчез. Мысли кружились в диком танце и не дарили успокоения. Сквозь этот хоровод усиленно пробивалась одна, по-настоящему важная. Убедившись, что уснуть мне не удастся, я встал и принялся разбирать одиноко стоявший у входа чемодан.

С завтрашнего утра надо решать, как жить дальше. Где искать работу? Наверное, обратно в банк меня не возьмут: больно запоминающимся получился уход. Стоит ли пробовать? Обдумывая все это, я машинально раскладывал вещи, пересчитывал оставшиеся банкноты, пересматривал пачку визиток, в большом количестве собранных за последнее время.

Одна из них невольно привлекла внимание. Смотря на нее, я понял, что именно пыталась донести до меня единственная ценная мысль в голове. «Возьми, эта визитка моего знакомого врача...» Слова Кевина вспомнились, словно тот разговор произошел сегодня утром. Он так настаивал на посещении

именно этого врача. Давил на то, что он его знакомый, хороший специалист. Что это? Совпадение или желание сжить меня со свету?

Я почувствовал, что, если сейчас не выпью чего-нибудь, моя голова взорвется. Из Парижа мы привезли бутылку хорошего красного вина. Хотелось бы ее оставить до более приятного повода, но нет. Откупорив бутылку, я, предвкушая удовольствие, наблюдал, как рубиновая жидкость льется в бокал. В эту минуту в комнату вошла мама. Вернее, влетела. Горящие глаза, яркий румянец и прочитанная книга в руках. Увидев бокал с вином, она взяла его и залпом выпила.

– Что такое?

Вино оказалось крепким, и от неожиданности она закашлялась. Стараясь справиться с приступом, Джулия хлопала глазами и размахивала передо мной книгой. Наконец, пришла в себя и хриплым от возбуждения голосом произнесла:

– Это замечательная книга. Замечательная! Но это плагиат! Сюжет почти полностью списан у твоего отца.

...Когда Джулия первый раз встретила моего папу, он не произвел на нее должного впечатления. Намного старше, внушительный, серьезный джентльмен. В компании он всегда сидел в стороне, ни во что не вмешивался и предпочитал внимательно следить за происходящим. Беспечная Джулия, жившая только чувствами, такого поведения не принимала. А отцу она понравилась. С первого взгляда он понял, что именно эта женщина нужна ему.

Отец только казался закрытым, серьезным и без чувства юмора. Все это в нем было глубоко в душе. Просто не было еще женщины, ради которой он бы вел себя иначе. Была одна – моя мама, – но ее так скоро не стало. Шли годы, и вот уже на закате жизни появилась Джулия.

– Для себя он решил во что бы то ни стало завоевать меня! Алекс, как он красиво ухаживал...

Очень быстро она увидела в нем не нудного старика, а обаятельного, сильного и надежного мужчину. Опору, так необходимую ей, блуждающей без цели по жизни. А узнав к тому же, что он пишет, пусть «в стол», она окончательно уверилась в

правильности своего выбора. Джулия преклонялась перед талантливыми людьми.

– Сколько раз я упрасивала отнести рукописи в редакцию, но он упрямо отказывался. Это была единственная причина, по которой мы с ним ссорились. А они, эти рукописи, ведь того стоили!

– Он никогда не давал мне их читать! А после его смерти я так не решился перешагнуть через запрет. О чем они?

– О судьбе его семьи. И все, что написано здесь, – она швырнула книгу на стол, опасно задев при этом снова наполненный бокал, – почти слово в слово повторяет сюжет его романов.

– И что ты взъерошилась? Бывает так. Обидно, но идеи приходят нескольким людям.

– Нет, так не бывает! Не в этом случае!

Джулия еще сильнее раскраснелась, видно было ее настоящему взволновал наш разговор. Я, вспомнив о сердце матери, счел нужным во всем с ней соглашаться. Она тут же почувствовала подвох и разозлилась.

– Не смей себя так со мной вести! Алекс, это плагиат! Понимаешь? Не может быть, чтоб вот эта, – она ткнула пальцем в имя автора на обложке, – знала о семье твоего отца больше, чем он сам!

Выпив еще один бокал, она в бешенстве выскочила из комнаты. Час ночи. Сна ни в одном глазу. Поняв, что с вином сегодня не получится, я убрал бутылку. Снова вошла Джулия. Уже совсем спокойная, теплая, уютная.

– Можно я сегодня буду спать здесь?

– Спрашиваешь...

– Алекс? Сынок, скажи, ты же хочешь жить? Правда? Ты счастлив, что твой диагноз, слава Богу, ошибка? Мои подозрения – это старческий маразм. Ведь так? Ответь, сыночек...

Джулия не отдавала себе отчета в том, что говорит во сне. Задаст такие правильные вопросы. Делится такими верными подозрениями. Я грустно улыбнулся...

Со вздохом придвинув книгу, включил дополнительный свет и принялся за чтение. Четыре часа прошли незаметно. Я ни разу не пожалел, что лишил себя ночного отдыха ради того, чтобы прочесть этот роман.

За окном было темно, в стекле окна отражалось мое осунувшееся лицо. Наверное, пора решиться. Стараясь не шуметь, я выгашил из шкафа коробку с записями отца. Пожелтевшие от времени листы, минимум исправлений, исписанная историей бумага.

То, что я прочитал, оставило глубокое впечатление. Семейная сага. Харизматичные герои, смелые решения, выходы из самых безнадежных положений. Сюжет, автор которого жизнь!

И вот на столе передо мной книга и рукопись, содержание которых как две капли похожи друг на друга. Но чувствовалась и разница. Оторваться от повествования отца было невозможно. В каждом слове чувствовалось, что автор пережил описанное.

Выпив чашку крепкого кофе, я спрятал рукопись в портфель и отправился выяснять вопрос, который для меня был не менее важным.

Кевин бежал на работу, на ходу стараясь попасть рукой в рукав пальто. Он жил в нескольких минутах ходьбы от банка и все равно умудрялся опаздывать. На мой оклик он лишь чуть сбавил скорость. Даже не поздоровался.

— Некогда. Опаздываю. Что тебе нужно?

— Ты.

— Дождись обеда, если помнишь что это такое!

Сидя в кафе напротив, пил кофе и читал, изредка отслеживая бег часовой стрелки. Когда пропичало напоминание, я бросил взгляд на вход в банк. Кевин, обмениваясь колкостями с Лили, бежал через дорогу.

Машина, за рулем которой сидела девушка в огромных очках, взвизгнув колесами, исчезла за поворотом, а Кевин в луже собственной крови остался лежать на земле.

Снова больница. Вот уже, час, как Кевина без признаков жизни увезли на операцию. Лили поехала со мной. Странно, что Николь отпустила. Правда, говорят: ее хотят уволить, но она отчаянно борется за кресло. Привлекая на свою сторону подчиненных, Николь стала с ними намного дружелюбнее.

— Как же так? Такой молодой...

Обычные в подобных случаях слова. Позже Лили будет по-

сыпать голову пеплом, вспоминая, как часто ему пеняла. Для меня положение становилась все понятней и в то же время запутанней.

Есть некая особа, которая сплела вокруг меня паутину. Главная цель – моя смерть. Причем ее не устраивает банальный перелом черепа или наезд автомобиля. Ей важен именно мой добровольный уход из жизни. Какая подлость! Так низко, крайне опасно и просчитано до мелочей. И ведь сработало бы, если не Кейт – солнце, разогнавшее тьму. В первую очередь тьму в моей душе.

С какой целью был задуман этот план?

От рассуждений меня отвлек вышедший из операционной врач. Его отрицательный жест сказал все без слов. Лили заревела:

– Боже мой! Я ведь так часто его обижала...

Идя к лифту, я вспомнил о докторе Смите. Палата, в которой он лежал, была пуста.

На ходу я дочитал до дня моего рождения, дальше было многоточие. Дома, зайдя в кабинет, положил исписанную мелким аккуратным почерком рукопись отца рядом с глянцевым романом современного автора.

– Какая же между вами связь?

– Ты никогда не догадаешься!

Резко обернувшись на ехидные слова, произнесенные с незнакомым акцентом я увидел перед собой дуло дамского пистолета в руках очаровательный шатенки. И даже не страшно. Радостно! Не Кейт. Но кто тогда?

– Меня зовут Симона. Я автор этого бестселлера. Не знаю, каким путем он попал сюда, но, видно, от судьбы не уйдешь.

– Я не понимаю...

– Я тоже многого не понимаю. А еще меня со страшной силой бесит, что мой дед отписал большую часть своего наследства твоему отцу, а значит – тебе! При этом лишив меня всего!

– Какой дед?

– Так и быть, скажу, в рассказе лучше оформится сюжет новой книги. Еще одного бестселлера!

Оказалось, у моего отца был брат. Хотя и старше папы, скон-

чался он четыре месяца назад в весьма почтенном возрасте. За свою долгую жизнь он заработал немалое состояние, и вот сейчас около девяноста процентов его переписано на мое имя. А это порядком нескольких миллионов долларов.

– Почему?

– Твоя бабушка спасла ему жизнь, вырастила его. Вот он и решил, что обязан отплатить хотя бы деньгами ее потомкам. Благородно, правда? Но я против этого решения! Печально, но у меня не получилось красиво свести тебя в могилу. Может, у кого-то и возникнут вопросы, почему наследник такого состояния неожиданно умирает, но я уже буду далеко, чтобы ответить на них! А в книге все будет по-другому! Обещаю! Она выйдет в свет в Париже, Москве, через какое-то время появится на прилавках даже такого городишка, как этот. Но ты этого не увидишь.

Не замеченная Симоной Джулия после вчерашних волнений крепко спала. Звук выстрела разбудил ее.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СССР. 1950 год

ГЛАВА 1

– Ты вернешься?

Зная ответ, безутешный Илья стоял в аэропорту и глотал слезы. Брат уезжал. Когда они обнялись, он не выдержал, зарыдал. Не вернется!

След самолета растаял в небе, а он все не уходил. Ждал чуда. Вот еще секунда, и брат воплотится из снега. Весело скажет, что все это только шутка. И, конечно, Илья сначала даст ему дружескую оплеуху, а потом крепко обнимет. Но нет...

Чудо не свершилось – снег прекратился.

Последняя нить оборвалась. Больше ему не за что было держаться. Теперь он опора. Для семьи, жены, детей и внуков.

Мама знала, когда уходить. Чувствовала, что жизнь – с ее уходом – даже для сыновей будет продолжаться.

Неделю назад она сама решила идти гулять по заснеженному городу. От сопровождения отказалась. Так нежно посмотрела на внука, извинилась перед невесткой, приобняла сыновей. Она никогда не делала между ними различий. Оба ее. Любимые, сильные, выжившие вопреки всему. Смутные сомнения терзали мужчин, но женщина спокойно улыбнулась и вышла за дверь. Как оказалось, прощалась.

Яков долго смотрел вслед матери. А потом сказал, что видел, как тени её прошлого шли рядом с ней. Наверное, Илья и в этот раз списал бы все на необычное воображение. Если бы сам не видел этого...

Они знали, когда она ушла на самом деле. Много лет назад. Когда вернулась со встречи с отцом одна. Маму выдали безжизненные глаза. Обеспокоенная княгиня вызвала врача.

– Душевная болезнь. Лечит только время. И то не всегда.

– Возможен суицид?

Илья не слышал, что ответил врач. Он побежал за медицинским словарем искать определение неизвестной ему болезни. А когда прочитал и понял, ему стало страшно. Он дал себе обещание, что не допустит такого с мамой! С того дня всегда внимательно следил за ней. И часто заглядывал в глаза родного человека в надежде увидеть пробуждающую жизнь. Тогда Екатерина Андреевна улыбалась. Машинально, по принуждению. Десять долгих лет не отпускал ее траур...

– Артем, ступай. Ступай. Я позову, когда будет можно.

Катерина с силой вытолкнула за дверь выше ее на голову бывшего ученика. Только в такие минуты, стоя рядом с ним, она чувствовала, как много времени прошло.

– Катя, дай воды.

Это было первое, о чем попросила Виктория Олеговна Зуева. Княгиня уже немало времени проплакала. Перед ней лежало письмо, разорванное в клочья. «С прискорбием сообщая о кончине Вашего супруга... Мужественно поведя солдат в бой, он бы убит... Соболезную и, ратуя за вашу безопасность, предлагаю в скорейшем времени покинуть столицу...»

Катерина знала, что брак Зуевых не был простой формальностью. Виктория Олеговна искренне и нежно была привязана к мужу. Но не только его утрату она оплакивала сейчас. Над Российской империей дамокловым мечом висела угроза новой революции. Новости о выступлении мятежников ждали со дня на день. И в такое страшное время не стало главы семьи. Перед бедой благородная дама растерялась и не знала иного выхода, как горько лить слезы.

— Что делать? Катя, что делать? Где взять силы?

— Сами придут. Вы еще не знаете, насколько вы сильная. Тем более у вас есть сын.

— Слава Богу, у меня есть ты. А Темочка... 19 лет, а все высокие идеалы ищет. Хорошо, Илья время от времени опускает его на землю. Мой сыночек...

Похоронив мужа, княгиня готовилась к отъезду в Америку. Только там можно чувствовать себя в относительной безопасности. Она была неглупой и понимала, что Великая война только распалила амбиции правителей государств. Теперь появились вопросы, решать которые требовалось немедленно. Россию рвали на части. И пока есть призрачная надежда, надо бежать. Вот только мест на корабле было всего два. Вчера она сообщила об этом сыну. Он тут же сказал, что вместо него должна ехать Екатерина Андреевна. Ее благородный, наивный, светлый мальчик. Единственный сын. Опора, сила и надежда одинокой матери. Она так его любила и не могла им рисковать.

Все эти беспокойные думы проносились на фоне неспешного монолога соседа — графа Урусова. Гости стали частым явлением. Аристократы, чувствуя, каким шатким становится их положение, предпочитали держаться вместе. Подобного рода обеды теперь давали чуть ли не каждый день. В последнее время темы для обсуждения были одни и те же: война, реформы, революция, император. Не обязательно в такой последовательности.

Княгиня не могла поддержать подобные разговоры, поэтому позволяла гостю высказываться, рассеянно при этом кивая. В отличие от Екатерины, сидящей рядом. Та задавала вопросы и делала беседу куда более занимательной. Именитые гости дав-

но привыкли к этой особе в доме Зуевых и с удовольствием находились в ее обществе. Особенно мужчины! Престарелый граф и тот, наверное, в тысячный раз отметил завораживающую красоту женщины. Про себя, конечно. Загадочная, уверенная, не пускающая никого в свою душу дальше порога. Всем видом запрещающая ухаживать за собой. И все равно многие не оставляли надежды.

Виктория невольно завидовала. Она давно не ловила на себе влюбленных взглядов. И позлорадствовала, что в ее новой заграничной жизни Катерине нет места! Ужаснувшись своим мыслям, невольно зажала рот рукой. Хорошо, что беседа крутилась вокруг возможного восстания. Всплеск чувств был даже ожидаемым. Она виновато оглянулась. Не выдала ли себя?

– Не волнуйтесь так, милейшая Виктория Олеговна. Император все уладит. Все будет хорошо. Я верю в это!

Спала женщина в эту ночь плохо. Так и не призналась Екатерине, что не сможет увезти с собой ее семью. А если она еще немножко потянет, то та сама обо всем догадается. Что же это с ней? Как провинившаяся школьница. Чем она обязана этой бывшей аристократке? Чем? С этим вопросом она встречала рассвет...

А с появлением солнца в городе наступил ад. Вооруженное восстание. Разъяренный парод, руководимый холодными убийцами, рассыпался по улицам. И никто не мог ничего уладить. Даже император. Тем более император. И ничья вера не могла этого изменить! В течение дня восставшие захватили вокзалы, мосты, главный арсенал, здание окружного суда и, что самое страшное – тюрьмы. Несколько тысяч преступников оказались на свободе...

Княгиня металась по огромному залу, не зная, что делать. Слуги, видя смертельный страх хозяйки, прихватив каждый что-то себе на память, покидали дом. Виктория все видела, но не могла это остановить. Один из садовников поджег сарай, и сейчас деревянное сооружение горело, погружая реальность в едкий туман.

– Виктория Олеговна? Надо узнать, может наш корабль отправиться сегодня? Надо послать слуг. Билеты при вас?

– Катя? Катюша, ты меня не бросила?

В дом ворвался граф Урусов. Весь в копоти, дрожа от страха, он искал княгиню.

– Корабль отправляется через час. Где Артем? Надо спешить!

В распахнутые двери доносились взрывы, крики, мольба о помощи. Виктория ничего не соображала. Где ее мальчик? Вчера он уехал на встречу. Когда вернулся? Вернулся ли? Послышались быстрые шаги. Илья и плачущий Яша. За ними семенил старый сторожевой пес. Ее сына не было видно...

– Где Артем? – Женщина первой увидела кровь на распахнутой рубашке старшего сына Кати.

– Виктория Олеговна, я не смог... Они забили его до смерти, их было гораздо больше. Я не смог...

Шатаясь, она побрела в сторону, куда указывал Илья. На встречу ей неслась толпа. Безумие, овладевшее женщиной, на долю секунды остановило их. А потом тьма поглотила ее. Старый граф, тонко вскрикнув, бросился бежать. Но Катерина догнала его.

– А мы? Как же мы?

– Княгиня разве не сказала? Для вас билетов нет.

И умчался прочь в сторону захваченного порта. Туда, где кровавая пасть революции пожирала всех, кто пытался вырваться из ее цепких лап.

Илья хорошо запомнил ужас, захлестнувший маму при словах: «Для вас билетов нет». А еще он стал свидетелем, как эта отважная женщина призвала на помощь все внутренние силы. Дом был окружен. Но была надежда, что они смогут вырваться из капкана.

– Илья, забирай Яшу и беги через задний двор. Я сейчас.

– Мама...

– Бегом! Береги брата.

Катерина понимала, как сильно рискует, но не смогла уйти, оставив все свои сбережения. Она знала, какая судьба ее ждет, если снова окажется на улице без денег. Была уже в таком положении! Но не за себя боялась женщина. Страх перестал для нее существовать десять лет назад. В день, когда черный во-

рон, улетаая, забрал ее сердце с собой. С ней остался только долг перед детьми. Она пообещала, что будет жить, пока они не перестанут в ней нуждаться и не смогут идти дальше самостоятельно.

Пробегая мимо будуара графини, она на миг остановилась. Там, в шкатулке, лежали украшения, ценные бумаги. Гораздо больше, чем есть у нее. А деньги – это единственное, что оправдывает твое существование в глазах нынешней бунтующей власти. Усилим скинув с себя наваждение, побежала дальше. Проклятье! Что с ней? Где та гордость, которую она так нежно несла, боясь расплескать?

Катя быстро собрала свои нехитрые пожитки. И когда, развернувшись, уткнулась в грудь незнакомого мужчины, была к этому не готова. От неожиданности покачнулась и от легкого толчка в грудь упала на кровать.

– Какой чудесный день! Столько подарков, и все мне!

Она поняла, что имеется в виду. Похотливый взгляд грабителя, скользкий по изгибам ее фигуры, объяснил все. Сухие потрескавшиеся губы сложились в самодовольную ухмылку. Катя не двигалась, выжидала. И когда он сделал попытку кинуться на нее, выгнулась и с силой ударила его по лицу. Но сопротивление жертвы ничуть не смутило, а только позабавило нападавшего. Теперь он был в привычных для себя условиях. Рыча, мужчина схватил женщину за горло, начал задирать ее юбку. Катя отбивалась, кусалась, царапалась, не тратя силы на крики о помощи.

Внезапно все прекратилось. Насильник захрипел и забился в предсмертных судорогах. Когда Катерина выбралась из-под тела, то увидела торчащий в его спине топор для разделки мяса. И лицо старшего сына, на котором боролись ненависть и ужас от содеянного. А в дверях стоял Яша, истерично крича о том, что внизу полно незнакомых людей...

Они выбрались. Оказалось, мама бегает по крышам ничуть не хуже соседских мальчишек. А спускаясь по старой груше, умудрилась зажать в зубах небольшую сумку и целой и невредимой оказаться на земле.

И вот этой выдающейся женщины не стало. Она посчита-

ла, что сдержала обещание и пришла пора покинуть этот мир. Судьба в лице водителя автобуса, вышедшего на работу нетрезвым, настигла ее на окраине ночного зимнего самого красивого города...

После похорон Яша твердо решил бежать из страны. Его больше ничего не держало здесь. Советский Союз принес одни беды. По старой традиции он пытался найти свое счастье в чужих краях. Он долго вынашивал план побега. Бесконечными ночами сидя на кухне, курил и думал. Скрупулезно просчитывал возможности. Когда все было готово, осталось ждать. Ожидание продлилось несколько лет. Надо было иметь стальные нервы, чтобы ничем не выдать себя. А по части выдержки у Якова все было нормально.

Он работал в гастролирующем театре. И вот они в ближайшее время должны отправиться во Францию. Все зависело от удачи и от него. Скроется ли от слежки, добежит ли до консульства, дадут ли защиту, если он попросит. А оттуда Яков собирался перебраться в Штаты. О его решении знал только брат. И то Яша рассказал ему в последнюю минуту. Не мог уехать вот так навсегда и ни слова не сказать. На случай, если к нему заглянут «органы», Илья был готов. «С братом не общались несколько лет. После его аморального поступка, знать его не желаю. Пусть он сгинет в той гнивающей капиталистической Америке». Да, он сможет изобразить возмущенное удивление при роковом слове-клейме «невозвращенец».

Дома, не выдержав, мужчина закурил. Впервые в жизни. Непривычный вкус табака, раздирая глотку, проник в легкие, вызвав удушливый кашель. Еще горше этого были воспоминания, невольные вызывающие слезы. Илья достал фотоальбом, смотрел на маму, которую он из большого уважения часто называл по имени-отчеству.

— Эх, Екатерина Андреевна, — тяжело выдохнул он. — Уехал наш Яшка, счастья искать уехал.

На него надменно смотрело лицо прекрасной женщины. Уж кто-кто, но он знал, какой на самом деле была эта дама с изящно приподнятой бровью. Она так много испытала, но все же выстояла. Даже смерть единственного любимого мужчины не

сломала ее, лишь надломил. А ведь как много было, желающих облегчить такую тяжелую ношу, в состоянии нести ее на руках, золотом усыпая дорогу! Всех отвергла. Жизнь, наказав, лишила того, кто был поистине мил сердцу. А больше ее никто не интересовал. Екатерина Андреевна сполна заплатила за то, что когда-то пошла наперекор судьбе. Вольному воля, спасенному рай...

В комнату, тихо ступая, вошла Нина, жена. Присев рядом, как бы невзначай смахнула с его щеки слезу.

– Все пройдет!

Да, так часто говорила и мама, когда было совсем неумоготу бороться с невзгодами. Спасая от голода в войну, она воровала. Забыв про свое благородное воспитание, ползком добиралась до охраняемых складов и уносила все, что могла. Когда наступил шаткий мир, занималась спекуляцией. Не брезговала никакой работой, поднимая на ноги двух сыновей. Илья часто вспоминал, какой она была. Воспитание и манеры дворянской дочки были при ней, но пользовалась она ими крайне редко. Жизнь учила кусаться, и Катерина усвоила этот урок. Умирая, впервые за много лет улыбнулась. Она была по-настоящему счастливой. Ведь уходила к тому, любовь к которому пронесла в сердце до конца.

Яшу смерть матери подкосила. Он бежал от чувства вины, ненужных воспоминаний, невысказанных признаний. Его жизнь в этой стране не сложилась. Он был талантливым человеком, а таких не любили. Жить за чужой счет было для него недопустимо. Хотя Илья был готов предоставить брату и дом и хлеб, ведь его судьба бежала по совсем другой дороге.

Начав, как простой строитель, он к перестроечным годам стал руководителем процветающей строительной фирмы. Заработанный капитал успешно вложил в дело. Возможно, это и спасло его в будущем при банкротстве государственного банка. А он уже мечтал уйти на заслуженный отдых, нянчиться с внуками. Большой дом, огород, рыбалка...

Идеальная картинка, перечеркнутая черной полосой. Вовлеченный в криминал, единственный сын был убит во время разборки. Невестка пропала без вести. Трое внуков остались сиротами.

С ними он словно заново пережил переходный возраст. Его любимица Симона (родители видимо шутили, когда называли так дочь), без устали испытывала его все еще достаточно крепкие нервы. Больше всех любил он эту сорвиголову. За что? За интерес к нему, наверно. Она хотела стать писательницей! Он сначала смеялся, говорил, что это детские мечты. А потом нехотая вспомнил, Яша-то писателем был. Пусть и не добился ничего на этом поприще, но писал хорошо. Об этом он рассказал Симе.

— Правда? — Широко распахнутые детские глаза его даже насмешили.

— Правда.

Он мало кому рассказывал о брате. В такие минуты тоска железным обручем сжимала горло. Но сейчас, видя, что смог удивить девочку, не выдержал и поделился тем, что долго хранил в себе. Ведь так редко бывает, когда твои умные внуки внимают тебе с открытым ртом. А чтобы совсем увлечь ее, достал из сейфа, в котором хранил деньги, крестик мамы, документы — рукописи брата. Яша не разрешал читать то, что считал несовершенным. Был мнительным. Илья втайне от него сделал копии с его произведений. Он не раз перечитывал их. А как часто он давал распоряжение узнать, не появился ли на Западе такой писатель, как Павлов Яков? Брат не писал, и жив ли он, Илья не знал.

Симона вырвала из рук рукописи и погрузилась в чтение. Отдала бумаги через неделю. На вопрос, понравилось ли, в пренебрежительной улыбке скривила губы, Илья верил ей и невнимательно просмотрел листы. Не заметил, что у него копии, отданные вместо его бумаг...

Когда умерла Ниночка, он нашел в себе силы пережить и это горе. Но самое страшное было впереди. Когда его развалившаяся, растащенная по кусочку фирма перестала приносить доход, от него отвернулись внуки.

— Дед, приедем как-нибудь, — звучали в трубке беззаботные, ничего под собой не таившие обещания.

И вот он снова стоит в аэропорту, как много лет назад, и провожает внучку Симону. Кроме него, никто не приехал.

— Уезжаю. Ну нечего здесь ловить. А там меня ждет блистательное будущее!

– А я? – с замиранием спросил он.

– Что, ты? Живешь – и живи.

Дома ему стало плохо с сердцем. Один. Сколько их было в расцвете сил, и никого не осталась. Разбежались. Нотариус, старый проверенный друг, от усердия высунув кончик языка, записывал волю Ильи.

Годы шли. Приближалось 95-летие.

На юбилей собрались внуки и даже правнуки. Он подозревал, почему они здесь. Должен же дед когда-то умереть. Страна переживала строительный бум. В компанию был нанят толковый управляющий. Воровал, конечно, но и его, старика, не обижал.

Илья Григорьевич сидел во главе стола и пристально наблюдал за этой стаей стервятников. Чувствовал, что ничего, кроме презрения, к ним не испытывает. Чужие. Никчемные. Безликие. Правнуки даже внимания не обращали на него. Говорили каждый о своем. Подчиненные часы золотые подарили, а эти – рамочку для фотографии. На поминках изображение физиономии будет куда вставить. Скупая улыбка появилась на его изборожденном морщинами лице.

Посреди празднества в комнату вплыла Симона. То, что это его внучка, он понял после того, как эта расфуфыренная дама представилась.

– Какая стала!

Перекрасилась, очки нацепила для важности и, главное, стала-таки писательницей. Последнее не без гордости сообщила сама! И тут, же привлекла к себе всеобщее внимание. В подарок деду вручила две свои книги. Весь вечер девушка липой вертелась перед ним. Ухаживала, спрашивала, удобно ли сидеть, желает ли он чего-нибудь еще? Сердце Ильи по-прежнему оттаивало, хоть и казалось, что все это неспроста. Не звонила все это время, и на тебе! Совесть, может, замучила?

Укладывая его спать, заботливо поцеловала в лоб. Аккуратно накрыла одеялом. И, наверное, сама поняла, что перегнула палку. Но с елеинной улыбкой продолжала играть свой дешевый спектакль. Невинно хлопая ресницами, задушевно поинтересовалась:

– Дедушка, а ты кому фирму свою завещаешь?

А через пять минут, вереща дурным голосом, подняла крик

на весь дом. На шум сбегались родственники. Видя, что Симона кричит не по причине кончины главы семейства, расстроено разошлись. Остались самые любознательные.

– Как ты можешь так поступить? Ведь они тебе никто!

– Объясните, что происходит? – это был голос старшего, по-немногу спивавшегося внука.

– Он отписал все наследство какому-то родственнику в Америке!

Старший внук был не в его породе. В их роду, вне зависимости кто, кем и где стал, все отличались напором и чувством внутреннего достоинства, помогающим выжить. Артем же после первой жизненной подножки сдался и сильно запил. И теперь шатаясь, медленно брел по пути в никуда.

– Дедушка, я никто, чтобы перечить тебе. Ты всю жизнь работал и вправе распоряжаться своими деньгами без подсказок. Но позволь заметить, они о тебе даже не знают. Ты не видел своего брата много-много лет. Я не претендую на твое наследство, но все же...

Симона, подхватив песню брата, продолжила:

– Дедуля, ну правда, как же мы? – прижимая его ладонь к щеке, спросила она.

– А что, вы? Живете – и живите.

После этого никто из них у него не появлялся. Большой дом, о котором он мечтал всю жизнь, приходил в запустение. И может, здание еще стоило спасать, но Илью бесполезно. Он доживал. И каждый день вот уже второй год молил Бога о смерти. Устал...

Сердце его остановилось во сне. Тело обнаружил почтальон, принесший перевод из фирмы...

Симона не сдалась. Ей было необходимо получить наследство! Две книги, написанные на материалах брата деда, распродавались хорошо. Но прошло три года, с тех пор как Европа заговорила о писательнице Симоне Павловой. Издательство требовало новых романов, но все, что у нее получалось создать собственным трудом, со смехом отвергалось.

– Мадмуазель Симона, это же уровень школьного сочинения! Где же истории о вашей семье? Создайте что-нибудь! А это выкиньте, не стоит даже того, чтобы лежать в столе!

Она ненавидела этого красавца француза, редактора изда-

тельства. Каждой своей насмешкой над ее потугами на искусство он причинял невыносимые страдания болезненному самолюбию девушки. Деньги заканчивались. Все, что она привезла из дома, было давно потрачено. Не так полезны для нее наставления деда, как его смерть. И что же? Он все оставляет не ей! В припадке злости она разбила единственную дорогую вещь в арендуемой квартире – позолоченное зеркало. Ну почему он с ней так? Всю жизнь терпела сопливые воспоминания о его ничемной жизни, про брата слушала, болезни обсуждала.

– Ненавижу!

Пытаясь взять себя в руки, она включила телевизор. Шел очередной детектив. Их она тоже ненавидела. Но к этому привыкла. Суть: родственники убивают того, кому предназначалось наследство. Конечно, попадают.

Поппадают потому, что дураки, бездарщина, а она, Симона, – талантливая умница и всегда ею была. Она найдет этих родственников. Время у нее есть, дед ее, хоть и старый, сдавать позиции не спешит. Обязательно найдет. А потом придумает такое убийство, что ее, святую, никто и не заподозрит. Все будут только сочувствовать. Правда, брат знает, что она не в восторге от затеи с наследством, но если понадобится...

– А потом про это книгу напишу! – ткнув пальцем в оставшейся в раме осколок зеркала, пообещала себе.

Идея о создании романа о том, как она избавится от дедушкиного брата, выстроилась в голове мгновенно. Такого подъема у нее еще не было! Используя оставшиеся от деда Якова записи, она написала синопсис будущего бестселлера. Семейную сагу в жанре детектива. Редактор чуть не руки ей целовал.

Но Симона даже не почувствовала удовлетворения. В голове усилием воли девушка держала картинку идеального убийства. Когда она решилась лететь в Америку, пришло известие о смерти деда. Ехать на похороны не хотела, но потом решила, что ее отсутствие вызовет подозрения. Ничего, время у нее есть. Успеет. Тем более она единственная знала, что Яков изменил свою русскую фамилию Павлов на американский манер – Пауэлл.

Смерть деда ей не помешает. Только на руку будет. Съездит,

разыграет сцену раскаяния, попросит нотариуса приложить все силы для поиска родственников. Ведь семья должна быть вместе. Права она или нет?

Её утробный смех эхом отражался в пустой квартире.

Брызнув себе в глаза из перцового баллончика, она появилась на похоронах. Людей тьма. Из-за застилающих глаза слез толком не могла разглядеть лица соболезнующих. Какая разница! Бросаясь каждому на плечо, без конца повторяла о любви к деду. Были и такие, кто ощутил силу ее горя по несколько раз. Пьяный брат, который во время погребения с трудом стоял на ногах, без конца повторял:

— Кто мы перед смертью? Ничтожества. Заберет и не спросит. Кто мы? Кто мы?

Тушица, вот ты кто! Симона хотела врезать ему по его мерзкой роже, но боялась, что промахнется. Слезы все еще лились в три ручья.

В Америке Симона приступила к осуществлению своего плана. Оказалось, Яков давно умер. Тем лучше для нее. Остался только Алекс. Ни Джулия, ни Джейн по условиям завещания не могли претендовать на деньги деда. На ходу девушка скорректировала дальнейшие действия.

Деньги! О, нет людей, которые их не любят. Просто надо найти правильный подход! Симона не скупилась. Она знала, в конце ее ждут золотые горы. И первые дни все шло по плану. Сослуживец, врач — девушка быстро нашла к ним подход. И был разговор. И было — было — желание самоубийства! Но все рухнуло, когда Алекс случайно познакомился с Кейт. А самое смешное было то, что они укатили из-под ее надзора в Париж. А потом пришла пора лить горькие слезы. И до мелочей продуманный детектив превратился в дешевый низкопробный триллер. Убивая, Симона, чувствовала только страх быть разоблаченной.

В фильмах, расстрел главных героев проходит в более торжественной обстановке. Наверное, потому, что Алекс Пауэлл не герой, все было страшнее и намного реалистичней. Пуля, попав в живот, разорвала ткани и задела жизненно важные органы.

ЭПИЛОГ

Я с тетей Джейн по традиции пришел сегодня на кладбище. У нее давно своя семья, муж, дети, карьера (она знаменитая певица), но сейчас мы здесь одни. В этом тоже своего рода традиция.

Три могилы, на которые она с трепетом кладет принесенные цветы. Бабушка, как всегда, улыбается с фотографии. В очередной раз ловлю себя на мысли, что искренне жалею, что не был знаком с этой мужественной женщиной, которая ценой собственной жизни не позволила скрыться убийце сына.

С болью перевожу взгляд на соседнюю могилу. В груди защемило. Мама... Она прожила короткую, но, надеюсь, счастливую жизнь, несмотря на то что осознанно обрекла себя на одиночество. Просто мама не смогла, не пожелала пускать в свое сердце никого после отца. Самого близкого и, увы, незнакомого мне человека. О котором мне остались лишь чужие горько-сладкие воспоминания, красивая история любви и несбывшиеся мечты.

– Ты очень похож на отца, Алекс! – Тетя умела найти нужные слова поддержки. Улыбка и надежда озарили мое лицо.

– Я знаю. Знаю и горжусь этим!

На ходу я дочитал до дня моего рождения, дальше было много-точие. Дома, зайдя в кабинет, положил исписанную мелким аккуратным почерком рукопись отца рядом с глянцевым романом современного автора.

— Какая же между вами связь?

— Ты никогда не догадаешься!

Резко обернувшись на ехидные слова, произнесенные с незнакомым акцентом я увидел перед собой дуло дамского пистолета в руках очаровательный шатенки...